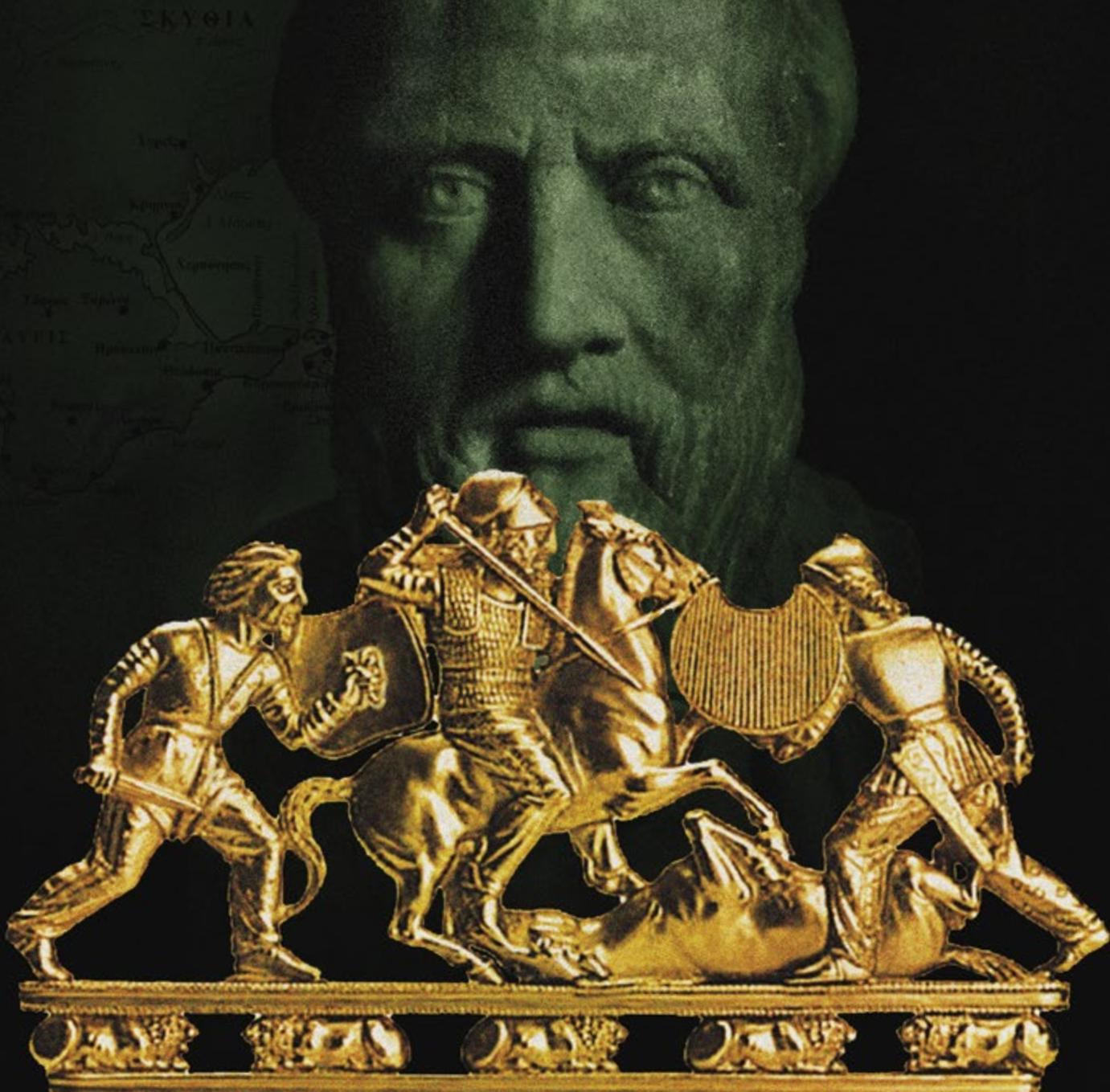

ФЕВРАЛЬ | 2019

РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ЗАГАДКИ
ВЕЛИКОЙ
СКИФИИ

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

www.russkiymir.ru

ВСЯ НАША ЖИЗНЬ – ТЕАТР

Нынешний, 2019 год объявлен в России Годом театра. Наша страна традиционно воспринимается как страна театральная, давшая миру много громких имен. Россияне активно ходят в театр, число зрителей по-прежнему неуклонно растет, уже превысив 40 миллионов человек в год. Да и количество театров тоже растет. Государственных более 650, частных немногим менее – примерно 550.

Однако если судить по «плотности охвата» театральным искусством, то мы уступаем ряду европейских стран. Скажем, в Великобритании на миллион жителей приходится 8,9 театра, хотя там, в отличие от нашей страны, где этот показатель равен 3,1, нет государственной поддержки театров. Во Франции театров на миллион – 9,6, в маленькой Австрии – аж 24. Распределение театров по нашей огромной стране крайне неравномерно. В Москве их почти 20 процентов от всей общероссийской численности.

А главная проблема для российских театров – то, что они в подавляющем большинстве убыточны и зависят от поддержки государства. И как ни парадоксально, но чем более «статусный» театр, тем его дороже содержать. Лучше всего оккупятся антрепризные («временные», образно выражаясь) театры, тогда как репертуарных в нашей стране 95 процентов – с постоянным штатом актеров и технического персонала.

Как найти правильное соотношение между государственной поддержкой, прибыльностью, качественным репертуаром и зрительским успехом? Возможно, на эти вопросы удастся найти ответы в Год театра. Тем более что схожие вопросы актуальны практически для всех других сфер отечественной культуры. ●

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

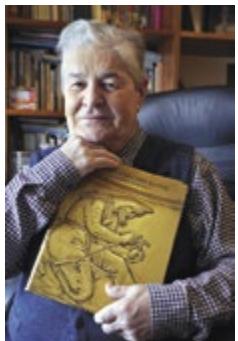
06 «Желтые жилеты» и новые пикеты

РУССКИЙ ЯЗЫК

10 Сорняки «де-люкс»

ИНТЕРВЬЮ

14 Загадки Великой Скифии

20 Эрмитажник

СИТУАЦИИ

26 Крылатый патруль

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

32 Библиотечный урок

ТРАДИЦИИ

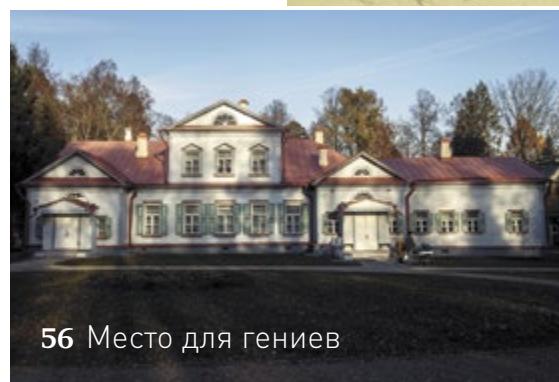
36 Как горожан колядовать учили

42 Чудеса из дерева

НАСЛЕДИЕ

48 Журнальный бес

56 Место для гениев

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

68 Чебуреки Солянки

ЭКСПЕДИЦИЯ

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

76 Бабушка
и ее «добрый
фургон»

82 Путешествие
в Гиперборею

РЕПОРТАЖ

92 Мечта о северном
олене

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Максим ГУСЕВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Андрей СЕМАШКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«ЖЕЛТЫЕ ЖИЛЕТЫ» И НОВЫЕ ПИКЕТЫ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

НОВЫЙ ГОД В ЛАТВИЙСКОЙ СТОЛИЦЕ ОПЯТЬ НАЧАЛСЯ С УЛИЧНЫХ АКЦИЙ ПРОТЕСТА. ТОЛЬКО В ЯНВАРЕ В РИГЕ ПРОШЛИ ДВА МЕРОПРИЯТИЯ, ОРГАНИЗОВАННЫЕ «РУССКИМ СОЮЗОМ ЛАТВИИ» И МЕСТНЫМИ АНТИФАШИСТАМИ. ПО-ПРЕЖНЕМУ ЗЛОБОДНЕВНЫМ ОСТАЕТСЯ ВОПРОС О ЛИКВИДАЦИИ ПОЛНОЦЕННОГО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ВЛАСТИ ОТСТУПАТЬ НЕ ХОТЯТ, НО И РОДИТЕЛИ УЧАЩИХСЯ РУССКИХ ШКОЛ НАМЕРЕНЫ ПРОДОЛЖАТЬ БОРЬБУ ЗА ПРАВО ДЕТЕЙ УЧИТЬСЯ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ. К «ШКОЛЬНОМУ» ВОПРОСУ ДОБАВИЛИСЬ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. И ХОТЯ, КАК ИЗВЕСТНО, РИЖАНЕ – НЕ ПАРИЖАНЕ, НО И ОНИ НА СЕЙ РАЗ ВЫШЛИ С ПРОТЕСТАМИ, НАДЕВ ЖЕЛТЫЕ ЖИЛЕТЫ.

НА МАРШ «ЗА СОЦИАЛЬНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И РАВНОПРАВИЕ» в самом центре Риги, на Домской площади, по призыву «Русского союза Латвии» (РСЛ) собралось около тысячи человек. Многие были по примеру французов в желтых жилетах, люди держали в руках плакаты: «Школа без знаний – фабри-

ка рабов!», «Нам не все равно!», «Суверенная власть принадлежит народу!», «Русским детям – русские школы», «Хватит пилить евроденьги!» Когда утихла барабанная дробь, на площади прошел митинг, на котором выступили организаторы мероприятия. Депутат Европарламента Мирослав Митрофанов в знак солидарности с европейским

протестным движением тоже облачился в желтый жилет. И предупредил, что если власти не прислушаются к требованиям народа, то в Латвии, как и в других городах Европы, движение «желтых жилетов» будет распространяться все больше. «После выборов в Сейм Латвии наши оппоненты надеялись, что здесь будет заповедник социальной пассивности, – сказал Мирослав, обращаясь к рижанам. – Но, как мы сейчас видим, этого не произошло благодаря активным людям». Право на выбор языка обучения в школах для нацменьшинств тоже относится к социальным вопросам.

«НАМ НЕ ВСЕ РАВНО!»

Участники марша говорили и о бесправном положении неграждан, лишенных возможности участвовать в выборах и свободно перемещаться по ряду стран. Население Латвии обеспокоено существенным повышением цен на газ, электричество, коммунальные и медицинские услуги. Увеличен налог для десятков тысяч жителей Латвии, занятых на микропредприятиях. В результате в минувшем году Латвия потеряла почти 10 тысяч фирм-налогоплательщиков. Люди уезжают на заработки за границу, причем как русские, так и латыши... Но вместо того, чтобы решать социальные проблемы, вновь из-

«КТО, ЕСЛИ НЕ МЫ?»

Участники марша «За социальную справедливость и равноправие» были едины во мнении: дети в школах должны учиться на родном языке. Но помимо смены языка обучения, как отмечали лидеры РСЛ, продавливается и множество других катастрофических изменений. В сумме эти перемены приведут к потере конкурентоспособности выпускниками большинства школ Латвии – как латышских, так и школ национальностей. В рамках этой новой реформы разрушается системный подход к обучению. При этом в Латвии сохраняется несколько элитных школ, в которых все остается по-прежнему.

Растянувшись почти на километр, колонна в желтых жилетах с плакатами промаршировала по старой Риге к президентскому дворцу. В прошлом году на Пасху многие из протестующих латвийцев уже были здесь, обращаясь к лидеру нации с просьбой не провозглашать губительные поправки к закону об образовании. Тогда Раймонд Вейонис за два дня до апрельского шествия родителей подписал указ, подготовленный правящей национальной коалицией.

В этот раз участники марша не стали долго задерживаться у его дворца. Прокричав несколько раз «Президент, проснись!», колонна двинулась к Сейму Латвии. Здесь вновь пошла речь об экономических, политических и социальных проблемах. Собравшиеся требовали справедливости и равноправия. На двух языках. Для всех народов Латвии...

После окончания акции к лидеру РСЛ Татьяне Жданок подходили родители, чтобы рассказать, как нелегко сейчас приходится их детям, ведь во многих билингвальных школах администрация, что называется, побежала впереди паровоза, сократив до минимума количество предметов на русском языке. Ей то и дело передавали какие-то бумаги, заявления, обращения, записывали ее номер телефона, договаривались о встрече. На мой вопрос, будут ли защитники русских школ и дальше продолжать борьбу, Татьяна ответила:

– Сегодня мы уже не можем стоять в стороне от социальных вопросов. Обладая опытом и знаниями в деле отстаивания своих прав и имея мощную международную поддержку

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

бранные депутаты уже три месяца делят портфели и никак не могут приступить к формированию правительства. Единственное, о чем сразу же договорились лидеры латышских партий, прошедших в Сейм, – русских в правящую коалицию они не возьмут. Хотя партия «Согласие», куда входят в том числе и русские депутаты, набрала на выборах наибольшее количество голосов. Их удел – молчаливая оппозиция в «позиции ожидания», в которой эта партия пребывает не первый десяток лет. Поэтому по болезненному для русских избирателей «школьному» вопросу в парламенте Латвии пока сохраняется молчание.

Зато на улицах голос протестующих звучит все громче. Да, пришедших на марш – а среди них было немало представителей и латышской общины – волновала непродуманная школьная реформа, которая уже привела к закрытию ряда школ в городах и сельской местности. Новая реформа, задуманная прежним министром, делит все образование на две части. Кто-то будет получать качественное образование, рассчитанное на обеспеченные семьи, а большая часть жителей вынуждена будет довольствоваться прикладными науками для пополнения в будущем рядов дешевой рабочей силы. Тяжелее всего в этих условиях придется именно русским детям,

ведь им, ко всем прочим сложностям, надо будет осваивать непростые науки на неродном языке... Какая же тут социальная справедливость? Ведь налоги-то платят все одинаковые, независимо от национальности!

Мать двоих детей, предпринимательницу из Юрмалы Инну Дьери в политику привели вопросы образования. «Да, мы говорим на латышском языке, – сказала она, выступая на митинге. – Но точные науки и многие школьные предметы надо изучать на родном языке. Над нашими детьми хотят провести опасный эксперимент, навязывая нам непроверенные реформы. Пациент либо умрет, либо останется инвалидом? Нас это не устраивает! Вместо качественного образования нам всем, и русским, и латышам, предлагают ширпотреб. Мы с этим категорически не согласны!»

Марш «За социальную справедливость и равноправие» в Риге собрал около тысячи рижан

Евродепутат Мирослав Митрофанов в знак солидарности с европейским протестным движением на рижском митинге на Домской площади надевает желтый жилет

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

в лице левых региональных партий Евросоюза, активно включившихся в нынешнее протестное движение в своих странах, мы просто обязаны взять инициативу в свои руки и показать, что народ Латвии не запуган и не деморализован окончательно. Да и кто, если не мы? Все прекрасно понимают, что никто, кроме «Русского союза», не рискнет вывести людей на улицы. На Первомай по нашему призыву, как вы помните, 10 тысяч человек прошагали по центральной улице Риги с лозунгом «Русские школы = мир в Латвии!». Кое-кто, правда, сетует, что полтора года борьбы пока не окончились победой. Скептикам с их вечным вопросом: а что это даст? – я так отвечаю: опыт протестного движения во Франции и в других европейских странах показывает, как много может достигнуть разгневанный народ. У рижан еще больше оснований для недовольства, чем у парижан. Сдаваться нельзя. Никогда!

«СВОБОДУ ПАЛЕЦКИСУ!»

А через два дня в Риге, уже на другом конце города, прошла еще одна акция протеста. На этот раз – в защиту известного литовского правозащитника, публициста, общественного активиста и участника антифашистского движения Альгирдаса Палецкиса. В декабре прошлого года в Литве на пресс-конференции в Генеральной прокуратуре было объявлено, что два месяца назад по подозрению в шпионаже в пользу России задержали несколько фигурантов, в их числе – известный политик, в прошлом дипломат, депутат Сейма и вице-мэр Вильнюса Альгирдас Палецкис, он находится под арестом. Другого – бывшего лидера движения «Единство», гражданина России Валерия Иванова – задержали во время обыска 18 декабря, однако через два дня освободили из-под стражи. А вот Палецкис сидит в вильнюсском изоляторе по сей день. Ему инкриминируют 119-ю статью УК ЛР – «шпионаж в пользу другого государства». Каким образом человек, публицист, много лет назад за свои взгляды отлученный от государственной деятельности, мог работать на иностранную разведку? В ответ на этот вопрос литовским журналистам намекнули, что шпионить мож-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Рига. Пикет у литовского посольства

но, используя и открытые источники информации...

В 2012 году Альгирдас Палецкис был осужден за высказанную публично версию о том, что у Вильнюсской телебашни 13 января 1991 года «свои стреляли в своих». От уголовной ответственности «за отрицание советской агрессии против Литвы» его в итоге все же освободили, но обязали выплатить штраф в размере около 3 тысяч евро. Не осталась в стороне от громкого дела и бывший преподаватель Высшей партийной школы, а ныне – президент Литвы Даля Грибаускайте, лишив непокорного публициста ордена «За заслуги перед Литвой», который был вручен ему в 2004 году.

Но если шесть лет назад Альгирдасу удалось остаться на свободе, то на сей раз с ним не церемонились – упредили в тюрьму, хотя и держали это втайне от общественности. Это тем более странно, что как раз в последние годы 47-летний оппозиционный публицист отошел от активной общественной деятельности, даже сложил с себя обязанности председателя «Социалистического народного фронта Литвы» и занимался в основном историческими исследованиями...

Соратники Палецкиса из антифашистских движений уверены: с их товарищем решили расправиться именно за инакомыслие. Палецкис всегда выступал против возрожде-

ния нацизма в Литве, против русофобии. В соцсетях был брошен клич, обращенный ко всем антифашистам: выступить в защиту политического узника Литвы! Первыми откликнулись лидеры «Латвийского антинацистского комитета» (ЛАК), встав с плакатами в пикет у литовского посольства в Риге. Несмотря на меть, по их призыву у посольства Литовской Республики собралось около 50 человек – латвийских политиков, правозащитников, общественных деятелей и просто неравнодушных людей. Лидер ЛАК Иосиф Корен назвал Альгирдаса настоящим патриотом Литвы, который сделал для своей страны намного больше, чем те, кто сегодня держит его в казематах.

Депутат Европарламента Мирослав Митрофанов сообщил собравшимся, что он направил в Генеральную прокуратуру Литвы запрос в связи с арестом Альгирдаса Палецкиса. Митрофанов подчеркнул, что считает «неприемлемой ситуацию, когда в стране Европейского союза более двух месяцев держится в тайне от общества пребывание под стражей известного общественного деятеля». Он пообещал проинформировать о литовской ситуации с правами человека других депутатов Европарламента и соответствующие европейские институты. Мирослав Митрофанов также отметил, что латвийские власти учатся у своих «литовских товарищей»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

тому, как надо преследовать инакомыслящих. В течение последних десяти лет ситуация в Латвии ухудшалась. Многие из присутствующих на пикете фигурируют в уголовных делах – в качестве подозреваемых или свидетелей по итогам проведенного в прошлом году Вселатвийского родительского собрания. По ходу митинга, на котором выступали лидер РСЛ Татьяна Жданок, председатель русской общины Латвии Владимир Соколов, лидер ЛКПЧ Владимир Бузаев и другие активисты, несколько раз звучали на русском, литовском и английском призывы, обращенные к литовским властям: «Свободу Альгирдасу Палецкису!» В этот же день пикет в защиту литовского узника совести состоялся и в Вильнюсе, у здания Сейма Литвы. Организаторы – «Социалистический народный фронт» и его лидер Гедрюс Грабаускас при участии представителей других левых движений. Пикет правозащитников пытались сорвать несколько националистически настроенных деятелей, которые, размахивая флагами НАТО, оскорбляли антифашистов, провоцируя их на беспорядки. Но в присутствии полиции провокация не получилась. Антифашисты потребовали от властей немедленного освобождения их товарища Палецкиса, а также высказались против возрождения фашизма в Литве и разжигания войны.

Таллин тоже не остался в стороне. В пикете у литовского посольства с плакатами, осуждающими власти за политические преследования в стране, встали представители Объединенной левой партии Эстонии, известные общественные деятели, например организатор «Бессмертного полка» в Таллине Сергей Чаулин и активист общественного движения «Ночной дозор» Максим Рева, правозащитники Мстислав Русаков и Сергей Середенко. В этот же день, когда в странах Балтии проходили пикеты, представители шести белорусских общественных организаций и объединений у посольства Литвы в Белоруссии провели свою акцию в поддержку литовских политзаключенных. Они передали литовским дипломатам заявление – «В связи с очередным судебным преследованием Альгирдаса Палецкиса в Литовской Республике».

Татьяна Жданок и Иосиф Корен призвали Литву соблюдать право человека на свободу слова

Таллин.
В пикете
в защиту
Альгирдаса
Палецкиса
правозащитники
Эстонии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

По мнению белорусских антифашистов, «нынешние действия литовских правоохранительных органов напоминают мракобесие карательных органов диктаторских режимов, исполненных в худших традициях маккартизма, пиночетовской охранки и гестапо». Они констатировали наличие в Литве идеологической нетерпимости, шпиономании, преследования инакомыслящих и других проявлений слабости нынешнего литовского режима.

Поддержали Палецкиса и в Кишиневе. Здесь перед зданием посольства Литвы прошел пикет «За мир и свободу слова» в поддержку литовского политзаключенного, антифашиста Альгирдаса Палецкиса. В акции приняла участие председатель фракции Партии коммунистов в парламенте Республики Молдовы Инна Шупак. Кроме того, послу Литовской Республики в Республике Молдова Кястутису Кудзманасу было передано обращение от общественной организации «Наша Родина – Молдова» о недопустимости преследования за инакомыслие.

Такие же петиции и заявления были переданы руководителям Литовской Республики от «Русского союза Латвии» и от «Антифашистской коалиции многонациональной Грузии», в которую входит 120 НГО и гражданских платформ. Лидеры этих общественных организаций потребовали освободить политических заключенных Альгирдаса Палецкиса и гражданина России Юрия Меля, которого тоже без достаточных оснований обвиняют в преступных действиях против Литвы в ходе январских событий 1991 года в Вильнюсе. За решеткой он провел уже около пяти лет. В заявлениях указывается и на необходимость прекращения политических гонений в отношении литовского экс-депутата Вячеслава Титова, выступившего против героизации нацистов. Кроме того, в заявлении содержится требование о пересмотре политически мотивированного уголовного дела против бывшего рижского омоновца Константина Никулина, который уже десять лет содержится в литовских застенках. Такой вот получился международный день солидарности антифашистов с политическими заключенными Литовской Республики...

СОРНЯКИ «ДЕ-ЛЮКС»

автор

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

К УДИВИТЕЛЬНОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ ПРИШЛИ УЧЕНЫЕ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В.В. ВИНОГРАДОВА РАН. СЛОВА-ПАРАЗИТЫ ЦИКЛИЧНЫ, ЕСЛИ НЕ ВЕЧНЫ В УПОТРЕБЛЕНИИ. ТАК ПРОИСХОДИТ ПОТОМУ, ЧТО ВМЕСТЕ С ФУНКЦИЕЙ ОТРАЖЕНИЯ БЕДНОСТИ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА ТОГО, КТО ИМИ ПОЛЬЗУЕТСЯ, ЭТИ САМЫЕ ПАРАЗИТЫ ЕЩЕ ИНТЕНСИВНО РАЗВИВАЮТ РЕЧЬ.

О ДНА ИЗ СКВОЗНЫХ тенденций последних лет – языковые паразиты нередко становятся словами-мемами. Такими их делает тиражирование в СМИ и в социальных сетях, а улица довершает дело: легализует как элемент разговорной речи. Именно так в свое время известное «да ладно?» в исполнении телеведущей Тины Канделаки обрело статус мема. Теперь оно живет вполне литературной жизнью и означает сомнение с ноткой иронии, легкое недоверие к собеседнику или выражает шутливое отношение к жизни. Им «балуются» те, кто чего-то достиг в жизни, но устал от статусности и давления успеха. По этому же пути – через сетевую «мемезацию» – прошли модные слова-сорняки: «прикинь», «походу» и «типа». В последние три-четыре года они тоже стали мемами. Хотя по факту они – слова-паразиты, такие же, как «ё-моё», «в натуре», «это самое», «значит», «понимаешь», «как-то так», «пипец», «ну вот», «без проблем»,

«итак», «лады», «типа того». Или знаменитое «однозначно», введенное в речевой оборот известным политиком Владимиром Жириновским.

В чем дело? Почему давно или недавно забытые слова-паразиты снова входят в употребление и обретают статус «продвинутых» слов? Хотя с точки зрения литературной нормы они остаются словами, засоряющими речь.

СПАСИТЕЛЬНАЯ ЗАРАЗА

Как и раньше, слово-сорняк в речи человека вычислить просто. Оно не имеет информационной ценности, его легко исключить из сказанного без потери смысла всего предложения. Часто люди прикрывают такими словами неловкие паузы или придают своему высказыванию яркий, запоминающийся оттенок. Причины использования таких слов тоже остаются вечными – небогатый словарный запас, волнение и неспособность точно выразить мысль. А вот способы проникновения в разговор

сорняков, похоже, становятся более разнообразными. Если раньше нецензурная лексика, местоимения и междометия были основной базой для возникновения паразитов в русском языке, то сегодня их дополняют иностранные слова, регионализмы и реже – диалектизмы.

– Есть два современных пути проникновения языковых паразитов в речь, – говорит лингвист-морфолог Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета Есения Павлоцки, – старый, за счет нецензурной лексики, регионализмов и диалектизмов, но по-прежнему на основе местоимений и междометий. И относительно новый. В основном это научная и техническая терминология английского языка, которая используется в русском языке. Первый путь более массовый. Он веками держится на различиях в произношении Пскова и Краснодара, Калининграда и Уссурийска, Нижнего Новгорода и Вологды. Причем слова-паразиты в различных местах настолько разные, что по ним можно определить регион, где родился и вырос конкретный человек. Второй путь, проникновение англичизмов, тоже набирает обороты. «Каноническими» интервентами-паразитами стали даже не слова, а, скорее, междометия – «ок», «о'кей» и «вау». А вот неканоническая группа слов, связанная с высокими технологиями, переменчива в своем влиянии. К примеру, более или менее устойчивы «комп» (компьютер) и «экс» (экспат). А вот языковые паразиты, связанные с интернет-технологиями или мобильной связью, усиливают или ослабляют свое влияние на речь по мере развития и совершенствования наукоемких процессов. Так, из использования в разговоре почти ушла «аська». А вот «вацап» как только

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

не называют – «цап», «ругальник» и даже «кацап».

Как полагает Павлоцки, новая порция сорняков на основе иностранных заимствований неизбежно придет в русский язык с обновлением средств мобильной связи и усовершенствованием иных, в основном бытовых, высоких технологий. Растущее использование новых слов-паразитов, как считают лингвисты, вызвано трудностями привыкания человека к научным гаджетам и иностранным терминам.

Другой путь «заражения» слова-ми-паразитами – приспособле-

ние носителя русского языка к неудобным русским словам и ситуациям. Например, по мнению лингвиста Института русского языка РАН Ирины Левонтиной, в последнее время хитом-паразитом стало «походу». Оно нередко отражает неуверенность в точности произнесенной информации или правильности произношения тех или иных слов либо терминов, часто связанных с иностранными заимствованиями. Выражением «походу» говорящий страхуется от возможных фактических или иных ошибок. Так человек интуитивно отка-

зывается от ответственности за свои слова.

«Походу» пришло на смешу перестроенному «как бы». «Как бы» употребляла оппозиционная часть интеллигенции СССР. В ее понимании «как бы» подчеркивало зыбкость и эфемерность социалистического строя. Так разинированные интеллигенты противопоставляли себя коммунистической идеологии, не терпящей сомнений. Те же, кто говорил «как бы», смел выражать неуверенность в скажанном и давал собеседникам возможность высказать

КОЛЛАЖ ОЛЕГА БОРОДИНА

свою точку зрения. После перестройки «как бы» стало массовым, утратило элитарность, но не лишилось значения. Его до сих пор произносят, выражая неуверенность в чем-то. А вот лавры «элитарного» сомнения перешли к некогда простонародному «походу». К этим же выражениям-паразитам, но уже с крайней степенью сомнения и даже с оттенком иронии, примыкают слова-сорняки «типа» и «прикинь». Разница между ними в том, что в «типа» есть элемент отстраненности и даже высмеивания, а в «прикинь»

за элементом сомнения больше молодежного жаргонизма и желания выделиться рассказом о чем-то значительном и крутом, во что с трудом верится. Последнее – слово-сорняк из разряда тех, которые употребляются слишком часто и совсем не к месту ради того, чтобы человек, говорящий на языке мемов, казался своим в той или иной среде или «тусе» – тусовке. Из этого же разряда сорняки, также ставшие мемами: «крутяк», «воряч», «супер». Сила и одновременно слабость этих слов в том, что они мощно заряже-

ны эмоциональностью, но быстро устаревают или теряют свою значимость, как это произошло с «как бы».

– Причина простая, – считает Ирина Левонтина. – С одной стороны, слова-паразиты вечны, как и мат. С другой – если мат живуч потому, что табуирован, то слова-паразиты быстро умирают, потому что разрешены. Ими щеголяют чрезмерно и даже безмерно, что и приводит к относительно быстрому отмиранию одних паразитов и рождению новых или, что реже, возвращению старых.

КРАЙНИЙ ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ?

Впрочем, есть среди сорняков группа слов, которые паразитами не являются, но их употребление сразу выставляет человека безграмотным. Или как минимум ставит в двусмысленное положение. Классический пример – крайности с употреблением слов «крайний» и «последний». Сами по себе они ни в коей мере сорными не являются. Однако споры о том, как правильно говорить: «Вы последний?» (в очереди) или «Вы крайний?» – по-прежнему путают многих.

Например, исключительно «крайний» говорит весь юг России – Краснодар, Ростов-на-Дону, Крым. Появилось и устоялось это слово с конца XIX – начала XX века в лексиконе шахтеров Донбасса и городов Шахты и Новочеркасск Ростовской области. Тогда люди часто гибли в забоях ветхих шахт и слова «последний» в шахтерских местах суеверно боялись. Так постепенно в широкий российский обиход вошло слово «крайний», хотя, по мнению ученых Института русского языка РАН, тоже верный и более грамотный вариант – слово «последний». Его не боятся говорить не только не суеверные, но и просто грамотные люди.

Однако со словами-регионализмами, коим является «крайний», случаются и иные казусы. Например, выражение-сорняк «на самом деле» – типичный московский говор, изначально не имеющий к Москве никакого отношения. Лингвисты считают, что это устойчивое выражение стало популярным в 50–60-х годах XX века, когда в социуме первую скрипку играли представители поколения энтузиастов – покорители целины, космоса и чуть позже строители БАМа. Выражением «на самом деле» они позиционировали свою активность и заявляли о себе. Но сегодня человека, часто говорящего «на самом деле», окружающие не без основания могут упрекнуть в излишней прямоли-

нейности. Таковы многие москвичи нового поколения из числа как раз тех самых «понаехавших» энтузиастов и их детей. Они вместе с привычкой быть прямолинейными переняли московскую манеру говорить протяжно и менять безударный звук «о» на «а». То есть акать, если говорить на языке и диалектологии, и просторечия. Так родилось устойчивое сегодня выражение-сорняк «на самом деле».

А вот природа происхождения и употребления слов «садитесь» и «присаживайтесь» имеет иной, криминальный оттенок. Так же как «крайний» и «последний», это обычные слова, но до сих пор на предложение в метро или наземном городском транспорте: «Садитесь» – можно получить резкую отповедь.

– Сам садись, – однажды довелось услышать от пожилой женщины, которая обиделась на молодого человека, уступившего ей место со словом: «Садитесь». – А я присяду. Приличные люди присаживаются. Хотя, как убеждают ученые Института русского языка РАН, единственно правильный и грамотный вариант произношения – «садитесь». Как и выражение «это самое», обычное слово «садитесь» стало сорняком в 30–50-х годах XX века из-за массовых политических репрессий. И тогда люди начали поступать и говорить по принципу «как бы чего не вышло». Так, многие в своей речи стали заменять то, о чем хотели сказать, на словосочетание «это самое». Оно стало означать нечто табуированное. А невинное предложение «Садитесь» от человека, незнакомого с лагерным бытом и тюремной культурой, это негласное табу публично нарушало. И даже в 90-х годах, и в новом столетии, когда два этих слова постепенно утратили прежнюю табуированность, суеверный страх перед ними и бытовая привычка их употреблять с оглядкой остались у многих.

ЛАЙФХАК – СОРНЯК ИЛИ МУДРОСТЬ?

Слова-паразиты нередко рождают желание быть современным.

– Как вам наши лайфхаки? – спросил меня нынешним летом таксист, который вез нас на черноморский курортный хутор Бетта.

Произнес он «лайфхак» (англ. life hacking (сленг) – «хитрость жизни», «народная мудрость» или совет, который помогает решать бытовые проблемы) как «ла-хаки». Пришлось растерянно отшутиться:

– Да вроде ничего.

Он уловил растерянность и начал терпеливо объяснять, что это он с женой придумал: раздавать пассажирам такси адреса курортных ресторанчиков с экоедой и частных пляжей, где чистое море и можно уединиться. Он все рассказывал, а я, признаться, переживал маленький стресс от того, что почувствовал себя как перед старой дилеммой: сесть или присесть?

Потом, когда знакомые в «Фейсбуке» присыпали эти самые непрошеные лайфхаки или когда по телевизору увидел новую рубрику, «Лайфхаки ремонта», подумал о том, что вот так, наверное, слова-паразиты становятся словами «де-люкс». А русский язык так и развивается через двойной стресс: носителя языка, которому недостает слов и он «прикрывается» паразитами, и через стресс или стрессоустойчивость самого языка. На него давят два мощных явления – глобализация и одно из ее последствий – внутренняя и внешняя миграция. Глобализм дает интенсивное проникновение в русский язык англизмов, а растущая внутренняя и внешняя миграция – приток диалектизмов и регионализмов. Переваривая и тех, и других, русский язык поспевает за переменами, но без спасительных слов-паразитов жить не может. И не беспокойтесь: он их легко переживает. ☺

ЗАГАДКИ ВЕЛИКОЙ СКИФИИ

БЕСЕДОВАЛ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В РОССИЙСКОМ СОЗНАНИИ СКИФЫ И СКИФИЯ ЗАНИМАЮТ СОВЕРШЕННО ОСОБОЕ МЕСТО. СКИФСКИЕ КУРГАНЫ, В ИЗОБИЛИИ ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ, НА СРЕДНЕМ И НИЖНЕМ ДОНЕ, В КРЫМУ И ПО ВСЕЙ УКРАИНЕ, ВВОДЯТ НАС В АРЕАЛ САМОБЫТНОЙ КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ, ОСТАВИВШЕЙ ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА, НЫНЕ УКРАШАЮЩИХ «СКИФСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ» КРУПНЕЙШИХ МУЗЕЕВ – ОТ ЭРМИТАЖА ДО КИЕВСКОГО МУЗЕЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ. СКИФСКАЯ ТЕМА МОЩНО ЗАЯВИЛА О СЕБЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ И В ЖИВОПИСИ.

ВСЕ ЭТО НЕВОЛЬНО ЗАСТАВЛЯЕТ НАС считать себя каким-то образом причастными к скифскому наследству. Вплоть до того, что некоторые, особенно современные, авторы склонны возводить корни древних славян непосредственно к скифам, хотя между исчезновением скифов из степей Северного Причерноморья и славянской экспанссией в эти места лежит временной отрезок более чем в полтысячи лет. Вся скифская история начинается и заканчивается в I тысячелетии до нашей эры, когда славяне еще попросту не появились на исторической арене. И тем не менее споры о скифах не утихают. Кем же они были – скифы? И какую роль сыграли в мировой истории, ворвавшись в историческое прошлое тогдашних цивилизованных народов – от Древней Греции до Ассирии и Вавилона? На вопросы журнала «Русский мир.ru» отвечает доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии РАН Валерий Гуляев, возглавляющий Донскую археологическую экспедицию, которая изучает скифские курганы на среднем Дону.

– Валерий Иванович, откуда в степях Северного Причерноморья появились скифы? Я помню колосальную группу скифских захоронений – так называемую Долину царей – в Хакасии, скифские могилы в Туве, на Алтае... О скифах сообщают китайские авторы, персидские и ассирийские надписи, библейский пророк Иеремия и, конечно же, Геродот, посвятивший скифам отдельную книгу своей девятитомной «Истории». Пространство Скифии, таким образом, разворачивается от Алтая до Дуная...

– Да, и Геродот пишет, что скифы пришли откуда-то «из глубин Азии». Тут, однако, стоит помнить, что для античных авторов границей между Европой и Азией были река Дон, он же Танаис, и Боспор Киммерийский, он же Керченский пролив, тогда как реальные «глубины» азиатского континента лежат на несколько тысяч километров восточнее. Прадедами скифов называют Туву, Северную Монголию, Алтай, Казахстан. Везде там в I тысячелетии до н.э. обитали ираноязычные индоевропейские племена – никаких раскосых глаз там не было, – которые и были предками скифов. Затем они разделились: часть этих древних скифов – саки и массагеты – влились в историю Средней Азии. Другая часть, которую, собственно, мы и знаем, пройдя тысячи километров, пришла в причерноморские степи. Тут есть один интересный момент. Дело в том, что в начале I тысячелетия до н.э. в истории человеческой цивилизации произошли две «культурные революции». Одна связана с выплавкой и обработкой железа, другая – с появлением на исторической арене кочевых цивилизаций, зародившихся на огромном пространстве степного пояса, тянувшегося через всю Евразию. Что было до этого? Пастбищное животноводство. То есть оседлость. Кому первому пришла в голову мысль сложить все свое добро на повозки и стать независимыми от оседлости? Нет толку гадать. Кочевая цивилизация породила свой устойчивый уклад жизни, свои способы ведения войны, где главной силой стали массы конницы, и прежде всего необычайную до этого мобильность. Скифы оказались первой, но далеко не последней волной кочевников, которые, вырвавшись «из глубин Азии», в исторически ничтожный

срок преодолели тысячи километров, прошли степным коридором между Каспием и Уралом, переправились через Дон и расселились в богатых травой и водой степях Северного Причерноморья, потеснив прежде обитавших там киммерийцев...

— Обычно вспышки такой кочевой активности сопровождаются — по крайней мере, в начале, до создания «кочевых империй» — и активностью военной: так было с гуннами, так было с хазарами, так было и со скифами, которые, едва возникнув на исторической арене в VII веке до н.э., совершили грандиозный поход в Закавказье...

— И не только в Закавказье. Они разгромили древнее государство Урарту, Мидию, подчинили непобедимую Ассирию, подступились к Вавилону, захватили Сирию и уже нацеливались на Египет, но Египту удалось откупиться. Фараон Псамметих I вышел им навстречу и дарами «отклонил их от дальнейшего движения». Эти победы были не случайны: скифы первыми начали использовать огромные массы конницы. Они были отличны-

ми воинами. Каждый воин, с детства выросший «в седле», был великолепным лучником. При случае они имитировали отступление, а затем разбивали преследователей по частям. Иногда разделяли свои силы и действовали сразу во многих местах на большом «оперативном пространстве», как говорят военные. Не случайно они внушали ужас. Пророк Иеремия так свидетельствует евреям о скифах: «Вот... приведу на вас, дом Израилев, народ издалека, народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты не знаешь и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его как открытый гроб, все они люди храбрые. И съедят они жатву твою и хлеб твой, съедят сыновей твоих и дочерей твоих, съедят овец твоих и волов твоих, съедят виноград твой и смоквы твои, разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься». Собственно, так и произошло. По Геродоту, скифы оставались в Азии 28 лет и все опустошили своим буйством и излишествами. Ибо помимо того, что они взимали дань с каждого народа, они не могли остановиться: совершали набеги, грабили, налага-

ли новую дань. Их ненавидели. Кончилось это тем, что где-то в 595–594 годах до н.э. мидийский царь Киаксар пригласил вождей скифов на пир, где мидяне, напоив их вином – а скифы, не зная ничего лучше кумыса, попав в винодельческие страны, оказались любителями выпить, – перебили их всех, обезглавив таким образом армию. И все равно, из своего похода скифы вернулись в Причерноморье с огромной добычей – прежде всего с золотом. Переднеазиатское золото нередко обнаруживается в скифских захоронениях. Золото играло для скифов ритуальную роль. И хотя скифы, будучи ираноязычным народом, не были огнепоклонниками, как сами персы, золото в их представлениях заменяло огонь: золото – это вечность, это огонь, это солнце и это блаженство, и человек, у которого золота нет, рискует не возродиться в мире предков – на том свете. Поэтому золотые пластинки, золотую фольгу мы обнаруживаем даже в самых бедных захоронениях, не говоря уже о царских курганах...

– *Возвращение скифов в Северное Причерноморье произошло в то самое время, когда Греция начинает колонизацию побережья Черного и Азовского морей. В устье Буга и Днепра была основана Ольвия, в Крыму, на побережье Керченского пролива, – Пантикеапей, другие колонии... И почему-то скифы их не разрушают, а вступают с греками в торговые отношения...*

– Ну что ж – им это было выгодно. Скажем, в устье Дона есть такое Елизаветовское городище – скифское. Первоначально это была стоянка, на которой скифы перезимовывали со своим скотом. Тут они и повстречались с греками. А грекам нужна была рыба – в Дону же много прекрасной рыбы – стерлядь, осетры. Так постепенно на Елизаветовском городище стали оседать кочевые скифы победнее, которые превратились в рыбакские артели. У них были сети, лодки, они ловили. Рыбы было много, ее вялили, солили и торговали с греками.

– *Наверное, с Пантикеапеем торговали?*

– Зачем им так далеко ездить? Боспоряне приезжали, греки из Таганрогского поселения – оно потом было затоплено морем, в самом Елизаветовском городище греки основали целый квартал. Вообще, вся эта греческая колонизация была затянута с одной целью – накормить метрополию. Особенно когда персы завоевали владения греков в Малой Азии – это современная азиатская часть Турции. И благодаря скифам они получали то, что хотели, – зерно, кожи, меха, мед, рабов... Скажу больше: вместе с греками, как пишет Геродот, скифы совершили опасные экспедиции за золотом на Урал; в Причерноморье ведь золота нет. Проходили огромные расстояния, где им приходилось использовать до семи переводчиков. Вообще, оказавшись союзниками греков, скифы сыграли

в истории европейской цивилизации выдающуюся роль. VI и V века до н.э. – это время борьбы «не на живот, а на смерть» между двумя супердержавами того времени – гигантской персидской империей Ахеменидов и «демократической» Грецией. И нельзя сказать, что греки неизменно выходили победителями в этой войне. Персы захватили все малоазийские владения греков и рвались на территорию Греции. Это в школе проходят. Битву при Марафоне, историю спартанского царя Леонида, сумевшего преградить персам путь вглубь Эллады, Саламинское сражение... Но никто из современных европейцев не знает и не учитывает того вклада, который внесли скифы в это первое противостояние Востока и Запада. В начале VI века до н.э. персы решили смирить азиатских скифов – саков и массагетов, обитавших на территории современного Казахстана и Узбекистана, между Амударьей и Сырдарьей. Легендарный персидский царь Кир с огромной армией вступил во владения массагетов, которыми правила царица Томирис, но потерпел сокрушительное поражение и погиб. В конце VI века до н.э. другой персидский монарх, Дарий I Гистасп, понимая роль Северного Причерноморья в обеспечении Эллады сырьем и продуктами, вознамерился покорить скифов. В 512 году до н.э. с 600-тысячной, как пишет Геродот, армией он высадился в устье Дуная и вторгся в скифские владения. В результате Дарий был разбит скифской конницей, которая нападала на его войско со всех сторон, и чудом сам избежал плена и смерти. Таким образом, персидская экспансия на Балканах и в Подунавье была остановлена. На мой взгляд, без вмешательства скифов Эллада вряд ли устояла бы под натиском гигантской Персидской империи. А не будь свободной, просвещенной Греции, не появился бы на свет могучий Рим, а без римского влияния на Европу вся жизнь европейской цивилизации сложилась бы, конечно, иначе...

– Для отпора многочисленным сильным противникам скифы должны были иметь сплошенный племенной союз, может быть, даже государство...
– В мифических сказаниях о скифах говорится, что первым царем Скифии стал внук Зевса (по другой версии – Геракла) и дочери Борисфена, то есть Днепра, – полузмеи-полуженщины. Звали его Колаксай. Якобы с неба упали пылающие огнем золотые дары – чаша, плуг с ярмом, секира, овладеть которыми смог лишь Колаксай. От Колаксая и произошел род скифских царей. Если смотреть географию скифских царских курганов, то становится ясно, что у скифов в степи было несколько центров, вокруг которых собирались их протогосударства: район нынешнего Запорожья, Крым (Неаполь Скифский), низовья Дона, низовья Днепра, дельта Дуная – так называемая Малая Скифия. Но по характеру своему скифские «города», как потом и золотоордынский Сарай, были, скорее, стойбищами, заставленными кочевыми

кибитками. Кочевая цивилизация имеет свои принципы и свои преимущества, отказываться от которых скифы не собирались. Геродот, специально в V веке до н.э. совершивший путешествие в Ольвию, пишет о скифах как о суровом и «диком», с точки зрения греков, народе.

– Ну что он пишет, например?

– Ну, например, он писал, что при убийстве первого врага скифу было положено снять с него скальп и испить его кровь. Свою долю в добыче получал только тот воин, который предъявлял царю голову врага. Из черепов наибольее ненавистных противников скифы выделяли чаши. Каждый год скифская знать устраивала пиры, присутствовать на которых могли только воины, убившие врага. Дружеские узы скифы закрепляли обрядом побратимства. Для этого в чашу наливалось вино и смешивалось с кровью самих друзей, а затем выпивалось ими после определенных клятв.

– Скифам определенно повезло, что они стали союзниками греков, у которых была не только письменность, но и литература, история, география. Иначе мы не узнали бы о них ничего, кроме археологических данных, которые ведь тоже надо уметь интерпретировать...

– Я бы с вами поспорил. Сейчас без археологических находок невозможно развитие современного скифоведения. Даже на среднем Дону, под Воронежем, где я работаю уже более двадцати лет, встречаются интереснейшие находки, несмотря на то, что лесостепная полоса – это уже далекая периферия Скифии...

А вообще, история исследования скифских древностей начинается в конце XVIII века после завоевания русскими Северного Причерноморья и Крыма. Первые официальные раскопки большого скифского кургана произведены в 1763 году по поручению генерал-поручика Алексея Мельгунова, бывшего в то время губернатором Новороссии. Это был Литой курган или, как его еще называют, «Червонная могила», в 60 километрах от Елисаветграда – современного Кировограда. Вскрытое там погребение знатного скифа содержало великолепные вещи второй половины VII века до н.э. Наиболее интересной находкой был меч в золотых ножнах, украшенных изображениями фантастических животных. Это странные существа с туловищем быка, хвостом в виде скорпиона и головой то орла, то барана, то льва. Каждое чудовище держит в руках натянутый лук со стрелой. Все эти предметы имеют близневосточное происхождение и, видимо, являются частью добычи, привезенной скифами из азиатского похода. Это была одна из первых попыток археологических изысканий не только в Российской империи, но и в Европе вообще. Найденные были привезены в Петербург императрице Екатерине II, которая приказала передать их академии

ку Герхарду Миллеру. Эти в общем-то случайные раскопки и принято считать началом скифской археологии...

— А где была найдена та знаменитая чаша, покрытая рельефными изображениями скифов, благодаря которым их можно увидеть как воочию?

— А, это знаменитая электровая (сделанная из сплава золота и серебра. — Прим. авт.) чаша из крымского кургана Куль-Оба, найденная в 1830 году. Всемирно известная вещь. Действительно, изображения людей на ней настолько детальны, что благодаря им наши современники только и смогли составить представление об облике скифов. На одной из штампованных бляшек из Куль-Обы изображены два скифа, пьющие из одного ритона. Это изображен обряд побратимства, описанный греческими авторами.

Скифы носили длинные волосы, усы и бороду. Мужской костюм состоял из длинных узких штанов, заправленных в короткие сапоги, куртки или кафтаны, подпоясанного кожаным поясом. Сверху этот костюм дополнялся войлочным башлыком. Женский костюм — длинное платье и верхняя накидка. Скифы носили бусы, браслеты, серьги, височные подвески, нагрудные медальоны, гривны и ожерелья. Вообще, курган Куль-Оба дал очень много материала, потому что оказался нетронутым. Обычно курганы достаются археологам уже разграбленными. При этом большую их часть грабили вскоре после возведения. Грабители были опытными людьми: обычно они рыли у подножия насыпи колодец до материка, до глины, и оттуда пробивали ход под основание кургана, откуда поднимались в погребальную камеру. Эти украденные сокровища, увы, пропали бесследно в круговороте истории. О «скифском золоте» заговорили лишь в XIX веке, когда оно стало достоянием археологии...

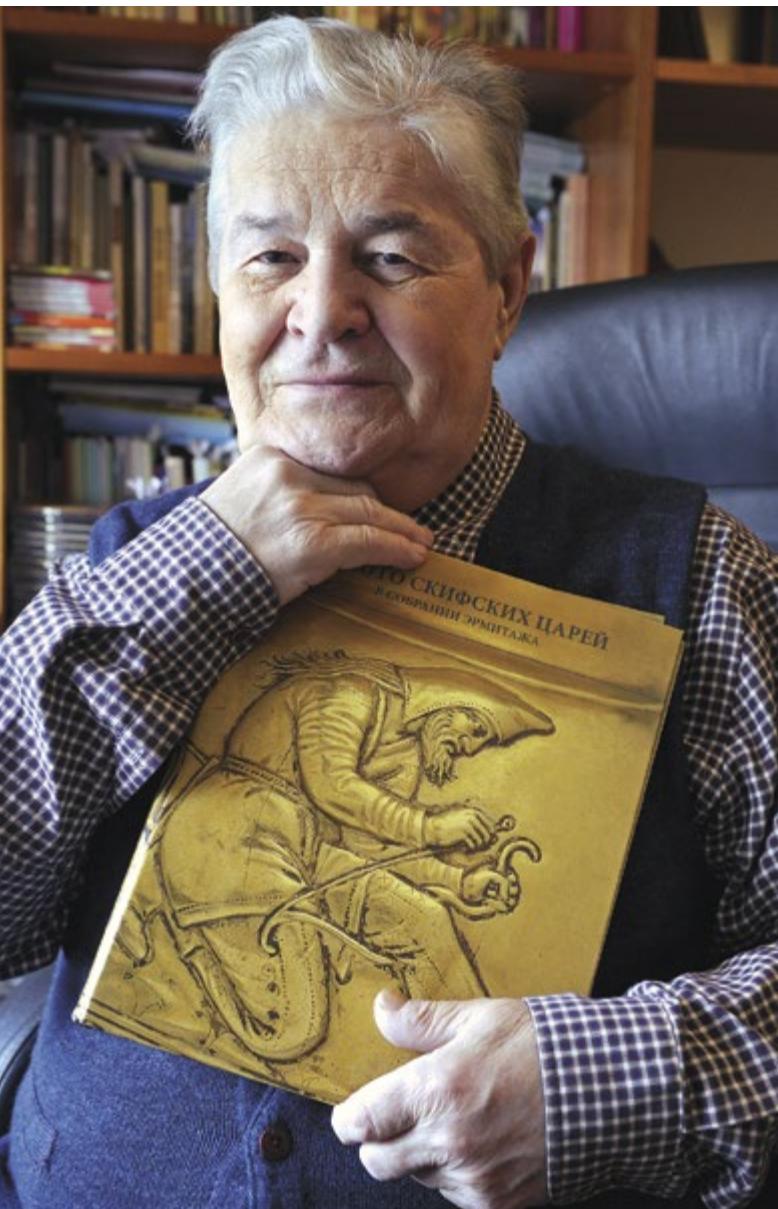
Конечно, за два с половиной века арсенал разного рода находок очень пополнился. Скажем, в знаменитом Александропольском кургане на Украине были найдены украшения, ближайшие аналоги которым отыскиваются только у нас на среднем Дону, а некоторые вообще не имеют аналогов в искусстве Восточной Европы. А в Елизаветовском могильнике в устье Дона были найдены финикийские бусы. Для нас это важные маркеры: скифский мир был связан, Древний мир был связан. Я не говорю про золото. Добывали его скифы в своих походах, а вот работали с ним греческие ювелиры. Вы, разумеется, знаете, что знаменитое «скифское золото» — это в общем-то плод работы греческих ювелиров? В греческих причерноморских колониях целые мастерские работали на скифов...

— Скифы что-то подсмотрели, что-то привезли из азиатского похода. Ну и попросили ювелиров: «Сделайте нам так же». Но меня сейчас волнует другой вопрос: а может ли археология сказать что-либо о религии скифов?

— Сначала я вам возражу: скифский «звериный стиль» золотых украшений обнаруживается уже в Туве, в захоронениях IX–VIII веков до н.э. Так что ничего они не подсматривали. А что касается религии... Что-то, разумеется, археология рассказать может. По обрядности и способам общения с божеством религия скифов изначально была шаманистской. Они привезли ее из глубин Азии с шаманами, камланиями, наркотическими напитками, «путешествием шамана» в мир духов. Через несколько веков у них сложился свой пантеон, который выглядит очень эллинизированным. Тут я отойду от археологии и вернусь все-таки к Геродоту. Он пишет, что у скифов было семь богов. Во главе скифского пантеона стояла троица верховных божеств: Табити — Гестия, Папай — Зевс и Апи — Гея. Второй эшелон скифского «Олимпа» составляли Гойтосир — Аполлон, Арей (бог войны), Аргимпаса — Афродита-Урания и Таргитай — Геракл. Этих богов признавали все скифы. Но царские скифы поклонялись еще особо Тагимасаду — Посейдону. В чем тут закавыка? Что первое место на скифском «Олимпе» занимает женское божество — Табити, которая соответствует греческой Гестии. Во времена Геродота Гестия почиталась эллинами главным образом как божество очага — и семейного, и храмового, служившего символом единства общества. Почему скифы поставили ее на первое место? Тут нелишне вспомнить индо-иранский аналог этого божества — Тапати, дочь Солнца из «Махабхараты». Тапати-Табити, выходит, была олицетворением солнца и священного огня царского очага, в котором воплощалось единство скифского народа. Наверное, именно поэтому ее называли «царицей скифов». Зевс скифов, Папай, тоже непохож на греческого. Он не громовержец, а устроитель, творец вселенной и людей. Имя Папай иранского происхождения и означает «отец», «защитник». Жена Папая — Апи, богиня влажной земли, оплодотворенной небом. А небо — это Папай. Священный брак Земли и Неба характерен для многих религий...

— Из этой мифологической конструкции можно сделать вывод, что современные Геродоту скифы V века до н.э. были совсем не так примитивны, как та орда обдирателей скальпов, которая пришла в причерноморские степи за две тысячи лет до этого. У скифов возникло земледелие, ремесла. Геродот, собственно, застал период скифского расцвета. А потом проходит сто лет, и от Великой Скифии не остается и следа...

— Да, IV век до н.э. был для скифов не очень удачен. Очередная их экспедиция за золотом на Дунай в 339 году до н.э. закончилась для них поражением от македонского царя Филиппа II — отца Александра Македонского. А надо сказать, отец многое подготовил для будущего триумфа своего сына в мировой истории. Даже знаменитую македонскую фалангу — непобедимый строй во-

инов – придумал он. О такую фалангу в Придунавье и разбились скифы. Их царь Атей погиб. Правда, уже после начала похода Александра в Персию скифам удалось немного отыграться, когда в степь вторгся оставленный во Фракии наместник Зопирион с 30-тысячным войском. Посчитал, видимо, что в столь героическое время не дело сидеть сложа руки. Он осадил Ольвию, с которой Скифия была связана самыми тесными торговыми связями. Но город так и не взял. Здесь, в степи, скифы еще чувствовали себя полными хозяевами. Войско Зопириона было разбито, а сам он убит...

Принято считать, что скифов потеснили с исторической арены сарматы – их ближайшие родственники. Но и тут есть тайна: гибель Скифии как единого большого государства происходит на рубеже IV–III веков до н.э., а массовое распространение сарматских курганов на территории Северного

Причерноморья наблюдается не ранее II века до н.э. Временной разрыв в целое столетие! Тем не менее именно в это время Великая Скифия сходит с исторической арены. Замирает жизнь на скифских городищах. Не возводятся более воинские и царские курганы.

Точного объяснения причин столь грандиозной катастрофы нет в науке до сих пор. Скифия погибла. Правда, скифы как этнос сохраняются. Они еще несколько столетий контролируют нижнее Поднепровье, Крым и Добруджу (Малую Скифию на Дунае), создав там небольшие, но вполне дееспособные государства. Окончательно смело скифов нашествие гуннов из Азии в IV веке до н.э., которые прошли степным коридором как катком и попросту растворили жившие там племена в котле Великого переселения народов. Крымских скифов в III веке до н.э. почти добили явившиеся невесть откуда – из Европы – полчища готов...

– *Что сказать в заключение?*

– Скажу вот что: несмотря на более чем двухвековые археологические исследования, мы пока не можем дать ответ даже на основные вопросы прошлого скифов. Оно во многом представляет собой сплошную загадку.

Но есть и важные прорывы. Я имею в виду явный прогресс в решении вопроса о происхождении скифской культуры. Здесь в многолетнем споре чаша весов явно склоняется в сторону защитников «центральноазиатской» гипотезы, особенно после открытия таких археологических памятников, как курганы Аржан-1 и Аржан-2 в Туве. В этих поистине царских по роскоши и величине гробницах IX–VII веков до н.э. ученые нашли и самые ранние проявления знаменитой скифской «триады» – предметы вооружения, конской сбруи и «звериного стиля», а также характерные изделия эпохи массового исхода конных скифских орд из своей азиатской прародины на Запад в VII веке до н.э.

Как народ, скифы почти не оставили следов, хотя на «скифское» происхождение претендуют и многие народы. Единственный сохранившийся до нашего времени народ, родственный скифам, хотя и происходящий от сарматов-аланов, – это осетины. Об этом свидетельствует их язык, родственный фарси, на котором говорят таджики и иранцы.

Ясно можно сказать одно: скифы оказались первыми в длинной цепочке кочевых племен, которые раз в двести-четыреста лет прокатывались волнами по Великому степному коридору на Европу. За скифами следовали сарматы, гунны, хазары, половцы, печенеги, монголы... Но ни один из этих народов не сыграл ту роль в отношениях с европейцами, как скифы. Она огромна. А скифская культура не имеет равных себе среди кочевых культур по произведенному ею мировому резонансу. ●

ЭРМИТАЖНИК

БЕСЕДОВАЛ

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

О ЧЕМ МЫ ТОЛЬКО НЕ ГОВОРИЛИ
В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ЛЕТ!
ЧТО В ЧАСЫ ОФИЦИАЛЬНЫХ
МЕРОПРИЯТИЙ, ЧТО ВО ВРЕМЯ
ПОДГОТОВКИ МАТЕРИАЛОВ
ДЛЯ ВСЯЧЕСКИХ СМИ, ЧТО
В ЧАСТНЫХ БЕСЕДАХ. О ИСТОРИИ
РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ
ГВАРДИИ. О НАУКЕ ГЕРАЛЬДИКЕ
И ЕЕ КОЛЛЕКТИВНОМ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕ ВО ВЛАСТНЫХ
СТРУКТУРАХ – ГЕРАЛЬДИЧЕСКОМ
СОВЕТЕ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИИ. О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ
И ПЕРВОЙ ВОЛНЕ ЭМИГРАЦИИ.
О ВОЕННЫХ ОРКЕСТРАХ, ЧЬИ
БАРАБАНЫ БУДИЛИ НЕКОГДА
СТОЛИЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ.
И О САМОМ ПЕТЕРБУРГЕ
В РАЗНЫХ ЕГО ИПОСТАСЯХ.
А ВОТ ОБ ЭРМИТАЖЕ –
ТОЛЬКО ПО ДЕЛУ.

Буднично как-то. Но сколько бы ни тянулись будни, праздник неминуем. 29 января 2019 года исполнилось пятьдесят лет с того дня, как «принял постриг» служения Эрмитажу 19-летний Георгий Вилинбахов, ныне заместитель директора музея по научной работе.

– Георгий Вадимович, определяясь в жизни, юноша без малого 20 лет сознательно выбрал именно Эрмитаж?

– Все складывалось по поговорке «нет худа без добра». В 1966 году, когда я оканчивал школу, ушел из жизни крупнейший коллекционер оловянных солдатиков Михаил Викторович Люшковский. Спустя некоторое время после похорон Александр Иванович Любимов, мой учитель всего, что касательно солдатиков, мундиров, знаков различия и прочая, сделал мне предложение, от которого нельзя было отказаться. В Музее Суворова собирались приобрести коллекцию Люшков-

ского и подыскивали молодого человека на место смотрителя. В связи с этим Александр Иванович уточнил, готов ли я поступать не на дневное, а на вечернее отделение. Я посоветовался с отцом, получил добро и дальний совет: поступать на заочное отделение. Свободного времени больше, а суть та же.

В то время система поступления в университет была такая. Первыми сдавали экзамены заочники, потом в июле вечерники, в августе – дневники. Отремел выпускной бал, и мне нужно было срочно устраиваться на работу. В противном случае на заочное отделение не приняли бы документы. Пришел в Музей Суворова, объяснил ситуацию. Мне ответили, что договоренности в силе, но денег на приобретение коллекции Люшковского еще не выделили. И ставки смотрителя тоже пока нет.

– И вы отправились в Эрмитаж?

– Я устроился на работу в Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства. В университет я поступил, в архиве отработал год, а с Суворовским музеем все не складывалось. Из архива я ушел и хотел работать экскурсоводом в военно-исторической секции Государственного экскурсионного бюро. Этой секцией заведовал капитан 1-го ранга Карамзин, добрый приятель отца. Стал я водить экскурсии в Суворовский музей. И уже прошел собеседование, но на истфаке ЛГУ шло некое политическое событие, которое помимо прочих преподавателей сказалось и на отце. Из Суворовского музея позвонили в ГЭБ и возмутились, как они могли прислать экскурсоводом в музей, который является идеологическим учреждением, сына неблагонадежного Вилинбахова-старшего...

В те годы было очень модно играть в любительский оккультизм. Например, блюдечко гонять по столу. На одном из таких домашних сеансов на мой вопрос, буду ли я работать в Суворовском музее, получил «оттуда» абсолютно однозначный ответ: «Нет».

– Но теперь-то вы отправились в Эрмитаж?

– С Эрмитажем я уже был связан. Так, посещал много лекций и спецкурсов, которые к моей кафедре истории СССР не имели отношения. Античность, Византия, Средние века, нумизматика различных

исторических периодов. В Эрмитаже я слушал специальные курсы по византийской и западноевропейской нумизматике. В какой-то момент обратился к самому авторитетному специалисту Эрмитажа по нумизматике, Всеволоду Михайловичу Потину, с вопросом, могу ли быть чем-то полезен. В январе 1969 года в университете увидел маму. Подумалось, что-то случилось. Подбежал, а у нее записка от Потина, из которой следовало, что меня приглашают на работу в Эрмитаж. Срочно!

Дело оказалось вот в чем. Были сильные морозы. В залах музея падала влажность, что было критично для многих экспонатов. Придумали следующее: в вечернее время после закрытия поливать каменные полы и лестницы водой. Обильно поливать. Она будет испаряться, и, таким образом, воздух станет более влажным.

– Понадобился специалист?

– Именно. Меня придавали каждый вечер в помощники к какому-нибудь молодому реставратору. И начиная с шести мы занимались «мокрым делом». За это время я серьезно обогатил словарный запас. Благодаря и реставраторам, и музеемным сотрудникам. Последние много интересного рассказали мне обо мне же, так как им приходилось покидать работу в непривычных условиях. Довольно скоро выяснилось, что метод не годится, так как вода просачивалась сквозь швы между камнями и наносила больший вред, чем сухой воздух. Сохранилась другая технология. В расставленные металлические баки и керамические сосуды поутру надо было заливать воду. И в течение суток она благополучно испарялась. Меня перевели на этот не менее ответственный участок. После разлива мы возвращались в «гараж», где можно было переодеться, передохнуть. «Гараж» – это помещение на втором этаже, где хранились телеги, колеса, упряжь и тому подобное. Моими коллегами были две барышни и молодой человек. Все – искусствоведы, в отличие от меня. Так я много интересного и важного узнал об Эрмитаже и эрмитажниках во время этих утренних посиделок в «гараже».

После первой же вечерней смены заглянул к девушке и бабушке на Литейный и с гордостью сообщил, что я теперь – дворник в Императорском Эрмитаже.

– Но знакомство с Эрмитажем в качестве обычного посетителя, наверное, состоялось раньше.

– В глубоком детстве. Впервые сюда меня привела бабушка. Запомнились мумии и саркофаги в нижних помещениях, где представлена древнеегипетская культура, и мороженое в вафельных стаканчиках на передвижной тележке в Растреляевской галерее. В тот день меня представили серьезному мужчине. Тогда я понял, что это был Владислав Михайлович Глинка, главный хранитель Отдела истории русской культуры, которого у нас дома ласково называли Владя или дядя Владя. А еще позже я имел честь стать его учеником.

– Георгий Вадимович, а какое мороженое выбрали?
– Шоколадное.

– Обыкновенному посетителю, за редким исключением, в залах Зимнего дворца... страшновато, если хотите. Величие и красота, окружающие со всех сторон, поражают. А каково восприятие этого великолепия у человека, который поливает из ведра, например, Николаевскую лестницу? Или, уже без шуток, каждый день спешит мимо Леонардовской «Мадонны Бенуа»?

– Однозначно сформулировать отношение к Эрмитажу трудно. В нем мало поработать, в нем нужно пожить. Хранитель собрания новой немецкой графики Борис Зернов, ныне покойный, прекрасно сказал как-то: «Эрмитаж – это не место работы, это образ жизни». Со временем ты растворяешься в этом огромном музее, становишься его частью. И, думая о нем, невольно используешь местоимение «наш». Наш – это всех тех, кто внутри.

– Что произошло после того, как с «мокрым делом» было покончено?

– Определили в реставрационную мастерскую прикладного искусства под начало Клары Федоровны Никитиной. Расширялся круг знакомств – реставраторы, хранители, научные сотрудники, а вместе с внедрением в огромный музейный организм стало приходить понимание, что это такое – Эрмитаж. Перевели на реставрацию нумизматического материала: монеты, награды... Это мне было ближе и интереснее. Тогда-то я познакомился с эрмитажной коллекцией знамен, одной из крупнейших в мире. Без всякого преувеличения – потрясло! Появилась мечта – работать с этой коллекцией. И тут – новость. Сотрудник, занимавшийся этой коллекцией в Отделе истории русской культуры, увольняется. Пошел в банк. Позвонил Владиславу Михайловичу Глинке, супруга ответила, что он в отлучке, но пообещала связаться и слово сдержала. Вспомнил, что моя родственница, которую с полным основанием называл Баба-Тетя, так как по разным веткам я приходился ей и внуку, и племянником, работает в Академии наук и знает самого Бориса Борисовича Пиотровского. Позвонил тете Мире. Баба-Тетя нашла в себе мужество и обратилась-таки к директору Эрмитажа. Борис Борисович мягко объяснил, что в Эрмитаже есть традиция: при появлении вакансий в отделах «сверху» не давить. И даже не рекомендовать. Кадровые вопросы должны решать начальники среднего звена самостоятельно. Правда, позже мне рассказывали, что в крайне деликатной манере он выразил мнение по поводу этой конкретной вакансии. Так или иначе, меня вызвали в кабинет заведующего Отделом истории русской культуры Владимира Николаевича Васильева. «Тройку» составили сам Васильев, Галина Николаевна Комелова и главный хранитель отдела Галина Александровна Принцева. Через сорок минут вышел из кабинета, будто из-под ливня, вся рубашка мокрая. Натуральный перекрестный... экзамен. По истории всех времен и народов. И по исто-

рии Ленинграда, само собой. И почему мне так оловянные солдатики нравятся. Через несколько дней получил приказ: писать заявление о переводе в Русский отдел, лаборантом, потом – хранителем коллекции знамен.

– Георгий Вадимович, есть просто фамилии и есть фамилии говорящие. В первом случае пресловутые Иванов, Петров, Сидоров. Тот же Васильев. Во втором – скажем, Глинка. Или – Вилинбахов.

– В разных кругах разные говорящие фамилии. У Владимира Николаевича Васильева, который был не только заведующим Отделом истории русской культуры, но многие годы и парторгом в Эрмитаже, в определенных кругах Ленинграда была очень даже говорящая фамилия. Пример. Вернулся я из армии. Весь в мечтах. Как пройдусь по Невскому, выйду к Дворцовой... Но прежде – в Эрмитаж. В Эрмитаже – комсомольское собрание, на которое меня затащили мои друзья. После чего хотели отметить мое возвращение. Но все знают, это ненадолго. Формальность. Двадцать минут! Все так и шло поначалу. Доклад. Отчет. Оценка работы за отчетный период. Выборы в бюро комсомольской организации Эрмитажа по заранее согласованному в райкоме списку. Контролер из

райкома здесь же, в зале. И вдруг добрая знакомая Женя Баженова возьми и предложи в состав бюро товарища Вилинбахова. Проголосовали «за». Тут уже не до гостей, так как после собрания заседание свежеизбранного бюро, на котором предстояло избрать секретаря комсомольской организации Эрмитажа. Что было дальше, можно догадаться. Демобилизованный Вилинбахов избирается этим самым секретарем. Ладно, меня никто не спросил. Так даже в голову никому не пришло, что я не только не работаю в Эрмитаже, но у меня даже паспорта гражданского еще нет! С утра началось тягостное ожидание чего-то страшного. Васильев уже не работал в Эрмитаже. Но руку на пульсе держал. Узнав, что к чему, кратко прокомментировал: «Все нормально». Танки перед нашими окопами так и не появились. Никто не звонил. Никого не наказали.

– Да, потомственный дворянин, он же секретарь комсомольской организации крупнейшего музея СССР – это случай, как говорил генерал Хлудов из кинофильма «Бег». И все-таки очевидно не пролетарская фамилия не мешала жить до 1991 года.
– В Эрмитаже не мешала. Там очевидно не пролетарские фамилии не были редкостью. А вне

Эрмитажа, кроме той истории с Суворовским музеем, ничего из ряда вон. Да, один раз при сдаче курсовой, в которой я позволил себе некоторую самостоятельность мысли, кое-кто на факультете всполошился. Но декан исторического факультета Владимир Васильевич Мавродин отреагировал с присущим ему юмором. Поставьте четверку вместо пятерки и успокойтесь.

– Вам неоднократно предлагали очень крупные должности в очень достойных местах. Например, директорское кресло Государственного музея-заповедника «Царское Село». Что может быть интереснее?

– Работать в Эрмитаже. Как там у Пушкина? «Видел я трех царей...». Серьезных предложений от трех министров культуры было соответственно три. Министр культуры Евгений Юрьевич Сидоров еще в 90-е годы предложил мне должность директора Третьяковской галереи. Отказался сразу. По двум причинам. Я прекрасно осознаю сферу своей компетенции. Руководить Третьяковкой должен искусствовед. Это не нуждается в объяснении. У меня иная подготовка и иной опыт. Второе – переезд из Петербурга в Москву был неприемлем. К слову, эта причина – одна из двух, по которым я отказался от предложения министра культуры Михаила Ефимовича Швыдкого возглавить Оружейную палату. Казалось бы, тут все по профилю. Кроме того, ведь есть еще Геральдический совет при Президенте России. А Оружейная палата – это Кремль, здания Администрации Президента рядом на Ильинке. Но расстаться с Эрмитажем...

В третьем случае проблема переезда не стояла. Министр культуры Александр Алексеевич Авдеев предложил стать директором ГМЗ «Царское Село». Сутки на размышление. А размышлять тяжело. Ведь мне предложили занять место внезапно умершего в 2008 году Ивана Петровича Саутова, руководившего «Царским» 21 год. Близкого моего друга Вани... Чем ближе вечер и «Красная стрела», тем крепче уверенность – надо отказываться. Выхожу из домашнего кабинета, и первое, что бросается в глаза в гостиной, – это книга-путеводитель «Царское Село», написанная незадолго до начала Первой мировой войны коренным преображенцем Сергеем Николаевичем Вильчковским, служившим помощником начальника Царскосельского дворцовного управления вплоть до лета 1917 года. Дальше – эмиграция. Он был женат на Варваре Афанасьевне, урожденной Вилинбаховой. Знак? Давно приучил себя принимать решения утром. И вот раннее московское утро. В преддверии встречи с министром гуляю. От Спиридоновки к Арбату. На асфальте монетка. Полтинник. Загадываю в полуслучку, если решка – соглашаюсь, если орел – отказываюсь. Орел! В тот же момент в церкви Симеона Столпника, что на углу Поварской и Нового Арбата, зазвенели колокола.

Авдеев понял, что из Эрмитажа меня извлечь невозможно. Похоже, поняли и остальные. Более попыток не делалось.

– Скоро исполнится двадцать лет одному из самых красивых проектов Эрмитажа, связанных с военно-исторической темой, – Музею гвардии.

– Его возникновению способствовали две даты. Двухсотлетие Кавалергардского полка. Это был первый импульс. Нам удалось создать праздник не только в Эрмитаже, но и в стенах Военного инженерно-технического института, который занимает территорию на Захарьевской улице, где стояли кавалергарды. Через год Эрмитаж организовал празднование трехсотлетия Русской императорской гвардии. Нам помогли другие музеи, и в итоге удалось сделать грандиозную выставку. Впервые Россию посетили потомки офицеров-гвардейцев, живущие в разных странах. Они были уверены, что после 1917 года память о русской гвардии полностью искоренена. И поразились увиденному. Некоторые сожалели, что не взяли с собой что-то из домашних коллекций в дар Эрмитажу. В 2003 году в возрожденном Константиновском дворце в Стрельне развернули три выставки: наград, геральдическую и гвардейскую. После того как эти выставки закончили работу, стало ясно, что нужна постоянная экспозиция. И мы сделали отдел «Музей гвардии», который разместился в переданном Эрмитажу правом крыле Главного штаба на Дворцовой площади. Когда штаб закрылся на реконструкцию, экспозицию свернули, но едва строительные работы завершились, музей был восстановлен.

– Но ведь у Эрмитажа есть еще один масштабный проект – Музей геральдики, который разместится в Бирже на стрелке Васильевского острова после ремонта и реставрации здания. В этом году летом у российской геральдики сразу два юбилея. 25 лет назад, 25 июля 1994 года, была создана Государственная геральдия при Президенте России на правах самостоятельного отделения Администрации Президента. Тем же указом была учреждена должность государственного герольдмейстера, которую заняли вы. Двадцать лет назад, 29 июня 1999 года, Государственная геральдия преобразована в Геральдический совет при Президенте Российской Федерации. Все верно?

– Верно. Но к этим праздничным датам не успеем. Эрмитаж старается все делать основательно. А что касается будущих юбилеев, почему бы и нет?

– Георгий Вадимович, за полвека у вас появилось любимое место в Эрмитаже?

– Да. Это мои кабинеты. На антресолях Павильонного зала и в дирекции музея. В них эти пятьдесят лет и сконцентрировались. №

КРЫЛАТЫЙ ПАТРУЛЬ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

УЖЕ БОЛЕЕ ГОДА ПОД НОВОЧЕБОКСАРСКОМ ПРОХОДИТ ПЕРВЫЙ В РОССИИ ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ С ПОМОЩЬЮ СОКОЛОВ И ЯСТРЕБОВ. ПРИРУЧЕННЫЕ ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ ОТПУГИВАЮТ СТАИ ГАЛОК ОТ ПОЛИГОНА С ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ. БОРЬБА ЭТА НЕ ПРЕКРАЩАЕТСЯ ДАЖЕ В НЕПОГОДУ...

Ч

АЩЕ ВСЕГО СОКОЛЯТНИКУ Ильдару Еналееву задают один и тот же вопрос: «Не боитесь держать ястреба так близко у лица?» В курилке полигона твердых коммунальных отходов (ТКО), где Ильдар присаживается передохнуть с ястребом на руке, вокруг него тут же образуется свободное пространство. С первого дня работы здесь Ильдар не устает объяснять, что ловчая птица не клюнет человека в глаз. Беречься надо не клюва,

а когтей, они – главное оружие. Он целые лекции на эту тему прочел рабочим. Но все равно: как сядет на лавку с ястребом на руке, так сразу вокруг – пустота. Пора бы, кажется, привыкнуть, но Ильдар всякий раз расстраивается: ему досадно, что люди больше верят мифам о хищных птицах, чем доктору биологических наук.

А еще Ильдару не нравится, когда у него спрашивают, куда улетают птицы, которых отпускают от полигона ястребы и соколы. Понятно куда: большинство пернатых прилетело сюда из Чебоксар и Новочебоксарска. Туда же они и вернулись. На это Ильдару пожаловались городские орнитологи. А Еналеев им ответил, что присутствие на полигоне крупных птичьих стай крайне нежелательно: синан-

тропные организмы (например, городские птицы) являются переносчиками различных болезней, передающихся от животных к человеку. А на полигоне инфекций сколько? Ильдар вопросительно смотрит на меня. Я представляю себе количество всяких вредных бактерий, внутренне содрогаюсь и киваю в ответ. Ну вот, пусть тоже отпугивают птиц от городов, продолжает рассуждать соколятник. Или зовут его на помощь. Правда, тогда птицы снова на полигон вернутся. От этих слов вздрагивает уже рабочий, сидящий на соседней скамейке: «Лучше не надо! У нас хоть стены наконец отмыли в этом году, – подключается он к разговору. – А то белые были от помета. Птицы садятся на край корпуса – и давай пачкать. Так что спасибо тебе, Альфа!»

Желтоглазый ястреб на руке Ильдара никак не реагирует на свое имя. Кажется, птица смотрит в окно. Там, в небе над полигоном, кружит огромная черная каркающая воронка. Вот она распалась на несколько секунд и вновь закрутилась. Грай усилился: на полигон въехал очередной грузовик с отходами. Пора заканчивать перекур.

БЕЗ КРОВАВЫХ ПОГОНЬ

Ворона серая, галка, грач, озерные чайки, серебристые чайки, голубь сизый... Не глядя в небо, Ильдар Еналеев перечисляет всех явившихся на трапезу пернатых гостей. Стоя у дверей курилки, я пытаюсь рассмотреть птиц, которых он перечисляет, но стая так разрослась и уплотнилась, что разглядеть что-то в этой машущей тысячами крыльев воронке совершенно невозможно.

– Глядите, эти чайки – новоприбывшие! – говорит Ильдар, пока мы идем к полигону. – Это не те чайки, которые здесь были раньше. Тех так напугали, что они не вернутся. А эти оценивают территорию, конкурентов, степень опасности. И ведь ни ветер, ни метель им ни почем!

Соколятники
Ильдар
Еналеев
и Рустем
Галиуллин
очистили небо

Грозный вид
ястреба Альфа

У кромки полигона птичий крик и шум крыльев становятся сильнее. Вдруг ястреб слетает с руки Ильдара. Но улететь ему не позволяет долгик – плетеный кожаный ремешок, которым он связан с хозяином. Взмахнув несколько раз крыльями, ястреб вновь садится на перчатку. Но и этого оказывается достаточно, чтобы птичий гомон над полигоном стал заметно тише. Словно по команде птицы стаи поднимаются выше и рассыпаются на глазах.

– Многие думают, что наши ястребы и соколы охотятся на галок и разгоняют стаи в полете. До сих пор объясняю, что это не так, – сокрушается Ильдар. – Работники полигона все время спрашивали: сколько галок за день сбили? А мы кровавых погонь не устраиваем!

Действительно, чтобы прогнать стайных птиц, достаточно всего лишь присутствия хищника. За 50 метров до приближения к ним Ильдара с Альфой стаи тут же отлетели с края полигона. А вот когда на его руке восседал сокол Гамма, то птицы пугались уже за 200 метров. Сокола они опасаются больше, чем ястреба. Но прошлой зимой Гамма обморозил лапы.

– Запутался в своих путах, а я и не заметил, – вздыхает Ильдар Еналеев, – мороз был минус 35. Пришлось сокола отправлять на лечение в госпиталь. Но мы и с ястребами отлично держим полигон под контролем. Ах ты, как неудачно сел!

Ильдар опрокидывает птицу с руки, и она падает вниз головой как подстреленная. Ястреб возмущенно пищит. Несколько взмахов крыльями – и вот уже Альфа снова устроился на руке.

Трехпалая перчатка, на которой сидит ястреб, сделана из кожи. С ней Ильдар похож на командира какого-то специального подразделения. На груди у него висит бинокль, рация, зеленый свисток и коричневый кожаный футляр. Это – знакомый по картинам о царской соколиной охоте клобучок, который надевают на голову хищной птице.

«Прием, прием! Это Рустем. – Увлекшегося рассказом Ильдара

прерывает хрип рации. – Ильдар, видишь, стая приземлилась? Разгони ее. Отбой!» Ильдар опускает капюшон, осматривает птицу на руке и со словами: «Ребята, надо работать. Видите скопление птиц?» взбирается по откосу на карту полигона. Отсюда никакого скопления не видно. Но там где-то в глубине мусорных отвалов соколятнику надо найти и прогнать с помощью Альфы очередной отряд галок, устроивших пиршество.

ЖИВОЕ ОРУЖИЕ

Раньше неподалеку от полигона располагалась огромная городская свалка, к которой птицы привыкли за последние полвека. С увеличением объема завозимых на новый полигон отходов росло и количество птиц. Они не просто оккупировали все небо над полигоном. Птичий помет портил технику, оборудование, одежду рабочих. Чем можно отпугнуть птиц? Попросили у коллег в другом регионе шумовую пушку – специальную акустическую установку. Но оказалось, что хлопок пушки дает кратковременный результат. Через три дня, как заметили рабочие, птицы садились на саму пушку без всякой опаски. Хитрые пернатые даже изучили «расписание», по которому работала пушка.

Кто-то внес предложение поставить муляж хищной птицы. Но коллеги из Нижнего Новгорода, которые тоже давно борются с птицами, сказали, что и это лишняя траты денег. Только присутствие настоящих хищных птиц на полигоне избавит от стай галок и ворон. Такой вердикт вынесли приезжавшие на полигон под Новочебоксарском представители Всероссийского научно-исследовательского института охраны окружающей среды. На базе этого ВНИИ лаборатория прикладной орнитологии разрабатывала методы отпугивания стайных птиц с помощью пернатых хищников. Ее сотрудники когда-то организовали соколиную службу на территории Московского Кремля. Представители ВНИИ и порекомендовали новочебоксарцам об-

Свистком
Рустем
Галиуллин
подзывает
птицу

ратиться в соседнюю Казань и связаться с президентом НКО «Союз любителей соколиной охоты и охраны хищных птиц «Русский сокол», доктором биологических наук Ильдаром Еналеевым. Медлить не стали, черные стаи птиц над полигоном увеличивались с каждым днем. 20 декабря 2017 года Ильдар первый раз появился на полигоне с соколом по имени Ричард. Он взял птицу у приятеля из питомника, чтобы оценить ситуацию и посмотреть, как на хищную птицу будут реагировать местные стаи.

Тот зимний день работники полигона запомнили надолго.

Ильдара здесь ожидала группа зрителей с биноклями и фотоаппаратами. Оценить действия хищной птицы пришли штатный инженер-эколог, замдиректора филиала, рабочие. Карта полигона буквально кишила от галок. Сокол поднялся с перчатки на руке Ильдара, взлетел и снова сел на руку. После этого зрители смотрели на Ильдара как на колдуна. Стai галок как по волшебству будто ветром сдуло. И впервые со дня открытия полигона небо над ним очистилось. Стai покинули территорию всего за две минуты.

Затем Ильдар вместе с соколом укрылся в административном здании. Ровно через сорок минут стаи вернулись. Стало ясно, что присутствие соколятника на полигоне должно быть постоянным. В Новочебоксарске Ильдару и его помощнику предоставили временную служебную квартиру, а для птиц начали строить вольеры. Соорудили их по техническому заданию, которое написал Еналеев.

– В вольере предусмотрено место для отдыха птицы, массажный коврик для ее лап. Это лучшие вольеры для ловких птиц в России. По тому же техническому заданию было предусмо-

Старинный
клубочек
и спутниковое
средство связи
у современного
соколятника
висят рядом

Клубочек,
кожаный
колпачок,
надеваемый
на голову
ловчим птицам,
ограждает
ястреба
от внешних
раздражителей
во время отдыха
на руке хозяина

трено и создание присады – это жердь с перекладиной наверху. Присада расположена на другом краю полигона. Там ведется пассивная биорепеллентация, – объясняет Рустем Галиуллин, напарник Ильдара. Передав Альфу коллеге, Ильдар отправился перекусить в столовую. Хотя только что и разогнали птиц, оставлять полигон без присмотра нельзя ни на минуту. Кто-то обязательно должен быть на территории с птицей на руке. Иначе хитрые галки опять примутся за трапезу! Да и сидящего на присаде ястреба надо регулярно проверять.

– Когда птица летает мало, то возникает гиподинамия. Поэтому следим за весом птицы. Взвешиваем каждый день. Ориентируемся на тот вес, который был, когда птицу поймали. Вот Альфу поймали в дикой природе. Ей года

полтора. А ястреб Бета, который несет патрулирование на другом конце полигона, сидя на присаде, уже взрослая, материальная птица. – Рассказывая все это, Рустем вглядывается в снежный туман, наступающий со стороны реки Цивиль – правого притока Волги. На Цивиле птицы устраивают водопой, на полигоне – трапезу. Рустем направляется на другой конец полигона – проверить Бету. Я иду следом за ним.

Рустем давно познакомился с Ильдаром – еще совсем юным он записался в клуб соколятников, которым руководил Еналев. Ловчих птиц они держали дома, на балконах. Сами изготавливали для них амуницию, перерисовывая ее из редких в те времена книг по соколиной охоте. В пригороде Казани выпускали ястребов на ворон и голубей, зайцев и лисиц.

Ильдар привлекал Рустема, когда казанский клуб соколятников получал заказы на отпугивание стай с объектов зернопромышленности, хлебопекарен и торговых центров в Татарстане. Гоняли птиц даже в аэропорту Казань-2. Рустем восхищается своим старшим товарищем. С гордостью сообщает, что диссертация на тему «Экологические основы использования биологических репеллентов», за которую Ильдар Еналев получил докторскую степень, единственная в своем роде, никто на подобные темы никогда ничего не писал. Даже во время патрулирования полигона Ильдар успевает вести записи для научной работы: он готовит доклад по ornитологии для конференции, которая пройдет на базе биостанции МГУ им. Ломоносова. Рустем помогает ему – пересказывает командиру свои наблюдения.

У КАЖДОЙ ПТИЦЫ СВОЙ ХАРАКТЕР

...На мою обувь Рустем глядит с сомнением, просит быть внимательнее и смотреть под ноги. У него-то в сапогах стальные стельки, которые защищают от гвоздей, иголок, стекла и острых кусков бетона. На полигоне всякое бывает. Можно и провалиться в пустоты, можно и поскользнуться. Главное – не навредить птице.

– Мы зигзагообразно ходим. У нас не аэропорт. Маршруты носят импровизационный характер. Где видим птиц – туда и идем. В день километров по пятнадцать набегаем, – рассказывает на ходу соколятник и вспоминает прошлую зиму, когда носились по полигону так, что вся одежда была мокрая. Тогда на полигоне скопились многочисленные стаи галок,

оставшихся на полигоне на зиму из-за хорошей кормовой базы. В конце зимы к галкам присоединились серебристые чайки. Соколятники высмотрели, что зимовали чайки на незамерзших прудах-охладителях соседней ТЭЦ. Поначалу на сам полигон чайки не садились, летали над ним. А потом научились у галок хитрым уловкам и тоже осмелились тут трапезничать. А вот чайки озерные с галками не сдружились. Покрутились над полигоном и, когда на Волге во льду открылись большие проруби, ушли туда.

Усилиями Ильдара и Рустема огромная стая приблизительно в 5 тысяч птиц сократилась до сотни пернатых. Правда, в это число ястребиный патруль не включает снегирей, синичек и сорокопутов, посещающих полигон. А кое для кого соколят-

ники и вовсе сделали исключение. Весной, когда на полигон сели стаи утомленных и голодных после дальнего перелета скворцов, Ильдар и Рустем пугать их хищными птицами не стали. Если ослабленных скворцов прогнать от «обеденного стола», то они могут погибнуть и не добраться до своего дома. Своим заказчикам о такой «благотворительности» соколятники докладывать, разумеется, не стали. Ведь со своей задачей сокращать количество птиц на полигоне они справлялись...

А нынешней зимой соколятникам нужно следить за тем, чтобы их ловчие птицы не отморозили себе лапы, как это случилось в предыдущий зимний сезон с Гаммой. Для этого они приготовили пеленки, которыми будут укутывать

Рустем Галиуллин получает указание о новом месте скопления птичьих стай

лапы птиц. А еще у соколятников приласен целый набор мазей, витаминов и антибиотиков. Ведь хищная птица может пораниться разными способами. Вот Бета, который сидит на присаде в роли пассивного биорепеллента, тоже, оказывается, пострадал прошлой зимой. Поторопился залететь в вольер с руки соколятника и задел крылом дверной проем. В результате – ушиб правого крыла, которое у него теперь заметно подвисает.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Когда мы наконец видим присаду, то останавливаемся: Рустем к Бете не подходит. Наблюдает ястреба с близкого расстояния в бинокль. Вдруг Бета сорвался с должика или запутался? Регулярно проверять ястреба, сидящего на присаде, входит в задачи патрульного.

– Бета примерно такого же размера, как и Альфа, спина пепельно-серая, темноватая, грудь светлая с пестринками. У молодой птицы пестринки в виде капелек, а у взрослой – зигзагообразные, и их много. Бета более спокойный. Только его грозного вида достаточно

для охраны довольно большого участка территории, – рассказывает на обратном пути Рустем.

Пока мы идем обратно, Рустем рассказывает, что Ильдар Еналиев разработал курс лекций по соколиной охоте и биорепеллентации на базе факультета повышения квалификации Тимирязевской академии. Когда группа наберется, практику молодые орнитологи будут проходить на этом полигоне. Их обучат отпугивать врановых хищными птицами. Спрос на эту услугу есть: орнитологическая ситуация почти на всех полиграх твердых бытовых отходов одинаковая. А Рустем считает, что на полигоны можно было бы присыпать ловчих птиц-инвалидов. Ведь соколы нередко боятся в

Когти – главное оружие ловчих птиц

После дежурства на полигоне ястребы и соколы ночуют в этих вольерах

полетах, после чего для охоты они не пригодны. А на полиграх таких птиц ждет нормальная сытая жизнь. Рустем готов принять и раненого ястреба, если кто принесет. Вылечит, выучит работать... Правда, Рустем задумывается и над тем, чтобы поймать местного ястреба или пустельгу и выдрессировать для работы на полигоне. Было бы здорово, если бы такой хищник погонял галок в полете, считает он. Да и начальство иногда просит отпустить ловчих птиц в полет, чтобы произвести впечатление на инспектирующее руководство. Командиру патруля Ильдару такие шоу не нравятся. К затеям своего младшего коллеги доктор биологических наук относится скептически.

– У нас сугубо экологический проект, – веско говорит он, встречая нас на базе и забирая птицу у коллеги. – А ты, Рустем, как был, так и остаешься фантазером.

Еще мальчишкой, познакомившись на улице в Казани с Ильдаром, Рустем присочинил, что его дед был охотник-беркутчи, то есть охотился с беркутом. Ильдара это заинтриговало, и он принял самозваного потомка беркутчи в свой клуб соколятников в Казани. И пусть Рустем тогда присочинил о деде, но соколятник-то получился из него хороший. К тому же он неоднократный призер российских соревнований по тхэквондо. Так что лучшего напарника в патрулировании Ильдару и не найти. Он и с физической нагрузкой справляется, и птицу любит не меньше самого Ильдара.

Скоро сюда на помощь двум ястребам прибудет новый сокол – взамен Гаммы. Да и полигон будет расширяться. Так что бегать с птицами на руке соколятникам меньше не придется. Впрочем, не об этом ли мечтали в своей далекой юности Ильдар и Рустем, когда на всю жизнь заболели благородной соколиной охотой и связали с ловчими птицами свою жизнь? 🐦

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

БИБЛИОТЕЧНЫЙ УРОК

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

«ЧТО ТЫ ТЯНЕШЬ РУКУ, ТИМУР?» – удивляется учительница. «ХОЧУ ОТВЕТИТЬ!» – «НО Я ЕЩЕ НЕ ЗАДАЛА ВОПРОС!» – «А Я ВСЕ РАВНО ОЧЕНЬ ХОЧУ ОТВЕТИТЬ!»

И ТАКИХ, НЕТЕРПЕЛИ-вых, в третьем классе обычной рижской школы – 25 человек. Они примчались в класс на долгожданный библиотечный урок, не дожидаясь конца перемены, доедая на ходу яблоки и печенье. Долгожданный – потому что библиотечные уроки проводятся только раз в месяц, а рассказать о прочитанной книге хочется всем. Это в России такие уроки проводятся по всей стране и давно стали обычными. В Латвии, где количество предметов на русском

языке в билингвальных школах сужается с каждым годом, далеко не везде ученики знают библиотекаря в лицо. И только в рижской средней школе №10 традиция библиотечных уроков еще живет с советских времен. Библиотекарь Юлия Генриховна Александрова спешит в класс с большим пакетом, набитым толковыми словарями, карточками с заданиями и пачкой распечатанных на принтере иллюстраций. Обычно свои уроки она проводит у себя в библиотеке, благо недавно во дворе был возведен новый

светлый корпус. Но школа маленькая, от желающих учиться именно здесь отбоя нет, поэтому все помещения, включая актовый зал, используют как классы. А в новой библиотеке с 15 компьютерами проходят уроки информатики. Библиотечные уроки частенько переносятся в класс.

К приходу Юлии Генриховны третьеклашки заготовили рисунки по прочитанной книге, которую сами же и выбрали для обсуждения. На сей раз это – «Волшебник Изумрудного города» Александра Волкова. Классный руководитель Анастасия Владимировна Степанюк развешивает детские рисунки на доске, здесь же выставлены книги Волкова. А ребята уже расселись по командам вокруг столов в ожидании чуда. По опыту они знают – оно обязательно будет!

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ИЗ ГАЗЕТЫ - В ШКОЛУ

Мы с Юлией давно знакомы, в 90-е годы работали вместе в газете «Советская молодежь». Юлия занималась освещением школьной тематики и прекрасно разбиралась в проблемах образования. Она много печаталась и в местных журналах, причем ее публикации привлекали неизменное внимание читателей. Трижды моя коллега была победителем журналистского конкурса «Янтарное перо Латвии», учрежденного российским посольством.

После того как в Латвии резко сократилось количество русскоязычных газет и журналов, многие журналисты подались кто куда. Кто-то пошел в банкиры, кто-то в политики, кто-то даже в столичные мэры. Юлия Александрова, имея диплом преподавателя русского языка и литературы, выбрала школу, куда три года назад ее приняли на работу в библиотеку. Вменив в обязанность и проведение в младших классах творческих библиотечных уроков. Библиотечные уроки в русской школе Латвии в условиях национализированного образования, да еще под угрозой предстоящего полного перехода на латышский язык обучения, это дополнительный час

родного языка и литературы. Сейчас у пятых-девятых классов всего три урока русского языка и два – литературы в неделю. Это мало. А библиотечный урок позволяет привить ребенку любовь к дополнительному чтению.

– Скажу честно, если бы не эти уроки, я бы в школе не задержалась: после работы в ежедневной газете просто сидеть на выдаче книг было скучно. А вот

Очень хочется
ответить
первыми

На стенде –
детские рисунки
по любимой
книге

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

работа с маленькими детьми оказалась невероятно интересной! – говорит бывшая коллега. – Мне постоянно надо придумывать что-то оригинальное, занимательное. Это и «волшебные коробочки», в которые я кладу предметы, имеющие отношение к сказке, и загадки, и увлекательные рассказы о писателях. Даже голос пришлось поменять – с малышами надо говорить так, словно сказку рассказываешь! Изучив российские разработки, я поняла, что главный компонент этих уроков – викторина на знание текста и работа в командах. И по этой схеме я теперь делаю все уроки.

Ее самые активные читатели – второклассники и третьеклассники. Те, кому школьный библиотекарь вместе с учителями прививала любовь к чтению. Те, кто в третьем классе уже прочитал «Белого клыка» Джека Лондона и «Гарри Поттера».

– В четвертом они стали приходить в библиотеку реже, – с грустью признает Юлия. – Сейчас они уже в пятом классе и не приходят совсем. На чтение нет времени. Нагрузка увеличивается, с пятого класса все учебники только на латышском, а это огромная нагрузка. Плюс спорт, танцы, репетиторы... Но приходят новые второклассники, и мы начинаем все сначала. Сеем разумное, доброе, вечное...

Учеников 10-й школы принимают в читатели во втором классе, ритуал проходит в библиотеке. Таинственным голосом библиотекарь рассказывает ребятам о древних временах, когда писали еще на берестяных грамотах. Показывает им необычные книги, дает толстенные словари, которые не каждый ребенок и в руках-то сможет удержать... После посвящения в читатели гордые второклашки получают библиотечные карточки и становятся самыми усердными посетителями книжного рая. Увидев библиотекаря в школе, тут же бегут к ней, чтобы поздороваться и обняться.

КОЕ-ЧТО ТОЖЕ УМЕЕМ...

В младших классах они вместе читают старые добрые книжки: «Аленький цветочек» и «Цветик-семицветик», «В стране невыученных уроков» и сказки Пушкина, рассказы Бианки и Паустовского. К третьему классу дети уже сами предлагают: сделайте нам урок по «Вредным советам» Остера или по «Гарри Поттеру».

— Ну как я могу отказать! Воспитала читателей — надо теперь поддерживать их интерес к книге, — говорит библиотекарь. — Готовя «Гарри Поттера», я понимала, что надо придумать что-то особенное, а не просто викторину. Обратилась к школьному лаборанту по химии. Когда она в конце урока вкатила в библиотеку столик с колбами, горелками и смесями, мальчишки и девчонки замерли от неожиданности. «Мы, конечно, не Хогвартс, но тоже умеем делать чудеса. И вас научим!» — пообещала я детям. И они сидели открыв рты, глядя, как жидкость становится паром или вдруг увеличивается в объеме, выползая из колбы! «Такого урока мы еще не видели!» — признались ребята. И это было лучшей оценкой моей работы.

Два года назад Юлия Александрова презентовала свои библиотечные уроки на международном конкурсе педагогического мастерства «Юрмальская осень» и завоевала призовое место. Хотя ситуация была стрессовая, ведь урок надо было провести в чужой школе с незнакомыми ребятами. Разбирали повесть Лии Гераскиной «В стране невыученных уроков». Но класс отлично справился со всеми заданиями, а рижскому педагогу-библиотекарю удалось удивить более опытных коллег из России, Белоруссии и Грузии.

— Любой урок можно сделать необычным, — заверяет Юлия. — «Маленького принца» можно связать с астрономией и пофантализировать вместе, на какой планете мог бы оказаться сказочный мальчик со своей Розой и почему — на Юпитере, Сатурне или Марсе. А урок по «Королевству кривых зеркал» — это уже физика. Поэтому сразу после библиотеч-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

А теперь — работа со словарями!

ного урока дети из 10-й школы отправляются в Рижский научно-технический центр — смотреть настоящие кривые зеркала. Понятное дело, такие необычные уроки школьники начальных классов ждут с нетерпением. Но поскольку Юлия Александрова по образованию преподаватель литературы, то периодически замещает приболевших коллег в старших классах. И тут оказалось, что библиотечные уроки тоже могут быть кстати. К примеру, на уроках литературы в шестом классе изучаются мифы Древней Греции, а затем мифы славян. И если с греками все в полном порядке — книг хоть

отбавляй, то славянским богам в этом отношении повезло гораздо меньше. Работая на замене, Юлия все же решила провести урок по мифологии по типу библиотечного — с викторинами, картинками, загадками. Заготовила 96 карточек с вопросами по греческим и славянским богам — для работы в командах. И предложила ребятам, подбирая однокоренные или похожие слова, меняя их на разный лад, попытаться найти, с каким словом в русском языке это имя может быть связано. Задание было не из легких, лишь единицы связали Велеса с волосом, а уж то, что Мокошь — женская богиня, не догадался никто, но искали все с азартом.

— Самые трудные — это шестые и седьмые классы. Однажды замещаю учителя, веду урок русского языка. «А зачем надо грамотно писать в эпоху Интернета?» — вдруг спрашивает один мальчик. «Понимаешь, — говорю, — ошибки в твоем диктанте увидят только учитель, а вот лет через пятнадцать твой пост в «Фейсбуке» прочтут сотни, а то и тысячи человек. Тысячи, если ты станешь известным политиком, врачом или бизнесменом. И все твои достижения будут перечеркнуты из-за грамматических ошибок. Ну что это за политик, который не знает, что перед «что» ставится запятая, а слово «искусство» пишется с двумя «с»? Вроде бы убедила!..

Не так просто за две минуты разложить картинки в хронологическом порядке

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

подпрыгивал на месте, тянул руку вверх еще до того, как был задан вопрос.

Но вот дошла очередь и до словарей – все-таки это библиотечный урок! Юлия коротко объясняет, какие бывают словари и как с ними надо работать. А теперь задание: найти по словарю толкование слова «кафтан» из книги Волкова. С «кафтаном» все справились быстро.

– О чем мечтала Элли, читая книжки про волшебников?

– О принце, все девочки мечтают о принцах! – уверяет Андрей из первой команды и страшно удивляется, что это не так. Если кто забыл, у Александра Волкова Элли мечтала о том, чтобы каждая девочка, проснувшись утром, обнаружила бы у себя под подушкой сладкие пряники, а у кровати – новые туфельки...

Урок подходит к концу, пора подводить итоги. Юлия Генриховна просит детей дать оценку лживому волшебнику Гудвину. Кем он был? Обычным человеком, который случайно попал в необычную ситуацию. И далее ребята, практически сами, без подсказки, делают очень важное открытие: даже обычный человек может совершать чудеса. Можно подарить людям веру в себя и свои силы. Благодаря дружбе, можно преодолеть любые трудности и испытания. По просьбе библиотекаря дети дают определение слову «дружба»:

– Это когда не для галочки, а искренне.

– Когда помогаешь и поддерживаешь друг друга.

– Когда работаешь в команде.

– Когда доверяешь...

– Ну вот, дорогие мои, мы с вами пришли к выводу, что наша сказка – о дружбе, о чудесах, которые мы с вами тоже можем совершать, если будем внимательны и добры к окружающим нас людям. Урок окончен. Будьте, пожалуйста, дружными! – Библиотекарь прощается с ребятами, но они еще долго не отпускают ее, рассказывая о любимых книгах, про которые тоже нужно обязательно поговорить на следующем уроке... ●

КАК СТАТЬ ВОЛШЕБНИКОМ
Но нам пора возвращаться к «Волшебнику Изумрудного города» и к нашим третьеклашкам. Сначала библиотекарь обсудила с ребятами отличия народных сказок от авторских. После чего перешла к знакомству с биографией автора и рассказала, как он написал книгу о приключениях девочки Элли и ее друзей, взяв за основу американскую сказку, но основательно ее переделав и дополнив. Новая версия занимательной истории в изложении русского писателя увидела свет в 1939 году. Получается, первыми читателями новой чудесной сказки были прабабушки и прадедушки нынешних третьеклассников.

Рассевшись по командам вокруг столиков, ученики подготовились отвечать на вопросы по любимой книге. Как звали главных героев? Как Элли оказалась в волшебной стране? Где была ее родина? Как звали ее родителей? За каждый правильный ответ команде вручался цветной бумажный лепесток. А за каждый выкрик с места – минус тот же лепесток! Для многих это

оказалось самым трудным – не подвести свою команду, удержаться на месте, хотя очень хочется ответить первым. Новое задание: командам нужно с помощью иллюстраций выстроить сюжет сказки. Класс гудит, но сегодня никто за это не ругает и замечаний в дневник не пишет. Работают все! А я могу только удивляться: до чего же дети собрались замечательные – увлеченные, эрудированные, активные. Настоящие книжечки, они знают все! И очень хотят поделиться, особенно Тимур и, конечно, его команда. Невозможно было без смеха смотреть, как он от нетерпения

Кто куда,
а Тимур после
урока – сразу
в библиотеку,
выбрать новую
книгу

Учимся работать
в команде

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

КАК ГОРОЖАН КОЛЯДОВАТЬ УЧИЛИ

АВТОР

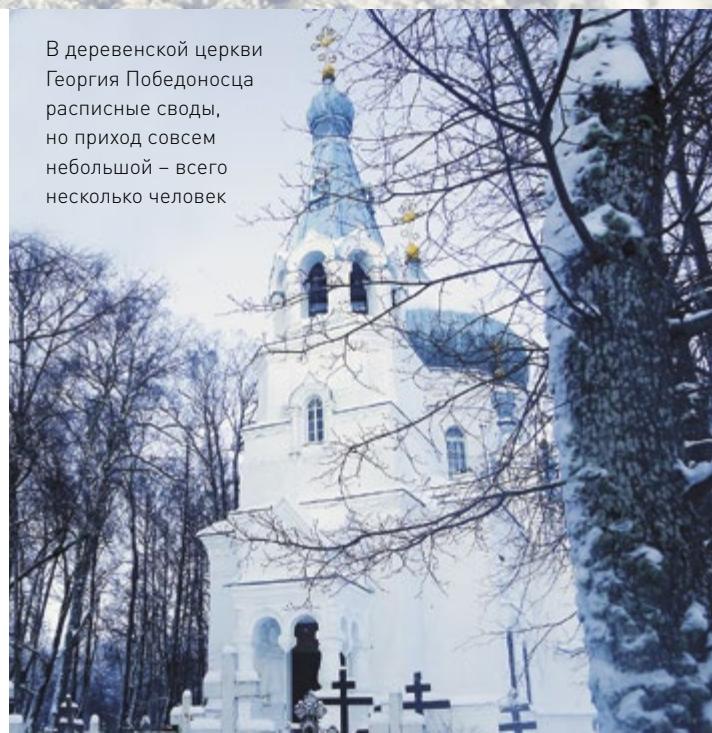
ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

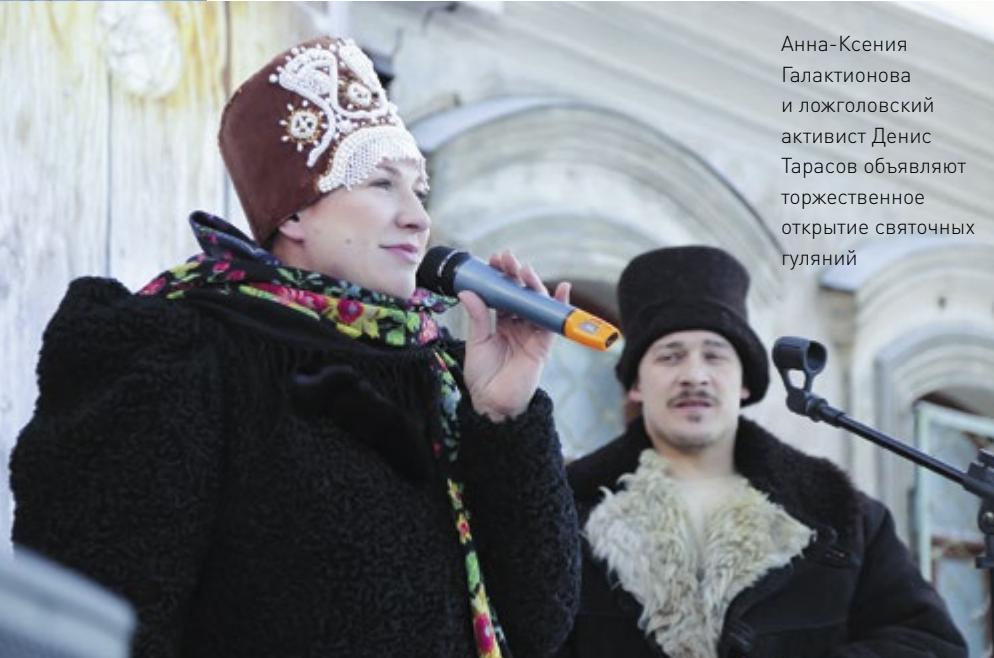
ФОТО

МАКСИМА СЛАВЕЦКОГО

ДЕРЕВНЯ ЛОЖГОЛОВО, 12 ЯНВАРЯ. ТИХИЕ ЗАСНЕЖЕННЫЕ УЛИЦЫ, ПО КОТОРЫМ В ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ ПРОХОДЯТ ДВЕ-ТРИ БАБУШКИ, ЗАПРУЖЕНЫ НАРОДОМ. РЯЖЕНЫЕ С ГАРМОШКОЙ ХОДЯТ ИЗ ИЗБЫ В ИЗБУ, НА ПЕРЕКРЕСТКЕ РАСКИНУЛАСЬ ЯРМАРКА, ВОДЯТ ХОРОВОДЫ И УСТРАИВАЮТ ПОТЕХИ, ВСЕ ЗВЕНИТ ОТ ВЕСЕЛОГО ГОМОНА И ДЕТСКОГО ВИЗГА. АВТОМОБILI, КАК И СОВРЕМЕННАЯ ОДЕЖДА, НА УЛИЦЫ ЛОЖГОЛОВО В ЭТОТ ДЕНЬ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ: БОЛЬШИЕ СВЯТОЧНЫЕ ГУЛЯНЬЯ ДОЛЖНЫ ПРОЙТИ ИМЕННО ТАК, КАК ЭТО БЫЛО ПРИНЯТО У НАШИХ ПРАДЕДОВ.

В деревенской церкви Георгия Победоносца расписные своды, но приход совсем небольшой – всего несколько человек

Анна-Ксения Галактионова и ложголовский активист Денис Тарасов объявляют торжественное открытие святочных гуляний

Д

РЕВНЕ ЛОЖГОЛОво в прошлом году исполнилось 520 лет. Она затеряна на просторах Ленинградской области – всего около 200 километров от Петербурга, но далеко от основных трасс. О существовании Ложголово знает навигатор в смартфоне, но не догадается случайный путешественник: у деревни, которая раньше была большой и богатой, теперь на въезде нет даже таблички. А раньше здесь все держали скотину, возили молоко, мясо и мед в Петербург на продажу. В советское время здесь был совхоз с поголовьем в 400 коров. Но в 90-е годы он развалил-

ся, а жители Ложголово разъехались по городам, возвращаясь в дома предков только летом. Красивую каменную церковь священник отпирает лишь по воскресным и праздничным дням – постоянный приход храма всего несколько человек. Хотя места здесь непростые: в деревне есть часовня и каменный крест – на месте явления святого Георгия Победоносца. Местные бабушки вздыхают о славном прошлом деревни и сокрушаются, что работы никакой нет, поэтому и молодежи здесь делать нечего. Грустная история, хотя и не оригинальная: деревни вымирают по всей России, и этим никого не удивишь.

Всех гостей и участников угощают хлебом-солью

РУССКАЯ ЭКЗОТИКА ДЛЯ АНГЛИЙСКИХ ГОСТЕЙ

Но 12 января 2019 года деревня Ложголово ожила – именно ее выбрали местом для проведения Больших святочных гуляний. Гуляния проводятся в деревнях вблизи Петербурга четвертый год, в Ложголово – второй год подряд.

– Уже два-три поколения горожан, да и деревенских тоже, не имеют ни малейшего понятия о том, как праздновали святыни их предки, – рассказывает Анна-Ксения Галактионова, одна из организаторов проекта «Съезджий праздник под Петербургом». – Пока еще живы те бабушки и дедушки, которые помнят святочные колядки своего детства, мы хотим восстановить то, что было раньше. А вторая цель – привлечь внимание к деревне, к ее проблемам, показать и властям, и жителям мегаполисов, и самим деревенским жителям, что у таких умирающих деревень есть шанс выжить, если они станут гостеприимными и открытыми для туристов.

Улица на подъезде к Ложголово запружена припаркованными машинами и автобусами – в гости в «настоящую русскую деревню» приехало около тысячи человек. Из Петербурга, Москвы, из ближайших районных центров – Сланцев и Кингисеппа. Машины не допускаются – чтобы не портить картину деревенского уличного праздника. А чтобы погружение в прошлое было полным, всем гостям и участникам гуляний советуют заменить шапки на теплые пуховые и расписные платки, сапоги – на валенки и, по возможности, не злоупотреблять пуховиками и джинсами.

По улицам расхаживают странные, «ярмарочные» персонажи. Одни скоморохи на ходулях крутят скакалку, чтобы все желающие могли согреться и попрыгать. Другой предлагает предсказать судьбу. Александр Барон, артист оригинального жанра, специально приехал из Петербурга, чтобы показать мастерство владения кнутами: под

ТРАДИЦИИ БОЛЬШИЕ СВЯТОЧНЫЕ ГУЛЯНЬЯ

восхищенные вздохи толпы он изящно щелкает кнутом и обрывает флагжок, который девушка-доброволец держит во рту.

Чтобы гости не заблудились в деревне, недалеко от парковки стоят волонтеры и выдают карты и расписание всех мероприятий. Второй год подряд в роли таких добровольных помощниц выступают старшеклассницы из Старополя – соседнего села.

– Мы хотели сделать праздник максимально «живым», – говорит Анна-Ксения Галактионова. – Здесь ты не зритель, который смотрит выступление артистов со сцены, а участник деревенского гулянья, который развлекает себя сам. Хочешь – иди с колядками по избам, хочешь – води хороводы и катайся на санках, прыгай через скакалку, можешь просто гулять по деревне и рассматривать резные наличники старинных домов. Замерз – выпей чаю из самовара, зайди в деревенский Дом культуры на мастер-класс или в избу – там проходят концерты.

Вдоль главной улицы раскинулась небольшая ярмарка – продавать свой товар приехали как из соседних деревень, так и издалека. Семья Елены Макаровой прибыла из хутора под Изборском на Псковщине, привезла на продажу керамику ручной работы и домашний сидр. Кто-то торгует пряниками, кто-то – берестяными корзинами. Александр Афанасьев выставил на прилавок сыр и молоко своего хозяйства из деревни Хотилово, что в 20 километрах от Ложголово. Там же он несколько лет назад построил гостевой дом, разводит лошадей и домашний скот.

– За полтора месяца до святочных гуляний все места были заняты, – говорит он. – Люди ехали с ночевкой из Петера, Москвы. Даже есть гости из Великобритании!

Пожилая пара, Кевин и Алина Гиллон, действительно приехали в Ложголово из Англии. Алина – русская, родом из Марий Эл, муж – англичанин. Были в Таллинне, прочитали про празднование святок и запланирова-

ли посмотреть, как же их отмечали раньше в русской деревне.

– Очень необычно, для меня это экзотика, – говорит Кевин. – У нас в Англии есть Хэллоуин, но мы его не жалуем. А здесь так красиво, зима, мороз, эти песни у крыльца чужих домов...

«НЕ ДАДИТЕ ХЛЕБА – УВЕДЕМ ДЕДА!»

– Щедро колядуйте, праздник отмечайте, всей родне мы вашей пожелаем счастья! – разносится по улицам. Гости разбились на несколько групп и разошлись по трем деревенским улицам – на каждой есть дворы, в которые можно зайти и наколядовать себе угощение.

Возглавляют каждую группу колядовщики фольклорные ансамбли, специально приехавшие на праздник из разных мест. Кто-то по-соседски из города Сланцы, как, например, этнографическая мастерская «Манефа». Кто-то из Петербурга, например детский фольклорный ансамбль «Игречи». У каждой команды ряженых – свои колядки, своя музыка и свои «подручные средства». Кто-то едет в упряжке из медведя и лошади, другие соорудили себе доброго коня из сапога, у третьих с собой – коза с рогами. По улицам колядовщики идут с песнями и прославлениями Христа, а при подходе к крыльцу дома

Участников гуляний согревали танцы и чай из самоваров

На ярмарке можно было купить берестяные корзины. А можно было сплести самому – на мастер-классе в деревенском ДК

Во дворы гости заходят с шумом, гамом и музыкой

пускают в ход тяжелую артиллерию – кричалки:

– Пирог не режь, не ломай, целиком подавай!

– Не дадите пирога – мы корову за рога! Не дадите хлеба –уведем деда!

– Открывай сундучок – подавай пятачок. Пятачок мало, давай кусок сала!

Если хозяева не скрупятся и щедро угощают колядовщиков (все же не салом, а заранее заготовленными печеньем, конфетами и сушками), то гости начинают хвалить хозяев и желать им благополучия в будущем году:

– Куда коза копытом, там счастье корытом!

– Счастья в дом! Счастья в дом! – скандируют гости, а дети активно работают вениками, заметая на ступени крыльца рис и заодно снег.

ТРАКТИР В СОБСТВЕННОМ ДВОРЕ

Открыть двери своих домов для ряженых решилось более 10 семей – в основном те, что живут в Ложголово с самого детства и еще помнят, как сами ходили колядовать, когда были детьми.

– Раньше деревня была большой, – рассказал Евгений Иванович Косяков, житель одного из домов на Паозерской улице.

Команда колядовщиков пришла в дом к семье Косяковых. Много лет прошло с тех пор, как они сами, будучи детьми, бегали с колядками по улицам Ложголово.

це. – Тогда ряженые и на лошадях по улицам ездили, на санях. Мы, малыши, бегом от дома к дому бегали. Угощения тогда были другие – хозяйки специально пекли пироги для святок, бывало, что давали яйца, хлеб. Помню, мы не только пели песни, но и хулиганили – могли перо в дымоход закинуть, чтобы у хозяев немного подымила печка. Летом тоже деревня гуляла – на Иванов день все девушки спускались к речке и пускали по воде венки.

Евгений Иванович – один из 50 постоянных жителей Ложголово. В основном это пенсионеры. Многие из них родились здесь, в молодости работали в городе, а выйдя на пенсию, вернулись в деревню. Так, 65-летняя Надежда Ивановна Скобелева вместе с мужем несколько лет назад тоже приехала жить в свой родовой дом. В прошлом году Надежда Ивановна во время гуляний сидела дома и смотрела на праздник из окна. А в этом году решилась стать участником – села за прилавок и стала продавать мед с пасеки своего брата.

– Мед у нас в Ложголово хороший, – говорит она. – Поля чистые, борщевика нет, малина, липа цветет. Брат пчел никогда

Фольклорный ансамбль «Домострой» выступает на «избушнике» в доме семьи Кравцовых

не подкармливали, поэтому мед натуральный.

А вот Зинаида Сергеевна Хозяинова в Ложголово как приехала семилетней девочкой, так никуда и не уезжала. С самого утра она с командой своих помощников топила в своем дворе самовар и расчищала двор – на один день он превратился в «Харчевню у Зины», где она угождает гостей блинами, рассольником и картошкой с мясом. Обедом потчуют и на соседней, Загорской улице – там в «Харчевне у Крючковых» жарят шашлыки. А самая большая «полевая кухня», «Трактир «Старая квашонка», раскинулась на Ложголовской улице – там в огромных котлах варится борщ, жаркое и компот, чтобы накормить всех желающих.

– Это довольно непростой для нас эксперимент – устроить такой большой праздник в простой деревне, где нет никакой инфраструктуры, – говорит Анна-Ксения Галактионова. – Сможет ли деревня принять столько человек? Ведь люди едут издалека, им надо обеспечить и питание, и туалеты, должна быть сцена, звук и место для парковки... Мы бы, может, и не решились устроить этот праздник, если бы не местные жители.

КТО ПРИВЛЕК ВНИМАНИЕ – ТОТ И ВЫЖИЛ

Одним из первых на клич организаторов откликнулся Денис Тараксов. Это самый молодой житель Ложголово – ему всего 34 года. Он тоже вернулся в родовой дом из Петербурга, работает на заводе в Кингисеппе. 60 километров каждый день в одну сторону до работы проезжает за 40 минут по пустым дорогам: «В Питере многие на дорогу куда больше времени тратят». Сначала отремонтировал дом, а теперь взялся за развитие инфраструктуры деревни. С несколькими другими активистами Денис создал об-

щественную организацию «Ложголовские предместья» и планирует постепенно разбираться со всеми ложголовскими проблемами: уборкой дорог, вывозом мусора, реставрацией деревянных домов XIX века.

Несмотря на молодость, Денис уже заработал авторитет у местных жителей. Именно ему удалось уговорить многие семьи принять участие в святочных гуляньях, пустить к себе во двор колядующих, а в дом – гостей и музыкантов. Две недели новогодних каникул Денис со своими помощниками почти круглые сутки готовились к приему гостей: монтировали сцену, па-

Мед из ложголовских ульев считается экологически чистым и раскупается приезжими гостями на ура

Вечернее фейер-шоу не совсем в духе святочных гуляний, но зато эффектно

латки, скамьи и столы, заготавливали дрова для походной кухни, расчищали от снега площадки, протапливали здание деревенского клуба.

– Такие праздники дают огромную отдачу для деревни, – уверен он. – После прошлогоднего праздника, например, местной администрации удалось получить финансирование на реконструкцию здания Дома культуры, который давно в плачевном состоянии. В феврале 2019 года планируется начало ремонта. В этом году местная власть нам очень помогла с организацией праздника – обеспечила спец-

технику для расчистки снега, установку туалетов, аппаратуру для выступлений со сцены. Самы бы мы это не осилили. Еще мы очень рассчитываем, что внимание к нашей деревне поможет решить проблему дома Москвинах. Это барский каменный дом XIX века, в котором был и сельсовет, и почта, и фельдшерский пункт. Но в последние годы дом стоит пустой и разваливается. А ведь это памятник культуры, в нем можно сделать музей или гостиницу. Но пока про деревню Ложголово никто ничего не знает, надеясь на помощь бессмыслен-

Гулянья по главной улице продолжаются и вечером – при свете луны и фонарей

но. А вот если Ложголово станет центром туризма и сюда будут приезжать гости на фестивали и праздники – совсем другое дело! Плоды своих трудов Денис Тарасов пожинает уже в день праздника – один из фольклорных коллективов привез с собой в подарок адресную табличку с надписью «Ложголово», которая теперь будет красоваться у храма на въезде в деревню.

«ИЗБУШНИК» С ПЕРЧИНКОЙ

В январе темнеет рано, деревенские улицы освещают луна и редкие фонари. Кто-то из гостей укрылся от мороза на «избушниках» – вариант городских квартирников, когда концерты происходят у кого-то дома. В избу Кравцовых пускают только взрослых – фольклорный ансамбль «Домострой» там устроил концерт «Этнографические зарисовки 18+». Исследователи каждый год ездят в экспедиции на Дон, откуда из станиц привозят старинные песни – и, как оказалось, иногда эти песни с перчинкой. «Кто тут впечатлительный – просьба выйти!» – начинают свое выступление домостроевцы, а потом уже пол старой избы сотрясается от их притопывания и от смеха зрителей.

На главной сцене подводят итоги конкурса колядовщиков – жюри выбрало тех ряженых, кто колядовал ярче и живее всех. Им вручают расписанное вручную блюдо. Завершает праздник огненное шоу, после чего гости начинают разъезжаться. На выезде из Ложголово образуется автомобильная пробка – небывалое для этих мест зрелище.

– И вот так вы у себя в Питере каждый день маетесь? – участливо уточняет одна из местных бабушек, вышедшая проводить городских гостей. – Как от пробок своих да от городского воздуха устанете – приезжайте еще погостить. И вы отдохнете, и нам приятно, когда в деревне снова молодые голоса и снова кипит жизнь! ☺

ЧУДЕСА ИЗ ДЕРЕВА

автор

МАКСИМ ГУСЕВ [ФОТО АВТОРА]

ТОПОР, РЕЗЕЦ, ПАРА ПИЛОК, СКОБЕЛЬ И... МУДРОСТЬ ПРЕДКОВ ПОМОГАЮТ УМЕЛЬЦУ ИЗ УРАЛЬСКОЙ ГЛУБИНКИ ВАСИЛИЮ КРАЕВУ СОЗДАВАТЬ ШЕДЕВРЫ ИЗ ДЕРЕВА, МИМО КОТОРЫХ НЕВОЗМОЖНО ПРОЙТИ, НЕ ОБЕРНУВШИСЬ. ВОТ УЖЕ БОЛЕЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ ОН РЕЖЕТ ИГРУШКИ, КОТОРЫЕ НЕСКОЛЬКО ВЕКОВ НАЗАД БЫЛИ ПОПУЛЯРНЫ У ЖИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЕВЕРА, А ПОТОМ НАДОЛГО ОКАЗАЛИСЬ ЗАБЫТЫМИ.

В

СГУЩАЮЩИХСЯ ОКТЯБРЬСКИХ СУМЕРКАХ ЗА ОКНОМ Растворяется поселковая жизнь – бредут собаки на редких прохожих, катят мальчишку в шапке-ушанке на велике, кто-то из соседей колет дрова. Тишину комнаты, погруженной в полумрак, нарушают только скрип резца, изготовленного самим мастером, и наша неспешная беседа.

Мы встретились с Василием Леонидовичем в его небольшом домишке в таежном поселке Шамары Свердловской области, что находится в двухстах километрах от Екатеринбурга. Здесь, в этом небольшом местечке, все в принципе иначе: плохо ловит сотовая связь, Интернет берет только на крышах или на пригорках, в окнах домов светятся экраны телевизоров – по вечерам это единственное местное развлечение. С насыпи доносятся гудок проходящего поезда и долгий перестук его колес, а также гулкое эхо диктора, объяняющего о прибытии электрички из Перми. Где, как не здесь, и появляться таким самородкам, которые далеки от «фейсбука», «одноклассников», автомобильных пробок и супермаркетов?

КУКЛА-ПАНКА И КОНЬ-КОЛОДА

– Я еще в юности почувствовал, что в жизни главное – уметь руками что-то делать, а отец меня и к молотку, и к топору приучил, поэтому я стал экспериментировать. Сначала вырезал только людей: бородатых дядек в кафтанчиках, женщин в плащиках и девочек в платьишках, а потом как-то само собой получилось, что основательно игрушками заинтересовался, – рассказывает Василий Краев... Главное место в его доме – не горница, как это частенько бывает в деревнях, не гостиная, а мастерская. В ней царит творческий беспорядок и крепко пахнет сухим деревом. Сюда он приходит, когда ищет душевного покоя и равновесия, когда хочет поделиться теплом своей души – берет в руки деревянную заготовку и вырезает что в голову придет. Сегодня это может быть кукла-панка или коняшка, завтра конь-колода, комонь-скакун, диковинный зверек или былинный герой.

– Человек, который знает, для чего ему руки даны, самый счастливый, – считает Василий Леонидович и уверяет, что его

жизненная философия до предела проста: результат его работы должен приносить людям и радость, и пользу, и удовольствие. Он никогда не думал о карьере, да и с семьей как-то не задалось, поэтому всю сознательную жизнь он старался заниматься самообразованием. Читал Василий много, и однажды «зацепила» его подборка книг о резьбе по дереву. И все, что накопилось в нем к этому времени, словно подтолкнуло к тому делу, которое нежданно-негаданно стало... делом всей его жизни! По словам мастера, успех в его работе всецело зависит от воодушевления. Если нет в какой-то момент интереса, если чувствует, что не просят руки резца и деревяшки, в мастерскую даже не заходит. Только в последнее время такое настроение бывает у него все реже. Все чаще хочется ему «оживить» бесчувственный кусок липы, невзрачный обрезок осины или березовое полено, вдохнуть в них жизнь. Работает он только с лиственными породами и всегда выбирает дерево без сучков. Сам в лес не ездит – подбирает заготовки из дров, которые заказывает для печи. Когда получает «топливо», подолгу примеряется к каждому более или менее подходящему пеньку или полену. Признается, что одно время пытался освоить и хвойные породы, но все же вынужден был от них отказаться.

– Та же сосна смолу выделяет, свежие игрушки липкие выходят, а мне бы не хотелось, чтобы взрослые, а тем более дети, для которых я тружусь, свои пальчики марали об них. Игрушки должны приносить только радость, – говорит Василий Краев. – Ладно бы в окрестностях мелкослойные сосны были, но в Шалинском районе, где я живу, – тайга. У нас тут в основном кедры и ели. Они мне никак не подходят...

Василий Леонидович показывает на березовый пенек: если расколоть его надвое, получатся две коняшки, а если разбить на четыре полешка, то из каждого получится по куколке.

ТРАДИЦИИ ИЗ ГЛУБИНЫ СТОЛЕТИЙ

Резьба по дереву корнями своими уходит вглубь веков. Говорят, особого успеха достигли в свое время резчики Русского Севера. И Василию, конечно, лестно, что он продолжает ремесленные традиции, родившиеся много столетий назад. Когда за его поделками люди выстраиваются в очередь – конечно, не в буквальном смысле, а по телефону, стараясь «застолбить» для себя ту или иную понравившуюся игрушку, – даже удивляется. Но особо его поражают заказы, поступающие время от времени то из Архангельска, то из Вологды и со-предельных городов и поселков.

– Я был уверен, что там действует и развивается своя уникальная школа резьбы, в которой бы мне учиться надо, но, когда мне сказали, что она чуть ли не исчерпана и движения вперед не имеет, безмерно удивился, – говорит он.

Во владении резцом и скобелем он добился такого успеха, которому не завидуешь, а радуешься! Он словно мягко гладит очередную заготовку, будто вычесывая из «шерсти» отдельные прядки – стружку. На то, чтобы из деревянной чурки сделать игрушку, которой хочется не только любоваться, но и держать в руках, в зависимости от сложности уходит несколько часов. А если задумана большая игрушка или если он режет что-то эксклюзивное по чьей-то просьбе, то на изготовление может уйти и целый день. И Краеву нужно обязательно «погладить» получившуюся игрушку, то есть обработать ее наждачной бумагой так, чтобы она стала гладкой, как коленка младенца.

Мастер признается: раньше ему приходилось даже заставлять себя работать, чтобы освоить тонкости, понять особенности и отточить навыки. А теперь во время работы в нем словно сосуществуют два человека: один – вдумчивый и старательный мастер, чьи руки работают словно бы сами по себе, а второй – спокойный, вдумчивый философ, который рассуждает об изделии

Резная куколка – самая простая поделка Василия Краева, но и она пользуется популярностью у ценителей ручного труда...

ях не как о простых игрушках, которые через год-два будут никому не нужны и окажутся на антресоли или в чулане, а как о вещах долговечных, радующих не одно поколение семьи. И то верно: родители, которые видят, что дитя наигралось, используют эти же игрушки как элементы интерьера.

Надо ли говорить, что, в отличие от фабричных игрушек, его куколки или зверушки несут тот простой и даже примитивный смысл, которого многим в наши дни недостает: быть искренним человеком, не гнаться за яркими красками и мишурой и тем самым выгодно отличаться от большинства представителей общества потребления.

– Я делаю маленьких куколок, не похожих на магазинных, в плащиках и сарафанчиках, а еще коняшек, овечек, петушков и курочек, медведей, – перечисляет мастер, называя себя самобытным умельцем «с художественным нутром». – С годами я пришел к тому, что эту игрушку невозможно делать человеку равнодушному, который гонится не за качеством, а за количеством и думает не об эстетической радости, а о деньгах, о выгоде и славе...

Первую сотню своих коней, куколок и бородатых мужиков он раздал друзьям, родным, знакомым и соседям. Те принимали игрушки с благодарностью и восхищением: выглядят его поделки очень просто, но притягательно, они сочно пахнут деревом и невероятно приятны на ощупь. Его хвалили, а он поначалу даже обижался: думал, над ним подшучивают.

За резьбой по дереву приятно даже просто наблюдать, тем более если умелец набил руку: его движения отточены так же, как резцы, благодаря которым получается красота!

Мастер-классы уральского «самоделкина» пользуются невероятной популярностью и у детей, и у взрослых. «Это потому, что люди устали руками гаджеты держать, хотят делать ими что-то по-настоящему стоящее», – уверен Василий Леонидович

КАК СТАТЬ МАСТЕРОМ?

Новая жизнь началась у Василия Краева, когда кто-то из соседей предложил: «Выстави-ка, Василий Леонидыч, свои поделки напоказ народу». «Как это?» – удивился он, а потом понял, что демонстрировать свое умение – это правильно.

– По мере профессионального роста меня начали замечать на различных уровнях, стали приглашать на выставки и мастер-классы, чтобы и другие могли попробовать то, чем я занимаюсь, – вспоминает Краев о событиях семилетней давности. – Стали поступать заказы.

Да и людская молва стала для него полезной – услышали о нем в правительстве Свердловской области, где уже тогда искали «самоделкиных», которые делают то, что другие не умеют. Стали наводить справки, выяснили: за плечами у шамарского мастера уже полтора десятка персональных выставок, сотни поделок и множество благодарных откликов. Благо к тому времени Краев подружился с несколькими культурными центрами и музеями не только у себя в поселке, но и в Екате-

ринбурге. Выставлялся он даже в Москве, но оттуда вернулся огорченным: вроде и игрушки его всем понравились, да только столица оказалась не по душе человеку, который привык к спокойствию, тишине и единению.

Многолетний опыт позволил ему доказать, что он занимается подлинным ремеслом, которое высоко оценили искусствоведы. В конце 2017 года Василию Краеву было присвоено звание «Мастер народных художественных промыслов Свердловской области» наравне с девятью другими уральскими самородками. На награждение их пригласили в здание областного правительства, в Екатеринбург.

– Поехал на церемонию в декабре, документы и примеры работ отправил туда за полгода до этого, – делится он. – Вице-губернатор мне вручил свидетельство, подтверждающее, что я признан мастером, и букет цветов. Этот документ подтверждает, что я не самозванец. Но все-таки на фоне других я меньше всего достоин такого звания, потому что вместе со мной его получили опытные ремеслен-

ники, которые уже несколько десятилетий занимаются своим трудом – разрисовывают лаком подносы, обрабатывают камни, делают красоты из бересты.

На торжественную церемонию награждения он впервые в жизни надел пиджак и галстук. Со свойственной ему бесхитростностью говорит, что «раньше в таких высоких конторах не был никогда, но раз сказали про дресс-код – надо было соответствовать». И грустно вздыхает: чувствовал себя неуютно...

– Языком ни с кем чесать не стал и, когда все закончилось, сразу уехал, – добавляет он и почему-то вдруг вспоминает, что президент Владимир Путин неоднократно говорил о высокой значимости народных промыслов, которые являются «частью культурного кода». – А ведь раньше в деревнях всегда были мастера – кузнецы, бондари, обувщики, и все их уважали – от мала до велика. Я рад, что в наши дни народные промыслы стали ценить и беречь, а тех, кто их освоил, – поддерживать и защищать на государственном уровне. Это, конечно, отрадно.

«ЭТО ЛУЧШЕ, ЧЕМ МАТРЕШКИ»

Но он и предположить не мог, что признание от областных властей станет для него путевкой в еще более необычную, до того незнакомую ему жизнь. На пару месяцев ему суждено было стать одним из тех, кого попросили привлекать и заинтересовывать иностранных туристов. Летом 2018 года специально для гостей чемпионата мира по футболу в Екатеринбурге были открыты различные тематические площадки, где туристам предлагалось познакомиться с традиционными ремеслами, характерными для Среднего Урала, с самобытной культурой, территориями бытования народных промыслов. Василию Краеву пришлось не только выставить свою продукцию и предлагать ее иностранным болельщикам, но и помочь им разобраться, что это за мастерство такое, насколько оно сложное, оригинальное и уникальное. Говорят, тонкости ремесла лично у него смогли оценить мексиканцы, японцы и сенегальцы.

— Чтобы получилось «баско», — Василий, освоив премудрости

общения с иностранцами, делал паузу, объясняя переводчику: это значит «хорошо», — надо не спешить, не забывать, что мы работаем с острыми инструментами, и быть увереннее. Пока гости разбирались, в какую руку взять резец, для чего нужен скобель и с какой силой требуется снимать стружку, Василий деликатно делал замечания: здесь надо задиры убрать, от них можно избавиться, а вот здесь — применить ловкость. И успокаивал: мол, волноваться из-за ошибок не стоит, это же учеба. Да никто и не волновался: постигая тонкости русского ремесла, иностранцы улыбались, активно фотографировались и... просили в качестве сувенира продать им его игрушки. «Это лучше, чем матрешки», — объясняли потом мастеру переводчики чуть ли не всеобщее мнение болельщиков, оказывавшихся на мастер-классах у Василия Краева. А он согласно кивал: дескать, игрушка из дерева — предмет куда более глубокий, настоящий сувенир! Позже, прощаясь с гостями, он придумал еще одну штуку: заготовки, с которыми только что

те работали, он им предлагал взять себе на память, даже если игрушки были неказистыми. «В следующий раз приедете, найдете меня — вместе доработаем», — то ли в шутку, а то ли всерьез говорил он и смотрел на благодарные, радостные лица людей, прижимавших руки к сердцам в знак признательности.

Так и разлетелись его китоврасы, лошадки и куколки по всему миру. Умелец говорит, что поделки уехали в Калифорнию, Францию, Испанию, Китай, на африканский континент, в Мексику. ...Работает он и для детей, и для взрослых. Впрочем, даже взрослые становятся детьми, когда берут в руки инструменты и пытаются что-то вырезать из дерева. А малышня и вовсе облепляет его во время мастер-классов, которые он дает теперь в городе по несколько раз в год: всем охота попробовать сделать что-то своими руками. А одна семья пришла к нему с серьезной просьбой. «Мы вам сколько угодно заплатим, только научите нашего сына руками работать», — огорчили его как-то односельчане.

— Моторика у многих современных детишек слабая — ин-

Не всем детям с ходу удается понять принцип резьбы по дереву, но они стараются. А умелец их подбадривает и обещает строго не судить первые поделки...

формационное поколение растет! – разводит руками мастер и грустно вздыхает. – Недавно мальчика ко мне приводили, так он ничего не мог держать, а уж вырезать и подавно. Но того парнишку, за которого родители просили, мне все-таки удалось за несколько занятий чему-то научить – он потом коня сам смог сделать, азбуку деревянную вырезал. Бывают, кстати, и другие дети, по способностям выше средних, но их очень мало – и это тревожный звоночек всем нам, а особенно родителям, дедушкам и бабушкам, от которых зависит воспитание нового поколения.

ТЕРЯЕТСЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

А еще Василий всерьез беспокоит, что современность постепенно «затирает» народный канон, теряется связь между прошлым, настоящим и будущим, люди забывают свои традиции, ремесла, пренебрегают мудростью предков. Поэтому каждой своей игрушкой он словно из последних сил цепляется за то ценное былое, которое сегодня многими воспринимается с удивлени-

ем, словно это что-то новое, а не то, что существовало веками в русском обществе. В то же время он отмечает «естественную тенденцию»: с каждым годом его игрушки трансформируются. Куколка десятилетней давности обрела новые черты в наши дни. Произошло это спонтанно, потому что мастер и не был настроен их консервировать, а тем более клонировать.

– Каждая игрушка уникальна настолько, насколько может быть таковой при ручном вос-

Есть что-то удивительное в простоте деревянных игрушек – каждую из них хочется потрогать, повернуть в руках и спросить у автора: как это получилось?

Зашифрованное авторское «клише» – его имя, фамилия и место, где выполнена игрушка

произведении, – отмечает мастер и уверяет, что специально ничего не копирует и, вырезая очередного былинного единорога или куклу-сарфан, даже не глядит на ранее изготовленный аналог. – И все они настолько совершенны в своей простоте, настолько завершены, что не нуждаются ни в покраске, ни в лаке. Мои предшественники, Василий да Иваны, не заимствовали ничего не только друг у друга, но и каждый сам у себя. Авторский взгляд – это особенность русского мастера, который делает вещи, способные переживать его на десятилетия, а если получится, то и на столетия.

А вот сам он – сапожник без сапог. Как ни искал, так и не нашел я в доме игрушки, выполненные его руками. Только потом узнал: себе он ничего не оставляет. Говорит, все раздает, частенько продает за символическую плату или просто дарит. Людской благодарности ему достаточно.

– Если умеешь работать руками – никогда не пропадешь, – уверен Василий Леонидович. – Главная моя цель в том, чтобы дело приносило радость людям. Я, конечно, не могу оспаривать фабричные игрушки, которые приходят к нам из разных стран, но мои несут глубокий духовный смысл, уносят людей на три-пять веков назад, хотя не все это с ходу понимают. В них чувствуется русский дух, а если подумать, то видны те мальчишки и девчонки, которые, как и их современные ровесники, и двести, и триста лет тому назад играли с этими коньками, медведями или куколками, катали их по полу, ломали. И благодаря этим игрушкам четко видна связь поколений и времен. В наши дни, когда о прошлом забывается чуть ли не на всех уровнях, это очень важно.

Люди, которые приходят к нему на выставки, все это интуитивно чувствуют. И неудивительно, что с собой в город он привозит по целому рюкзаку своих поделок, а домой уезжает налегке.

ЖУРНАЛЬНЫЙ БЕС

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ГЕНИАЛЬНЫЙ ПОЛИГЛОР, «СВИНЬЯ И МЕРЗАВЕЦ», «БЕСТИЯ, С КОТОРОЙ НЕЛЬЗЯ ИМЕТЬ ДЕЛА», ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК И ЖУРНАЛЬНЫЙ ПИСАКА – ВСЕ ЭТО ОДИН БАРОН БРАМБЕУС – ЕСЛИ НЕ САМЫЙ СТРАННЫЙ ПИСАТЕЛЬ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ТО УЖ ТОЧНО САМЫЙ ЗАМЕТНЫЙ ЖУРНАЛИСТ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ.

ЕГО СРАВНИВАЛИ С Мефистофелем; в двух самых скандальных его текстах действуют бесы – в том числе бес журналистики. Пожалуй, в нем самом

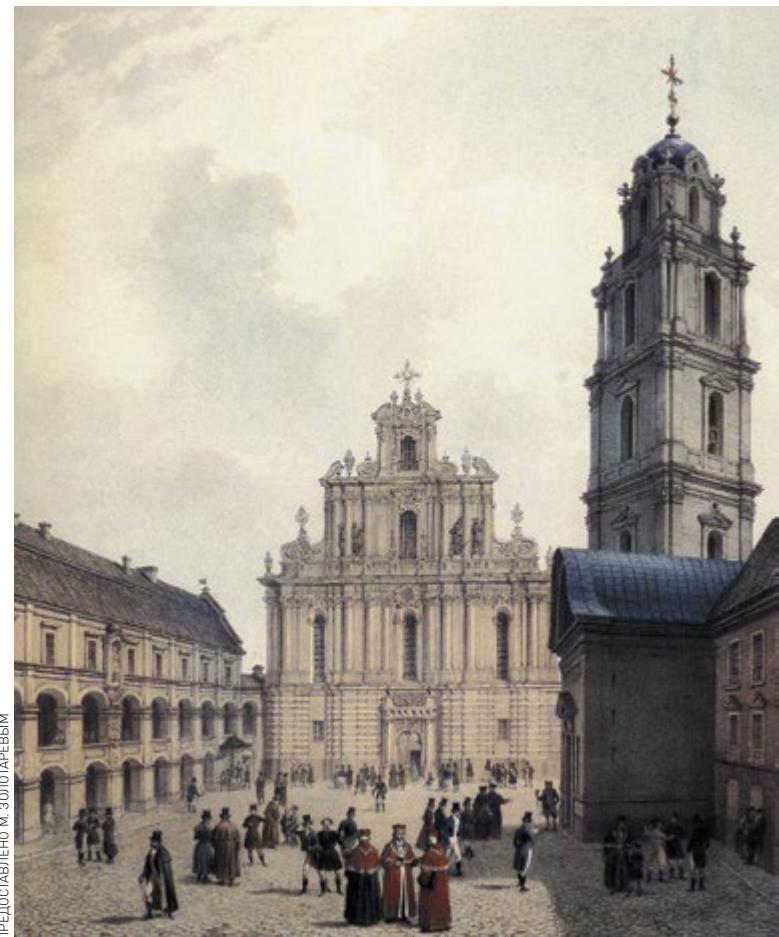
было что-то от беса: и невероятные способности, и сумашедшая выносливость – так, бес в сказке Пушкина тащил на себе целую лошадь. Но главное – лукавство, цинизм, спо-

собность смеяться над всем и над собой тоже.

Сам он хорошо знал цену и себе, и тому, что успел сделать. Одной из своих корреспонденток писал в редкую минуту, когда позволял себе быть уязвимым: «Признайтесь, что для человека, умеющего чувствовать сильно, для человека с сердцем, для того, кто не лишен благородного честолюбия, мысль обмануть все ожидания, и обмануть по собственной вине, не может не быть убийственной». И предрекал, что его скоро все забудут.

Он был путешественником, ученым, лингвистом, университетским профессором, журналистом, музыкантом, писателем, изобретателем. Он обладал энциклопедическими знаниями и пропагандировал достижения науки. Помимо родного польского и русского, которым он овладел во взрослом возрасте, да еще двух выученных в детстве классических языков он владел еще как минимум дюжины, со-считать почти невозможно. Разные источники называют персидский, арабский, коптский, турецкий, древнееврейский, сербский, новогреческий, английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, баскский, исландский. Он изучал китайский, монгольский и тибетский языки – и то, кажется, список еще неполон.

Но в истории литературы он остался только редактором «Библиотеки для чтения» и персонажем учебников по истории журналистики. Тем не менее, как справедливо указывает Евгений Соловьев, автор дореволюционного еще томика ЖЗЛ, посвященного журналистам Пушкинской эпохи, «в тридцатых годах «Библиотека для чтения» была единственным журналом, который читали, Сенковский – единственным критиком, которого слушали. Вычеркните его деятельность – и у нас нет журналистики тридцатых годов».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВУНДЕРКИНД

Про детство Сенковского мало что известно. Он родился 19 (31) марта 1800 года и происходил из шляхетского рода. Один из его предков, живший в XVII веке Матвей Казимир Сарбевский, был поэтом, писал стихи на латыни, его даже прозвали «новым Горацием». Другие предки были воинами и дипломатами. Дед «находился в дружественных отношениях с королем Станиславом Понятовским и в царствование Екатерины сопровождал его в Петербург», рассказывал Павел Савельев, биограф Сенковского, который был сначала его студентом, а затем востоковедом и сотрудником «Библиотеки для чтения».

Отец Сенковского промотал все имение и оставил семью через два года после рождения сына, которого назвали Юзефом Юлианом. Мать с мальчиком осталась в своем родовом поместье в Виленском уезде.

Мать очень любила сына и руководила его образованием.

Мальчик отличался большими способностями и необыкновенной памятью. Профессор Виленского университета Готфрид Гроддек, муж тетки Юзефа, с детства учил племянника древним языкам. В 14 лет Сен-

ковский поступил в Минский иезуитский коллегиум, но проучился там недолго: Гроддек считал, что ему надо поступать в Виленский университет. Сам профессор преподавал в университете классическую литературу, студенты его любили и древних греческих поэтов тоже учились любить. Гроддек и еще один профессор, историк Иоахим Лелевель, обратили внимание юноши на восточные языки; Сенковский увлекся Востоком. В университете юноша вошел в «Товарищество щубравцев» (шалунов, бездельников) – веселую компанию виленских интеллектуалов, возглавляемую профессором химии и физиологии Анджеем Снядецким. Курс лекций Снядецкого Сенковский слушал, когда учился на медицинском факультете университета. Кстати, помимо этого он учился на физико-математическом, филологическом и нравственно-политическом факультетах, однако оставил учебу по болезни.

Шубравцы ставили своей целью просвещение народа и борьбу с общественными пороками. Они издавали сатирическую газету «Уличные ведомости», где 16-летний Юзеф Сенковский печатал свои первые юмористические очерки. Вениамин Каверин, написавший о Сенковском диссертацию, убедительно показал, что и тематика, и стилистика этой газеты, по сути, определили представления Сенковского о журналистике. Шубравцам Сенковский посвятил свой перевод «Басен Локмана» с арабского на польский. Эти басни обратили на себя внимание академической общественности, которая взялась помочь талантливому юноше собрать деньги для путешествия на Восток. Ученые и литературные общества ожидали от Сенковского путевых записок и новых материалов об истории польско-турецких отношений. Перед отъездом молодой человек женился на местной красавице вопреки материинской воле.

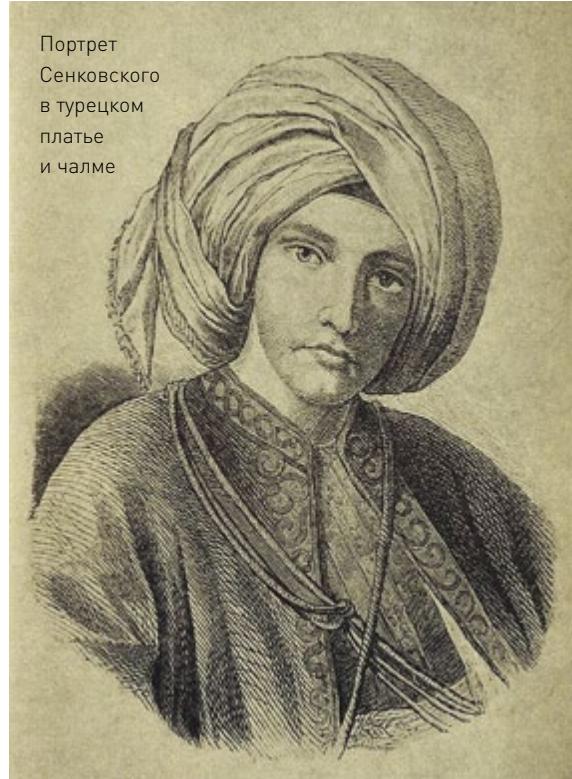

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВОСТОК

Его путь на Восток лежал через Одессу и Константинополь. В Константинополе он по приглашению графа Строганова присоединился к российской миссии при Оттоманской Порте. Миссия позволяла ему свободу перемещений, так что он направился в Сирию – практиковаться в арабском. Там он поселился в католическом монастыре маронитов недалеко от Бейрута, где семинарию возглавлял знаток восточных языков Антон Арыда. Он был очень стар, и Сенковский торопился учиться. Он вспоминал потом, как «рвал свое горло в глухи, силясь достичнуть чистого произношения арабского языка», звукам этим дивились даже пробегавшие мимо хамелеоны, а затем в монастыре «так же отчаянно терзал свои силы над сирийскими и арабскими рукописями, отысканными в скучной библиотеке грамотного монаха: поспешно списывал любопытнейшие из них, читал на сколько те, которых не успевал списать, делал извлечения, отмечал найденные из них живописнейшие фразы или заслышанные идиотизмы разговорного языка, и твердил их наизусть всю ночь». Спал по два-три часа «со словарем вместо подушки», пока не заболел от такого обращения со своим организмом.

По-арабски он стал говорить так, что его принимали за местного, носил восточную одежду и бывал там, где христианам бывать было опасно – особенно в Турции, где усилились гонения на христиан. Из Сирии он отправился в Египет, побывал в Нубии и Верхней Эфиопии. В храмовом комплексе Хатхор в Дендре увидел знаменитый зодиак, который с помощью слуги-араба вырубил из потолка и погрузил на корабль, чтобы увезти в Петербург – практика, обычная в те времена. «Вести о греческом восстании и разрыве с Портой принуди-

Портрет
Сенковского
в турецком
платье
и чалме

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дендерский зодиак – египетский барельеф с потолка портика в храмовом комплексе Хатхор в Дендре. Ныне хранится в Лувре

ли его оставить это предпринятие», – замечает Савельев. Дендерский зодиак достался Клоду Лелоррену, который отвез его во Францию, сейчас барельеф находится в Лувре. Сенковский вернулся из поездки, обогащенный живым и глубоким пониманием Востока и мусульманской культуры. Казалось, юношу ожидает блестящая карьера – академическая или дипломатическая.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СТАРТ

Граф Румянцев предложил ему место в Коллегии иностранных дел. Для того чтобы поступить на службу, Сенковский должен был держать экзамен по арабскому языку. Экзаменатор, арабист Френ, отметил, что экзаменуемый знает не меньше его самого, а разговорным языком владеет даже лучше. Через месяц Сенковского взяли на место переводчика в Коллегию иностранных дел при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Вскоре ему предложили и профессорское место в Петербургском университете.

Фаддей Булгарин, виленский знакомец Сенковского по кружку шубравцев, свел его со столичными литераторами. Бестужев-Марлинский стал учиться у Юзефапольскому и редактировать его тексты – переводы восточных повестей на русский. В них Сенковскому, пожалуй, удалось нашупать тонкую грань между арабской пышностью и европейской сдержанностью стиля: сказки эти и сегодня кажутся написанными живым, ясным языком, тогда как оригинальные произведения Сенковского удручают многосложием и избыточностью. То, что кажется стилистически оправданным в арабской сказке, оказывается приметой собственного авторского стиля – и не лучшей из его примет.

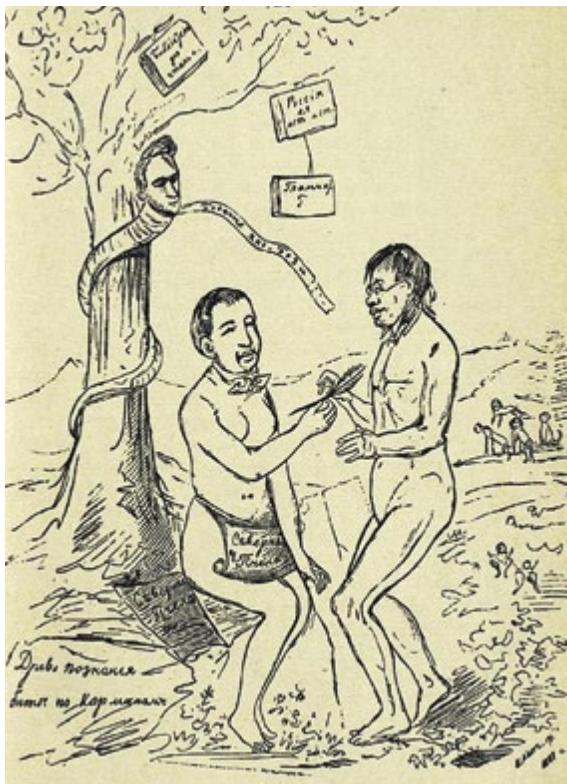
Одна из этих повестей, «Витязь буланого коня», вышедшая в 1824 году в «Полярной звезде», понравилась Пушкину. В письме издателю журнала Бестужеву он писал: «Арабская сказка прелест; советую тебе держать за ворот этого Сенковского».

В начале своей жизни в Петербурге Сенковский знал русский язык хуже, чем турецкий и арабский. Со временем и русским он овладел достаточно, чтобы писать на нем и редактировать журнал – однако язык этот оставался языком европейца, холодным, блестящим, космополитичным; тексты Сенковского легко счесть

переводом с какого-то европейского языка. А иногда – как в случае с «Большим выходом у Сатаны» – они и были изначально написаны по-польски. Но именно этих качеств – европейского лоска, гибкости, свободы, нужных образованному человеку, – ему не хватало в текстах русских авторов. Он ясно видел, чего не хватает молодой русской литературе, но не мог дать ей этого сам.

Когда Пушкин прислал ему для публикации «Пиковую даму», Сенковский восторженно ответил: «Вот как нужно писать повести по-русски! Вот, по крайней мере, язык вполне обработанный, язык, на котором говорят и могут говорить благовоспитанные люди. Никто лучше меня не чувствует, каких основ недостает нам, чтобы создать хорошую литературу, а главнейшая из них, жизненная, без которой нет настоящей национальной литературы, основа, которой совершенно не существует в нашей прозе, – это язык хорошего общества. До сих пор я встречал в нашей прозе только язык горничных и приказных. <...> Именно всеобщего русского языка недоставало нашей прозе, и его-то я нашел в вашей повести».

Но отношения между Пушкиным и Сенковским были куда сложнее, чем можно заключить из этой цитаты. Пушкин печатался у Сенковского в журнале, но в письмах друзьям именовал его «свиньей и мерзавцем», «бестией», считал, что коммерциализация, которую он внес в журнальное дело, разворачивает литературу. Осложнялись их отношения и тем, что Сенковский из коммерческих соображений подписал две переводные повести почти пушкинским псевдонимом – А. Белкин, чтобы ввести публику в заблуждение. А узнав о решении Пушкина издавать журнал, стал нападать на него; считается, что «упавшая литературная репутация» в «Записках домового» – это камень в огород Пушкина.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Грехопадение первого человека в литературе [Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч и О.И. Сенковский]. Шарж из журнала «Русская старина» (1898, №2)

УНИВЕРСИТЕТ

В 1822 году уже не Юзеф Юлиан, а Осип Иванович Сенковский приступил к преподаванию в университете. Учителем он был хорошим, одним из первых стал преподавать то, что сейчас называют страноведением. Савельев, который учился у него, говорит, что, когда студенты переводили текст, Сенковский давал такие обширные комментарии к словам и понятиям, что иногда за все занятие удавалось перевести не более двух строк, зато за ними вставал весь Восток. Впрочем, таким он был лишь до 1835–1836 годов, когда, поглощенный жур-

Издатель газеты «Северная пчела» Фаддей Булгарин в кабинете за письменным столом. «Русский художественный листок» В.Ф. Тимма (1853, №4)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

налистикой, утратил интерес к университету.

В 23 года он стал действительным членом варшавского Общества любителей наук, в 26 – доктором философии Краковского университета, в 27 – лондонского Азиатского общества, в 28 – членом-корреспондентом Российской академии наук. Несколько его студентов впоследствии сделались видными востоковедами. Савельев в биографии Сенковского подробно перечисляет научные труды своего учителя, и одно описание некоторых из них вызывает изумление. К примеру, издавая написанную на персидском «Историю Бухары», 25-летний Сенковский сделал краткий пересказ основных фактов по-французски, написал предисловие к тексту на персидском, а также перевел «татарско-джагатайские стихотворения автора» (сейчас этот язык называют карачаево-балкарским) стихами на арабский и турецкий. Некоторые свои работы Сенковский публиковал в «Северной пчеле» у Булгарина. Там, к примеру, увидел свет знаменитый памфlet «Письмо Тютюнджю-Оглу», посвященный ошибкам в книге венского ориенталиста Гаммера: автор изобретательно, но не оскорбительно потешался над ними.

Ирония станет его излюбленным орудием в журналистике: ему все кажется одинаково забавным, все подлежит осмеянию. Чем дальше – тем больше за насмешкой обнаруживается цинизм, пустота на святом месте. Но пока Сенковский молод и полон сил и веселости.

Времена, однако, наступили невеселые. После казни декабристов, среди которых были лично знакомые ему Бестужев и Рылеев, он старался вести себя подчеркнуто благонадежно. Однако руководство университета все равно подозревало его в связях с национальным польским движением, к которому принадлежали многие его приятели-шубравцы, и не спешило продвигать его по службе.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПЕРЕМЕНЫ

В 1828 году в его жизни случились сразу две перемены. Во-первых, он развелся с супругой и в следующем году женился во второй раз. Он был влюблён в дочь разорившегося придворного банкира барона фон Ралья Софию. Но она была замужем, потребовала, чтобы Сенковский женился на ее младшей сестре, Аделаиде. Он повиновался. В приданое получил квитанции на заложенную отцом невесты недвижимость.

София Александровна Шуберт (1801–1833), урожденная баронесса фон Раль. Акварель А.П. Брюллова

Аделаида Александровна получила хорошее образование, писала повести, которые Сенковский печатал в своем журнале, и после смерти мужа оставила воспоминания о нем. Современники писали, что она была болезненно ревнива, почти никогда не выходила из дома. Вторая крупная перемена в его жизни – назначение на должность цензора. Считается, что именно Сенковский стал автором относительно либерального цензурного устава 1828 года.

Санкт-Петербург. Английская набережная. В доме №72 [дом с балконом, первый справа] с 1829 по 1833 год жил О.И. Сенковский

Одним из изданий, которые он цензурировал, была выходящая в Петербурге на польском языке сатирическая газета *Balamut*; в 1830 году ее издатель, уезжая, попросил Сенковского стать его заместителем, и весь 1831 год тот руководил газетой.

Вероятно, он почувствовал особый вкус к журналистике – и темперамент, который не удовлетворялся строгими научными публикациями, нашел выход в легких и остроумных статьях, которые стали выходить в «Баламуте». Он даже задумывал издавать собственную «Всеобщую газету», которая конкурировала бы с «Северной пчелой», но из этого проекта ничего не вышло.

В том же, 1830 году грянуло Польское восстание, среди руководителей которого были шубравцы, давние друзья Сенковского – в том числе Иоахим Лелевель, с которым он активно переписывался. И хотя сам Сенковский ни словом, ни делом не проявлял никакой неблагонадежности, академическая карьера для него была закрыта.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Аделаида Александровна Сенковская (1806–1859), урожденная баронесса фон Раль. Акварель А.П. Брюллова

РЕДАКТОР

В 1833 году издатель Смирдин решил выпускать новый журнал, поставив его на твердую деловую основу. Журналистика должна была приносить прибыль. Смирдин позвал на должность редактора Сенковского и стал платить ему 15 тысяч рублей в год – по тем временам огромные деньги. Издатель и редактор впервые разделили полномочия.

Сенковский первым в отечественной журналистике ввел авторские гонорары, зависящие от объема текста, и выплачивал их с железной регулярностью и обязательностью.

Новый журнал выходил как часы: читатели еще не успевали дочитать прежний номер, как первого числа следующего месяца выходил новый. Номера были толстенные, в 25–30 печатных листов, то есть примерно 40 таких статей, как эта. Литературе в журнале посвящено было несколько отделов, в том числе «Русская словесность» и «Иностранный словесность». В последнем публиковали романы зарубежных авторов, переведенные или, скорее, пересказанные сотрудниками редакции – представления об авторском праве тогда отличались от нынешних. Разделы «Литературная летопись» и «Критика» Сенковский вел сам и так отчаянно насмешничал, что читатель иногда не мог догадаться, шутит он или всерьез хвалит кого-то. К тому же он не раз объявлял, что сказанное им раньше – это шутка или каприз.

В разделе «Смесь» публиковались новости зарубежной литературы и списки новых иностранных книг. Принципиальными для журнала были разделы «Науки и художества» и «Промышленность и сельское хозяйство»: Сенковский старался просвещать читателя. Основным материалом для этих разделов служила иностранная пресса, и сам Сенковский написал и перевел для журнала несметное количество научно-популярных статей. Журнал рассказывал об омнибусах и двойных звездах, о торговле

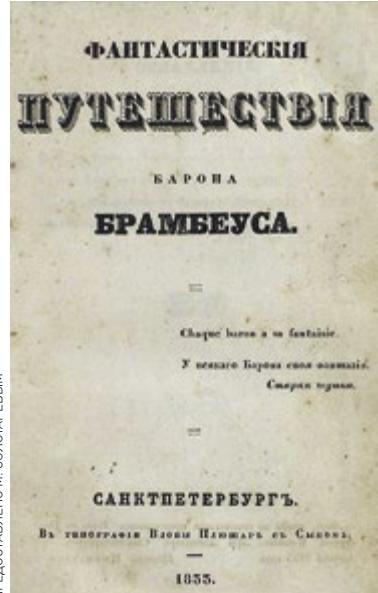

О.И. Сенковский.
Акварель
А.П. Брюллова.
1830-е годы

Лютеранская церковь на Невском проспекте и дом, где с 1832 года размещалась книжный магазин и библиотека для чтения Смирдина. Фрагмент «Панорамы Невского проспекта».
Художник
В.С. Садовников.
1830-е годы

в прикаспийском регионе и «открытии зубов в желудке», о народах России и путешествиях по европейским странам, о чувствах и способностях рыб, о магнетизме и финансах Англии – обо всем на свете.

Для журнала Сенковский придумал маску Барона Брамбеуса – путешественника, фантаста и насмешника. Псевдоним, судя по всему, он взял из старинного приключенческого романа, где фигурировали король Брамбеус и королева Брамбilla. Некоторые истории Барона Брамбеуса и сегодня кажутся смешными и остроумными – как, например, прелестное «Ученое путешествие на Медвежий остров», где ученые находят в пеще-

О.И. Сенковский. Фантастические путешествия Барона Брамбеуса (СПб., тип. вдовы Плюшар с сыном, 1833). Титульный лист

ре таинственные иероглифы, расшифровывают их по системе Шампольона, прочитывают целую повесть о древнем мире, ожидающем конца света, о комете, которая разрушила этот мир... Наконец, является геолог Иван Антонович и сообщает, что это не иероглифы, записанные последним выжившим, а просто особые сталагмиты. Дела у «Библиотеки для чтения» поначалу шли хорошо. В 30-х годах у нее вовсе не было конкурентов – и Сенковский в паре со Смирдиным показали, как надо поставить журнальное дело, чтобы журнал был интересен читателям и давал прибыль. Подписка на «Библиотеку для чтения» в лучшие годы достигала 7 тысяч.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Но постепенно звезда «Библиотеки» стала закатываться. Остроумие Сенковского стало превращаться в привычное скоморошество, публика начала от него уставать. Журнал угасал. Формально — потому, что Смирдин сделал ряд коммерческих ошибок, а Сенковский, отстранившись от дел, в 1848 году заболел холерой и несколько месяцев неправлялся журналом, занявшись гальванопластикой, фотографией, музыкой и акустикой. Но, по сути, потому, что подрос новый читатель и новый издатель. Сенковский давно это чувствовал и хотел уйти в отставку. Он скучал, мучился мигренем, тосковал.

Сенковский – это такой пушкинский демон: «и ничего во всей природе благословить он не хотел». У него был скептический ум и разъедающая ирония, но новому читателю мало было уничтожать, ему нужны были новые смыслы – а скепсис и цинизм не создают новых смыслов. Журнал без программы, вне политики больше не занимал ум читателя. А ко второй половине 40-х явились новые литераторы, которые предложили новый смысл. Убийцей «Библиотеки для чтения» стали «Отечественные записки» Краевского, где с 1839 года работал Белинский – не такой эрудированный, разносторонний, как Сенковский, но обладающий литературным чутьем, ясной системой ценностей и твердыми убеждениями. А затем появился некрасовский «Современник».

Но главное, пожалуй – это атмосфера. Сенковский умел лавировать и руководить журналом в разных цензурных условиях, но в условиях 1848 года ему было не выжить. Всем стало не смешно. Наступили времена глухой серьезности – и в этом времени не было места циничному пересмешничеству Барона Брамбеуса, его готовности осмеять что угодно.

Обложка второй книги журнала «Новоселье», на которой изображена книжная лавка А.Ф. Смирдина. На первом плане А.С. Пушкин разговаривает с П.А. Вяземским

но — все это было равно чуждо и цензорам, и читателям. А ему все это наверняка было скучно.

Когда Смирдин умер, Сенковский взял на себя благородное обязательство платить его вдове по 3 тысячи рублей в год. Это обязательство перешло к купцу Печаткину вместе с бумагами Смирдина. Денег, чтобы заплатить Печаткину, у Сенковского не было, и журнал перешел к новому владельцу. Пока Сен-

Александр
Филиппович
Смирдин
(1795–1857),
издатель
и книгопродавец

Титульный лист журнала «Библиотека для чтения». 1834 год

ковский был болен, Печаткин нанял другого редактора — Альберта Старчевского. Тот постепенно отеснил Сенковского от руководства журналом. Журнал мельчал и скучнел, приносил все меньше дохода.

А Сенковский привык жить на широкую ногу: одна комната в английском стиле, другая в турецком... Отойдя от журнальных дел, он занимался усовершенствованием мебели, которую обивал лучше, чем мебельщик, и созданием новых музыкальных инструментов — скрипки о пяти струнах и оркестриона, который совмещал в себе все возможные музыкальные инструменты и оглашал окрестности не то звуками неизъяснимой красоты, не то страшным звериным ревом — современники расходятся в показаниях. Играть на оркестрионе умела только Аделаида Александровна, и только несколько пьес, а она, говорят, и на фортепьяно играла дурно. В итоге оркестрион, на создание которого было потрачено несколько лет и не менее 10 тысяч рублей, был разломан, а из корпуса его Сенковский сделал альков с кроватью. Доходов было все меньше, Сенковский разорился. Он был

уже немолод, болен, ему не хватало денег на лекарства, он вынужден был просить их у Старчевского и Печаткина. Читать его послания к ним мучительно: «Да сжальтесь же надо мною! Хоть что-нибудь! У меня ровно ничего нет. Никогда не думал я, что буду поставлен в такое положение».

Когда-то он был принципиальным одиночкой, потому что знал себе цену и надеялся только на себя. Теперь он просто остался один. Дружинин, который редактировал «Библиотеку для чтения» после Старчевского, писал, что Сенковский не позабылся о том, чтобы окружить себя единомышленниками: «В молодости ему было весело не нуждаться ни в ком, держать себя в стороне от молодого поколения, на сверстников своих глядеть с иронией, отчасти ими заслуженной. Но с годами пришли недуги и усталость, и здание, поддерживаемое столько лет одной, хотя очень сильной, рукой, рухнуло с треском, едва эта рука должна была опуститься».

Он еще успел подурочиться на последок. Каверин рассказывает о его прощании с университетом в 50-х годах. Сенковский еще числился профессором и должен был прочитать перед торжественным собранием по случаю закрытия учебного года свою диссертацию «О древности имени русского». Но сказался больным и прислал вместо себя адъюнкта-немца, который с чрезвычайно серьезным видом стал зачитывать диссертацию. Диссертация представляла собой лженаучную чушь в духе современных исторических изысканий Фоменко и лингвистических – Задорнова. Славяне – самая древняя нация, называются так потому, что славят сами себя, вся история древнего мира – история славян, сражение Кира было в Белоруссии под городом Оршей...

В конце концов торжественное собрание не выдержало и захотело.

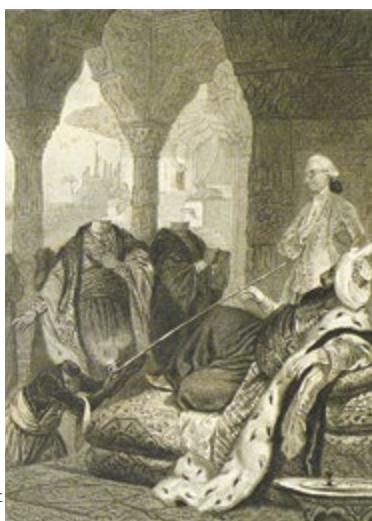

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВНУТРЕННЯЯ СВОБОДА

О.И. Сенковский

Сенковский вернулся в журналистику после смерти Николая I. Вернулся триумфально – как Барон Брамбейс Redivivus – переработанный. С новыми фельетонами – «Листками», – где говорил, что развитие промышленности невозможно без железных дорог и при крепостном праве, настаивал на развитии сельского хозяйства как базы для экспорта. Он старался понять, чем живет и дышит

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К.П. Брюллов.
Иллюстрация
к произведению
О.И. Сенковского
«Превращение
голов в книги
и книг в головы».
1832 год

общество – и сформулировал наконец. «Последние фельетоны, имевшие особенно шумный успех, были посвящены вопросам общественного и политического порядка, – писал Каверин. – Сенковский, торопившийся выговорить, наконец, какие-то мысли, о которых в течение очень долгого времени приказано было молчать, Сенковский, защищающий силу общественного мнения и свободу печати и убеждающий, что свобода печати есть единственное средство восстановить страну, сломленную реакцией Николаевской эпохи, и сам же пугающийся того, что он говорит, – как все это непохоже на уверенного, презрительно смеющегося над собственным унижением журналиста 30-х годов!» Цenzура запретила половину написанных им фельетонов. Он задумал новую газету – но заняться ее изданием не успел.

Он умер в 58 лет – и говорил не раз, что ему следовало умереть раньше, это никак не изменило бы историю журналистики. Перед смертью отдал распоряжения об уплате всех своих долгов, даже самых незначительных.

«Что почитаю я лучшим из всего написанного мною? – писал он своей верной сотруднице Елизавете Ахматовой. – Клянусь вам честью – не знаю и не могу сказать. Мне кажется, что все никуда не годится».

И в самом деле: такие блестящие способности, такая сила, мощь, блеск таланта – и так странно растряченная жизнь, пусть и отданная лучшему для своего времени журналу.

Те, кто о нем писал, оказались единодушны в своих суждениях. Много остроумия, много блеска – но любил ли он что-нибудь? Была ли у него хоть какая-то созидательная идея? Верил ли он во что-нибудь, кроме собственного хорошего вкуса?

Впрочем, и сделанного – совсем не мало. Особенно если помнить, что смех – это внутренняя свобода. ●

МЕСТО ДЛЯ ГЕНИЕВ

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

БРЕДЯ ПО СВОЕМУ ПАРКУ
С РЫБАЛКИ, СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ АКСАКОВ
ВДРУГ ЗАМЕТИЛ НА ДОРОЖКЕ БОЛЬШОЙ ГРИБ...

КАК ОН ТУТ МОГ ВЫРАСТИ? НЕМНОГО
ПООДАЛЬ – ВТОРОЙ, ТРЕТИЙ... ХОЗЯИН
УСАДЬБЫ ПРИСМОТРЕЛСЯ: ВСЯ ДОРОЖКА
УСЫПАНА ГРИБАМИ! ВОТ РАДОСТЬ-ТО!
НАГНУЛСЯ ЗА ГРИБОЧКОМ, СОБРАЛСЯ
БЫЛО ЕГО СОРВАТЬ, А ТОТ – ПРОСТО ЛЕЖИТ
НА ДОРОГЕ! И ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ – ТОЖЕ.
СТАРИК РАССМЕЯЛСЯ. ШУТКА УДАЛАСЬ.
СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ СРАЗУ ПОНЯЛ,
КТО ЕЕ ПРИДУМАЛ:
ЛЮБИМЕЙШИЙ ГОСТЬ АБРАМЦЕВА –
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ...

В ФЕВРАЛЕ 1843 ГОДА Аксаков, сообщив Гоголю о том, что намерен купить имение, писал: «Мысль, что вы, милый друг, со временем переселясь на житье в Москву, будете иногда гостить у нас, много украшает в глазах наших наше будущее единение». В декабре он приобрел Абрамцево. Всего четыре раза побывал автор «Ревизора» и «Мертвых душ» в имении Аксаковых, но у него сразу появилась здесь своя комната – в мезонине, из окон которого хорошо видна река Воря... Эта усадьба пережила две мощных культурных волны, отзвуки и отсветы которых присутствуют в отечественном искусстве и по сей день. С конца XVI века местечко Обрамково в 60 верстах от Москвы принадлежало помещику Волынскому. В XVIII веке от Петра I его получил за выслугу лет Федор Головин: тогда это было Абрамково, никакого дохода не приносящее. С 1783-го имение несколько раз меняло владельцев, превратившись в итоге в Абрамцево... На крутом берегу Вори стоит барский дом. Во дворе – хозяйствственные постройки: людская, кухня, сарай с амбаром, баня. Вокруг – смешанный лес, богатый ягодами-грибами и располагающий к охоте и рыбальке. Более чем на четверть века здесь с семьей поселился отставной чиновник, литератор, переводчик произведений Мольера и Вальтера Скотта, член Общества любителей российской словесности Сергей Аксаков.

ЛЮБИМЫЙ ГОСТЬ

Аксаковы сохранили прежний вид имения; единственное, что они построили здесь, – это жилой флигель. Парк сливался с окружающими полями и лесами, оставаясь «необлагороженным», в отличие от столичных «английских садов» и «французских парков». Многодетной семье Аксаковых нужен был простор.

Сергею Тимофеевичу, получившему значительное наследство от отца и вышедшему в отставку в конце 1830-х годов, пришла по душе жизнь «свободного человека» и владельца подмосковной усадьбы. «Барин-то уже стары были, как в это имение переехали, – вспоминал его камердинер Ефим Максимович. – Охотой ружейной не под силу им уже было заниматься, так они рыбку и удили, когда на Воре, а когда и здесь на пруду на ближайшем. Идут это, бывало, Сергей Тимофеевич с длинным, предлинным чубуком – в чубуке сигарка дымится; на глазах у них зеленый зонтик из тафты надет, который они от слабости глаз носили, а я за ними кресло ихнее складное ташу, удочки и всякую снасть».

Еще в 1832 году Аксаков познакомился с Гоголем, который убеждал Сергея Тимофеевича попробовать себя в прозе, уговаривал писать автобиографию. Сколько лет минуло, а только в благотворной атмосфере Абрамцева появилась великолепная аксаковская трилогия – «Семейная хроника», «Воспоминания», «Детские годы

Господский дом в своем внешнем виде оставался неизменным при всех владельцах, начиная с XVIII века

Багрова-внука» и всеми любимая сказка «Аленьев цветочек». А его «Охотничья трилогия» вызвала самые восторженные отзывы. И стали современники называть Аксакова «гордостью нашей литературы».

В первый раз Гоголь приехал погостить в Абрамцево 14 августа 1849 года. Днем занимался и отдыхал в своей комнате, по вечерам спускался в гостиную. Один из таких вечеров, 18 августа, Аксаков запомнил на всю жизнь: «Гоголь, сидя на своем обыкновенном месте, вдруг сказал: – Да не прочесть ли нам главу «Мертвых душ»? Не могу выразить, что сделалось со всеми нами. Я был совершенно уничтожен. Не радость, а страх, что я услышу что-

нибудь недостойное прежнего Гоголя, так смущил меня, что я совсем растерялся. Гоголь был сам сконфужен. Ту же минуту все мы подвинулись к столу, и Гоголь прочел первую главу второго тома «Мертвых душ». С первых страниц я увидел, что талант Гоголя не погиб – и пришел в совершенный восторг». В следующие приезды Гоголь прочитал Аксаковым вторую, третью и четвертую главы второго тома. Кстати, только что напечатанные экземпляры первого тома «Мертвых душ» были доставлены именно Аксаковым, тогда еще жившим в Москве. Один – с дарственной надписью: «Друзьям моим, целой семье Аксаковых». Второй подарен старшему сыну хозяина, Константину, с обо-

Аллея Гоголя

жанием относившемуся к Гоголю. Сейчас эта книга экспонируется в музее «Абрамцево»... «Зимою дело было, и гостил у нас в Абрамцеве Николай Васильевич Гоголь, да Щепкин Михаил Семенович, что на Императорском театре играл, — вспоминал Ефим Максимович. — И собирались они вместе в Москву ехать, а меня ба-

рыня тоже с ними с поручением послали. Дорогу после оттепели морозом хватило, и по закраинам здоровые раскаты образовались. Вот не успели мы до Яснушки доехать, где дорога к мосту под гору идет, сани-то у нас раскатились да с размаху в бок и ударились. Михаило Семеныч — толстый, круглый он был — из саней выкатил-

Комната
Н.В. Гоголя
в мезонине

Икона Николая
Угодника
над козеткой
за муаровой
ширмой

ся и в сугробе увяз, а Николай Васильевич, легонький да худенький, за грядку удержался и ну хотят, да так, что и мы с кучером подхватили, удержаться не могли. Михаило Семеныч в тяжелой шубе из сугроба вылезти не может, барахтается и ругается на чем свет стоит, а мы, на Николая Васильевича глядя, хохочем и остановиться не можем. Потом уж только с собой совладели и господина Щепкина из снега вызволили».

О том, как любил Гоголь угождать всех макаронами, вспоминали многие его знакомые. Не избежали кулинарных опытов писателя и Аксаковы. «Когда подали макароны, которые, по приказанию Гоголя, не были доварены, он сам принялся стряпать, — писал Аксаков. — Стоя на ногах перед миской, он засучил обшлага и с торопливостью, и в то же время с аккуратностью, положил сначала множество масла и двумя соусными ложками принялся мешать макароны, потом положил соли, потом перцу и, наконец, сыр и продолжал долго мешать. Нельзя было без смеха и удивления смотреть на Гоголя; он так от

всей души занимался этим делом, как будто оно было его любимое ремесло, и я подумал, что если бы судьба не сделала Гоголя великим поэтом, то он был бы непременно артистом-поваром. Как скоро оказался признак, что макароны готовы, то есть когда распустившийся сыр начал тянуться нитками, Гоголь с великою торопливостью заставил нас положить себе на тарелки макарон и кушать. Макароны точно были очень вкусны, но многим показались не доварены и слишком посыпаны перцем».

Дружба Аксакова с Гоголем продолжалась до самой смерти Николая Васильевича – 21 февраля 1852 года. За несколько месяцев до того он в последний раз побывал в Абрамцеве и, уезжая в Москву, прощался ненадолго, но Аксаков не мог забыть его взгляд: «Я верю, что в нем это было предчувствие вечной разлуки...» Сергей Тимофеевич заказал копию с известного портрета Гоголя работы Моллера, поскольку считал, что «таким бывает Гоголь в счастливые минуты творчества».

Бывали в Абрамцеве и другие именитые гости – Иван Тургенев, Федор Тютчев, Лев Толстой, Михаил Загоскин... Приезжали

Столовая:
с этого ракурса
В.А. Серовым
была написана
«Девочка
с персиками»

Баня-теремок.
По проекту
И.П. Ропета.
1877–1878 годы

и друзья детей – славянофилы Хомяков, братья Киреевские, Са-марин. В стенах усадебного дома, за обеденным столом, на прогулках по парку горячо обсуждалась роль православия, вырабатывалась концепция особого пути России, формировались идеи русского возрождения. Абрамцево было центром притяжения, своеобразным загородным салоном культурно-общественной направлен-

ности в период противостояния славянофилов и западников. Сергей Тимофеевич умер весной 1859-го, через семь лет после Гоголя – и усадьба опустела. Его дочь Софья решила продать Абрамцево, а вырученные деньги пустить на приют. Правда, имение было запущено, надежды на то, что същется покупатель, который выложит за него 15 тысяч рублей, было мало.

ИЗ РУК В РУКИ

Но такой человек – обладающий финансами возможностями и испытывающий почтение к прежнему владельцу – все же нашелся. Ведь в дневниках 18-летний Савва Мамонтов восторгается книгами Аксакова, где зачастую воспеваются именно арамцевские красоты. К примеру, в «Записках об уженье рыбы» Сергей Тимофеевич пишет: «...Широкий пруд, затканный травами, точно спит в отлогих берегах своих; камыши стоят неподвижно... То ярко-зеленые, то темноцветные листья стелятся по воде, но глубоко ушли корни их в тинистое дно; белые и желтые водяные лилии, попросту называемые кувшинчиками, и красные цветочки темной травы, торчащие над длинными вырезными листьями, – разнообразят зеленый ковер, покрывающий поверхность пруда». Пройдут годы, и на бережке этого самого пруда будет сидеть васнецовская «Аленушка», а верхний, «поленовский» пруд обессмертит Тургенев в своем романе «Дворянское гнездо»...

22 марта 1870 года утренним поездом по Троицкой дороге в Хотьково Савва Иванович с женой отправился на «смотрины». Елизавета Григорьевна вспоминала: «Ехали мы от станции в

розвальнях. Выехав в просеку монастырского леса и увидав на противоположной горе уютный серенький, с красной крышей дом, мы стали восхищаться местоположением». Савва Иванович оставил свои впечатления: «В усадьбе нашли мы старого Аксаковского слугу Максимыча, который и стал нам показывать все прелести Арамцева. <...> По дому раскиданы кое-какие Аксаковские вещи, старая мебель, даже как будто какой-то дух старика Аксакова, рассказы старого слуги – все это прибавило прелести, и вопрос о покупке был уже, кажется, решен». На следующее утро Мамонтов встретился с Софьей Сергеевной. Его не смущила ни высокая цена за 284 десятины, ни то, что уже проданный на сруб лес нужно было срочно выкупать.

Беседка
«Избушка на
курых ножках»
по проекту
В.М. Васнецова.
1883 год

Бюст работы
Саввы
Мамонтова –
скulptурный
портрет его отца,
богатейшего
промышленника
России Ивана
Мамонтова

Следующее десятилетие Мамонтовы посвятили ремонту, но, обустраивая усадьбу, старались сохранить «дух старика Аксакова». Помимо работ внутри дома были заново отстроены кухня и людская, во дворе поставили ветряную водокачку и сарай с амбаром, конюшню и каретный сарай, в саду появились теплица и две оранжереи для клубники и персиков. За пределами старой усадьбы построили скотный двор, сennой сарай и дачу-студию для гостей-художников по проекту архитектора Виктора Гартмана. Ее называли «Яшкой»: в детстве Яшкой шутливо именовали Веру Мамонтову, будущую «Девочку с персиками». «В русском духе» построили баню-теремок по проекту Ивана Ропета, а по эскизам Виктора Васнецова – сказочный домик для детей «Избушка на курых ножках».

«Мамонтовы – семья нетипичная. Да, в 1860–1870-е годы у русской интеллигенции было стремление заботиться о простых людях, но в Арамцеве господа воспринимали проблемы крестьян как свои собственные, – рассказывает заместитель директора по науке музея-заповедника «Арамцево» Елена Николаевна Митрофанова. – Когда вспыхнула эпидемия холеры, Елизавета Григорьевна выписала доктора из Москвы, который лечил крестьян. А потом его поселили во флигеле, чтобы медицинская помощь была рядом. В 1873 году построили первую в округе лечебницу, была открыта школа грамотности для крестьян, при ней – столярно-резчицкий класс, чтобы у подростков не было нужды искать работу в городе. В подмонастырской слободе Хотькова монастыря появилась бесплатная народная читальня». Елизавета Григорьевна и сестра Василия Поленова Елена Дмитриевна ходили по окрестным деревням, устраивали экспедиции в соседние губернии и «экскурсии» по крестьянским избам. Они собирали одежду и рушники с вышивкой, старые коромысла, прялки, санки, наличники

ки, колыбели, плошки, гребни, горшки, черпаки, кованое железо. Составилась приличная коллекция, подвигнувшая в 1876-м Елизавету Григорьевну на обустройство мастерской: художники создавали эскизы резной мебели и утвари, а крестьяне выполняли заказы и получали прибыль от продажи. Спрос был невелик, пока моду в столице не задала жена обер-гофмаршала Нарышкина: на свой предрождественский бал в декабре 1888 года для котильонной фигуры она заказала 30 резных рамок с ручкой для маленьких зеркал, и все – разные. Тот успех стал прорывом для Абрамцева, пошли многочисленные заказы. В музее представлены примеры столярных работ и составлена экспозиция, точь-в-точь повторяющая историческую – со старой фотографии. «В мастерской Абрамцева исполнялись мебель и шкафчики, шкатулки и шитье, где среди растительных узоров воскресли старорусские петушки, фантастические птицы Сирин и Алконост», – писал московед Алексей Греч.

В 1889 году для среднего сына, Андрея, Елизавета Григорьевна построила керамическую мастерскую, где по рисункам Михаила Врубеля изготовили изразцы и облицевали печи в усадебном доме. Там же был создан невероятный керамический диван с былинным Микулой Селяниновичем и сиренами из цветной майолики – для абрамцевского парка. На этот же сюжет Врубель создал в нескольких авторских копиях майоликовый камин, что принесло ему Золотую медаль на Всемирной Парижской выставке 1900 года. Произведения Абрамцевской керамической мастерской – одна из прекраснейших страниц в истории русского декоративно-прикладного искусства.

«Все это называлось «Культурный поселок». Мамонтовы искренне старались для людей, заботились о них, – говорит Елена Митрофанова. – И такое доброе отношение к людям их спасло, когда начались революцион-

Майоликовый диван по мотивам былины о богатыре Микуле Селяниновиче работы Михаила Врубеля и мастера по керамике Петра Баулина

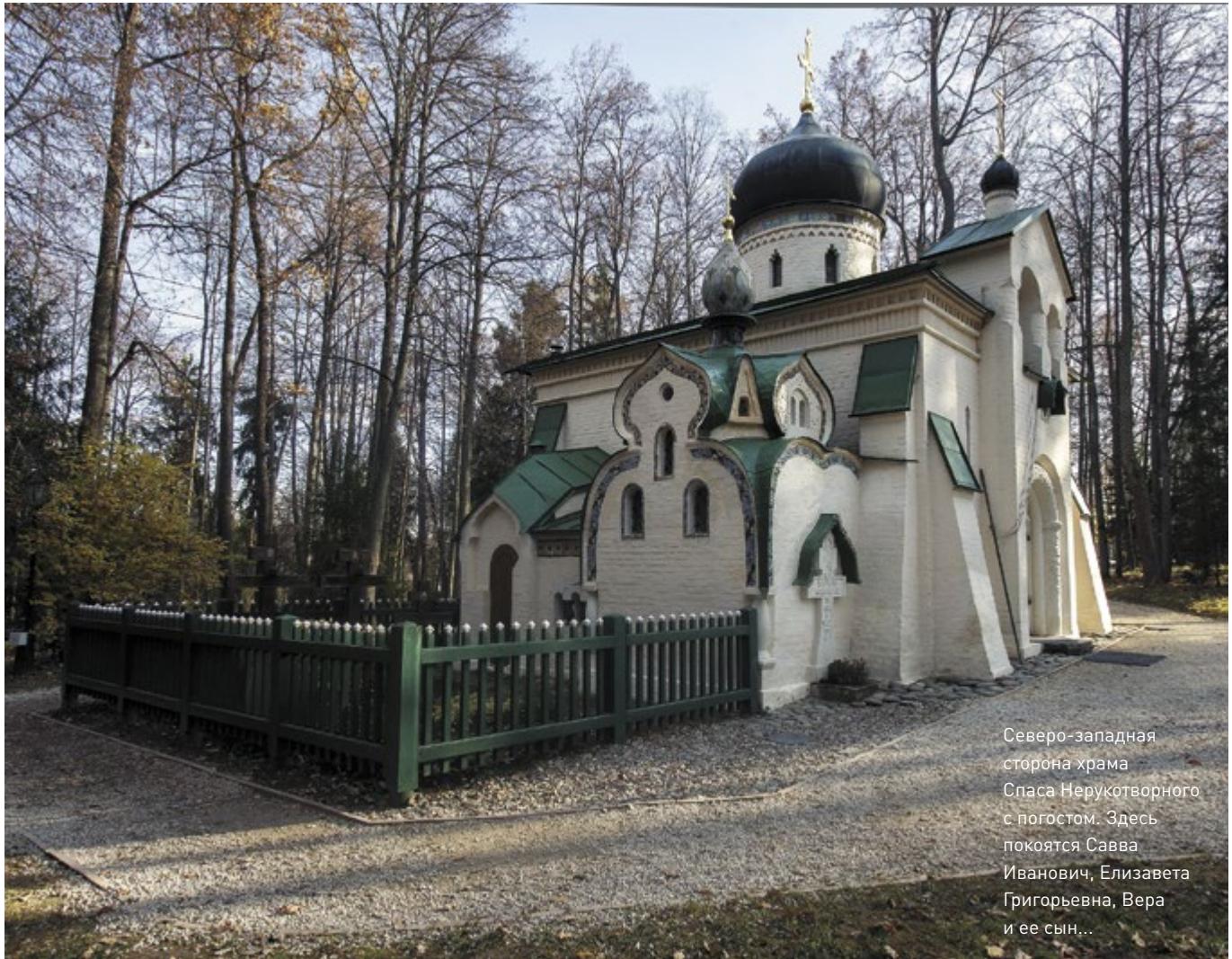
ные погромы и вокруг Абрамцева были сожжены все усадьбы. Только здесь ничего подобного не случилось, хотя они очень боялись, ждали, что к ним придут жечь, убивать. И приходили чужие, ничего не знавшие о здешней жизни. Местные крестьяне за Мамонтовых готовы были драться. К счастью, не пришлось: просто поговорили, по-своему все объяснили, и только поэтому усадьба не пострадала. Потом многое изменилось, сейчас все их богатое умное хозяйство можно увидеть лишь на фотографиях. А господский дом, «Избушка на куриных ножках», церковь, баня, кухня и, конечно, парк сохранились практически в том виде, как было при них».

ВСЕМ МИРОМ

Любой, кто бывал в Абрамцеве, не мог не заметить белокаменный храм, увенчанный маленькой луковкой – его видно из-за деревьев в любое время года. Это главная постройка Мамонтовых в имении – церковь Спаса Нерукотворного, возведенная архитектором Павлом Самариным. По сути, это миниатюра знаменитой церкви Спаса на Нередице под Новгородом. Савва Иванович задумал этот проект в 1880 году. Построена церковь была быстро: 31 мая 1881 года еще эскизы выбирали, а 7 июня Мамонтов записал в дневнике: «Кладка в настоящее время доведена под крышу с трех сторон, только двойное

Предметы домашнего быта, изготовленные в Абрамцевской столярно-резчицкой мастерской

Северо-западная сторона храма Спаса Нерукотворного с погостом. Здесь покоятся Савва Иванович, Елизавета Григорьевна, Вера и ее сын...

северное окно задержало кладку, но в настоящее время колонны готовы, и завтра окно будет сделано и начнут делать своды». Когда пришло время определяться с убранством храма, Поленов предложил всей компанией поехать в Ростов Великий и Ярославль. Вернулись воодушевленные. По эскизам Поленова были выполнены иконостас, киоты, подсвечники, запрестольный крест, паникадило. Васнецов расписал клиросы и сделал

эскизы мозаичного пола церкви. Рядом с иконами традиционного письма в иконостасе появились образы, написанные Репиным, Невревым, Васнецовым и Поленовым. Михаил Врубель поставил в храме печь, а Марк Антокольский создал на северной стене рельеф «Голова Иоанна Крестителя»...

Знакомые Мамонтовых судачили, что хозяйка усадьбы якобы сама натирает внешние стены церкви травой, «чтобы они

Интерьер церкви.

На алтаре слева от Царских врат икона «Богоматерь» работы В.М. Васнецова (1882), справа – «Спас Нерукотворный» И.Е. Репина (1881–1882)

походили на заплесневелые и тем бы придать им более вид старины».

«Церковь – непрозаическая история, очень характерная для этой семьи, но многих она удивила, – рассказывает Елена Митрофанова. – Мамонтовы ездили на службы в Покровский собор, но все землевладельцы старались строить свои усадебные храмы. И они подали документы о разрешении на строительство, а это всегда долгие ожидания – рассмотрение шло все лето. Был готов проект – и стали строить. Когда осенью пришел священник на освящение места под закладку церкви, а она вдруг предстала перед ним воочию, он не знал, что делать! Мамонтовы его уговорили освятить храм и провести службу. Они делали все необходимое, чтобы устроить здесь полноценную жизнь. В эту церковь приходили крестьяне из окрестных деревень, на праздники собирались большая толпа. Конечно, внутрь все войти не могли, церковь маленькая, поэтому перед входом – место общей молитвы».

САВВА ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

Савва Мамонтов с юности любил театр, живопись, музыку, пел басом. Антокольский дал ему несколько уроков скульптурной лепки, заметив, что Савва относится к числу «самых прелестных людей с артистической натурой».

В своих абрамцевских владениях Мамонтов не стеснялся быть экстравагантным, порой расхаживал в длинном итальянском плаще с серебряными вставками и широкополой шляпе. «Большие, сильные, я бы даже сказал, волевые глаза, вся фигура стройная, складная, энергичная, богатырская, хотя среднего роста, обращение прямое, откровенное» – так описал его Виктор Васнецов. Как-то раз Михаил Нестеров шутливо назвал железнодорожного магната «Саввой Великолепным», сравнив с флорентийским покровителем искусств Лоренцо Медичи. Прозвище прижилось.

В 1873 году Савва осуществил давнюю мечту – открыл собственную студию-мастерскую с двумя комнатами, где занимался лепкой и куда пригласил друзей-художников: Савву Ива-

Мастерская.
По проекту
В.А. Гартмана.
1873 год

Зал Михаила
Врубеля:
керамические
каминны,
скульптура,
вазы, блюда...

нович вылепил бюст Васнецова, Васнецов – Репина, Репин – Мамонтова...

Одновременно невозможно было принять всех желающих погостить, поэтому визиты заранее согласовывались, каждый приезжал со своим планом работы. Михаил Нестеров, приехав в Абрамцево, заметил: «Все пишут, играют, поют. Все артисты или друзья артистов». Атмосфе-

ра была заразительной, попав сюда хоть раз, невозможно было не вернуться. Это был дом, в котором жили веселые и талантливые люди. Их хватало на все: на труд, на искусство, на отдых и на игру. Например, «городишное сражение до темноты» с участием взрослых, и детей. А душою всех предприятий всегда был Савва Иванович. Он придумывал спектакли для домаш-

него театра, устраивал чтения книг вслух и концерты, он – режиссер, сценарист, главный декоратор, осветитель, гример и восторженный ценитель актерских дарований! Все значимые события здешней жизни фиксировались в «Летописи сельца Абрамцева», и в 1894 году вышла в свет «Хроника нашего художественного кружка»: пьесы, сочиненные гостями Мамонтовых, эскизы декораций и костюмов, авторы и исполнители.

Но и сами участники Мамонтовского кружка оставили воспоминания. По вечерам все собирались за самоваром, пили чай, упражняясь в «Литературные городки»: «Каждая партия громила своего противника стихами, тут

же иллюстрируемыми Васнецовым и Репиным». Часто занимались пением – от Даргомыжского с Мусоргским до русского народного... Отдельной главой вырастает из абрамцевских забав «Частная опера» Мамонтова, театр, просуществовавший под руководством Саввы Ивановича с 1885 по 1899 год. «Да, Мамонтов был большой человек и оказал большое влияние на русское оперное искусство. В некотором отношении влияние Мамонтова было подобно влиянию Станиславского на драму», – считал Сергей Рахманинов.

Наверное, у него так много всего получалось потому, что критерии этого мецената были высоки. Всеволод Саввич Мамонтов

Гостиная.
На столе –
скатерь,
вышитая
факсимиле
всех художников
Абрамцевского
кружка

пересказывает один из абрамцевских вечеров: «Заспорили о ценностях.

– Этого я не понимаю и никогда не пойму! – говорила Елизавета Григорьевна. – Почему мы ценим не произведение, а один только звук? Вот этюд на стене.

– Поленов! – подсказал Савва Иванович.

– Да, Поленов! Но, предположим, некий ученый искусствовед открыл, что это – Рафаэль! И тотчас! Именно тотчас этюд, стоивший сто рублей, будет стоить сто тысяч! Что в нем прибыло? Звук иной? Поленофф – Рафаэль. И цена этого иного звука баснословна – девяносто девять тысяч девяносто.

– Милая! – воскликнул Савва Иванович. – Во-первых, Поленов только в начале творческого пути. И так как он создаст еще очень много картин, этюдов, рисунков, шедевров и полушедевров, то ему и платят дешевле. Он, может, и выше Рафаэля, но пока жив – дай ему, господи, много лет! – не имеет ореола исключительности».

Доверительные отношения между художниками Абрамцевского кружка хотя и не были совсем лишенны соревновательного духа, но в жесткую конкуренцию не перерастали. Напротив, в период творческого кризиса можно было с коллегой посоветоваться, пооткровенничать. А Мамонтов любил их всех, ценил, уберегал от невзгод. Репина, Васнецова и Поленова называл «тремя богатырями». Валентин Серов буквально вырос в Абрамцеве, куда его отроком пристроила на попечение мать. Сначала его здесь называли Валентошкой, потом короче – Тошей, вскоре Тоша превратился в Антона. Игорь Грабарь заметил первое появление работ Серова: «Ни для кого не было секретом, что на горизонте появилось новое яркое дарование, а связь с Мамонтовым и покровительство Саввы Ивановича были для Москвы решающими».

...Беззаботная и счастливая жизнь в Абрамцеве закончилась неожиданной катастрофой.

Комната
С.Т. Аксакова

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

11 сентября 1899 года Мамонтова в наручниках пешком по Москве провели до Таганской тюрьмы, хотя в публичном унижении пожилого человека не было необходимости.

В 1898 году Мамонтов продал значительный пакет акций своей Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги Петербургскому международному банку и взял ссуду под залог векселей и ценных бумаг. Средства были необходимы для модернизации мамонтовских предприятий. Однако вскоре выяснилось, что рассчитаться с кредиторами Мамонтов не может. В итоге Министерство финансов распорядилось провести ревизию заводов и железных дорог предпринимателя. Проверка принесла новые неприятности: ревизоры обнаружили, что средства для реконструкции заводов Мамонтова брались из кассы Железнодорожного общества, что было запрещено законом. Кредиторы потребовали возврата денег.

Интересно, что в обществе тогда обсуждались разные версии причин банкротства Мамонтова. Одни считали, что все подстроено конкурентами промышленника. Другие шептались о том, что причиной всему – вражда и закулисные интриги министра юстиции Николая Муравьева и министра финансов Сергея Витте.

Как бы то ни было, Савва Иванович провел в тюрьме почти полгода. В камере занимался лепкой, позировали ему надзиратели. Серов, Антокольский, Врубель и «три богатыря» 9 апреля 1900 года написали Мамонтовой письмо поддержки: «Дорогой Савва Иванович! Все мы, твои друзья, помня светлые, прошлые времена, когда всем нам жилось и дышалось так привольно художественным воздухом в кругу твоей семьи, близ тебя, – все мы не могли утерпеть, чтобы не выразить хоть чем-либо наше дружеское участие в тяжкие дни твоей невзгоды. <...> Мы, художники, для которых без высокого искусства

Столовая в усадьбе Мамонтова собирала всех гостей вместе: здесь рождались идеи, обсуждались проекты...

Под винтовой лестницей, ведущей на второй этаж, – дубовый резной буфет в русском стиле

истинного нет жизни, мы смело провозглашаем тебе честь и славу и крепко жмем твою руку!»... На суде Мамонтова защищал знаменитый адвокат Федор Плевако, присяжные его оправдали. Но дело свое он потерял и был объявлен банкротом. Чтобы рассчитаться с долгами, он продал акции чугунолитейных сибирских заводов, роскошный особняк на Садовой-Спасской пустили с молотка, за бесценок ушли превосходные вещи. Третьяковская галерея и Русский музей удачно пополнили свои собрания, часть архива Мамонтов завещал Бахрушину, но очень многое бесследно исчезло. Железнодорожную компанию и Невский завод выкупило госу-

дарство, а часть акций Мамонтова досталась родственникам Витте. Благо купчая на Абрамцево была оформлена на Елизавету Григорьевну, и усадьба осталась в семье. Сам Мамонтов поселился в доме в Бутырках, при переведенной туда гончарной мастерской, 15 человек производили керамические изделия, что приносило какой-то доход. Поленов, Васнецов, Серов, Врубель его навещали.

Савва Иванович пережил троих своих детей. Раньше него ушли из жизни Сергей, Андрей и Вера – та самая девочка с персиками. В 1908 году умерла Елизавета Григорьевна. Опорой отцу на старости лет стали сын Все-волод и дочь Александра. Савва Иванович скончался в марте 1918 года и был похоронен в Спасской церкви Абрамцева.

После революции Александра Саввишна ради сохранения Абрамцева инициировала национализацию фамильного имения, сумев получить охранную грамоту Отдела изобразительных искусств Наркомпроса. Она же стала хранительницей музея-усадьбы, которую опекали Павел Флоренский и Юрий Олсуфьев, возглавлявшие Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры.

В 1919 году усадьбу открыли для посетителей, через год перевели на бюджетное обеспечение, и, казалось, можно было не бояться за ее судьбу. Но в 1926-м

Мамонтову уволили, фактически изгнали, даже жить ей было негде. Затем арестовали по делу о священниках, но отпустили. Ее приютила до конца жизни дочь Виктора Васнецова Татьяна, частный дом которых на Мещанской улице в Москве тоже стал музеем, но с проживанием членов семьи художника.

А в Абрамцеве пропадали предметы интерьера, ветшали постройки. Какое-то время музей спасало утилитарное восприятие его как центра кустарных промыслов. Но в 1932 году в главном доме устроили дом отдыха для работников искусств и санаторий, в годы войны здесь был госпиталь, потом —

Живописный уголок парка с прудом: на одном из его берегов плакала Аленушка... «...Широкий пруд, затканный травами, точно спит в отлогих берегах своих...»

коммуналки, многие из хозяйственных построек исчезли, а 1375 предметов коллекции хранились в Загорске. Лишь в 1948 году по инициативе Игоря Грабаря началось восстановление Абрамцева, хранителем музея назначили Всеволода Саввича Мамонтова. С 1950 года музей снова стал принимать посетителей, чему были рады и Всеволод Саввич, и Александра Саввишна. Но в 1951 году Всеволод Саввич скончался, его сестра умерла в 1952-м...

В 1917 году отец Павел Флоренский писал Александре Саввишне: «Все то, что происходит кругом нас, для нас, разумеется, мучительно. Однако я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет свое ничтожество, всем надоест, вызовет ненависть к себе и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы, уже не по-прежнему, вяло и с оглядкой, обратятся к русской идеи, к идеи России, к святой Руси. <...> Абрамцево, дорогое Вам, прежде всего, есть духовная идея, которая не уничтожаема»...

ЧЕБУРЕКИ СОЛЯНКИ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЕСТЬ У КАЖДОГО МОСКВИЧА МЕСТА-МЕСТЕЧКИ,
ГДЕ ПОЧЕМУ-ТО ХОРОШО ОСТАНОВИТЬСЯ,
ЗАМЕРЕТЬ И ПОСМОТРЕТЬ НА ГОРОД. ВЗЯТЬ
ТАКУЮ МИНИАТЮРНУЮ ПАУЗУ. ОГЛЯНУТЬСЯ.
ЗАДУМАТЬСЯ. НАХМУРИТЬ БРОВИ.
ИЛИ, НАОБОРОТ, УЛЫБНУТЬСЯ.

У МЕНЯ ТАКИХ МЕСТ в Москве – несколько. Одно из них – в самом низу Славянской площади. У церковки красной, которая словно вплюснута, вдавлена в землю. Стоит себе на самом краю земли, а остальное – выше. Выше Ильинский сквер и памятник Кириллу с Мефодием. Выше массив зданий, навсегда определенных народом как «ЦК КПСС». Выше – фундаментальный, в стиле сталинского ампира с аркой по-

середине домище в бывшем проезде Серова. И где-то там – за деревьями не видно – высится черный памятник героям Плевны и желтеет Политехнический. И бывший ЦК ВЛКСМ нависает. Ты стоишь к церкви спиной, налево бежит Варварка, направо вьется Солянка. А спереди кренился прямо на тебя площадь, где так удачно вмонтировали мини-автовокзал. Уедешь отсюда автобусом и на север, и на запад, и на восток – в далекие, скучноватые московские предместья.

Ну а здесь-то лежит Китай-город. Центр. История. Здесь – вся Москва лучами в стороны разбегается. Ну как не застыть, не глянуть на эту красотицу? Солнце вон, прямо в глаза Мефодию бьет. Или Кириллу? От креста отражается. Скучаешь, если давно здесь не был, не постоял, не помечтал и не вспомнил...

Как-то в 90-е средь бела дня, жаркого, летнего, с политическим газетным обозревателем по имени Серго пили пиво у ног создателей русской азбуки. Смотрю, а политический обозреватель и бутылку пива без открывашки открыть не умеет. Чуть не полбутылки на асфальт вылил... И как он только о политике пишет – непонятно. Местный товарищ без определенного места жительства на травке тихо лежал и смотрел

Памятник создателям славянской азбуки братьям Кириллу и Мефодию в Ильинском сквере. Открыт 24 мая 1992 года. Скульптор Вячеслав Клыков, архитектор Юрий Григорьев

на обозревателя укоризненно. «Страшно далеки они от народа», – наверное, думал он. И был не так уж не прав.

А в 80-е, зимой, в маленьком кафе «Аист» зашел Михаил Задорнов. Граненый стакан с черным кофе, стоя за круглым столиком, неспешно выпил. Народ кафешный Задорнова не узнавал, не приставал с автографом. Зато на шапку люди косились. Шапка у Задорнова была отменная. Высокая, пушистая, рыжая, из неизвестного мне зверя. В такой не замерзнешь. «Сразу видно, буржуй», – проворчал завсегдатай, когда Задорнов вышел. Проговорчал и уткнулся в яичницу.

А вот Бориса Акунина, уже в 2000-е, молодежь узнавала. Акунин, в сером пиджаке и при галстуке в тон, сидел за столиком, чуть откинувшись на спинку удобного кресла, потягивал минералку, что-то говорил, а юная

собеседница напротив, ученически свернувшись над тетрадью, быстро строчила.

– Мэтр дает программное интервью, – предположил мой товарищ, наблюдая сцену с улицы через огромное окно здания. – Зайдем? Уточним что нибудь про Эраста Фандорина? Или про кризис демократии в России?

– Там и без нас зрителей хватает, – кивнул я на заинтересованные лица посетителей ресторанчика. – Вот если бы сидел Жорж Сименон… Или Агата Кристи.

И мы пошли за угол – в «Экспромт». В «Экспромте» было дорого, но вкусно.

В 70-е в этих местах популярностью пользовалось кафе «Сакля».

Во-первых, «сидячка». Во-вторых, к харчу и чебурекам (чебуреки – главное блюдо!) предлагалось сухое грузинское вино – в розлив. Конечно, с приличной наценкой. Другим минусом была постоянная очередь, от дверей и нередко – с улицы.

Конкурентов у «Сакли» на площади практически не было. Теперь здесь с десяток самых разных кафе, баров и ресторанчиков. Появляются и исчезают они, как хороший спринтер на дистанции. Только ты привык, зашел, отведал, запомнил, выяснил – вжик, исчезли вместе с вывеской, меню и пестрым ковриком у входа. А вот «Сакля» стояла десятилетия как скала. Мы в ней бывали редко, разве что в дни стипендий.

Комплекс зданий Администрации президента РФ. Старая площадь, как видите, больше похожа на улицу

Причудливо восприятие человеческое. Прошло столько лет, а для меня весь этот четырехугольник: Старая площадь – Маросейка – Старосадский переулок – Солянка – сквер – по-прежнему – «на Ногина». Как-то не сумел прикипеть к «Китай-городу». Вот улицу Богдана Хмельницкого, переходящую после трамвайных рельсов в улицу Николая Чернышевского, мы издавна называли Маросейкой и Покровкой.

Сколько встреч было в метро у памятника Ногину – не сосчитать... Удобно. Стоит бюстик деятелю революции на пересечении двух линий, не спутаешь. Да и дядька, Виктор Павлович, был неплохой. Умер вовремя – верным ленинцем, на операционном столе. Говорят, выпивал и вреда людям не сделал.

У памятника Плевны встречаться мы не любили. Там встречались люди, как ныне говорят, не совсем традиционной ориентации. И был потому негласный закон: без большой нужды у памятника Плевны не торчать и в туалет у Политехнического му-

Памятник героям Плевны в Ильинском сквере открыт в 1887 году. Архитектор и скульптор Владимир Шервуд

зя не ходить. Не стоит. Туалет был бесплатный. Платных туалетов в Москве тогда не было. На Маросейке я успел побывать в типичной московской коммуналке. У дальних родственников. Длинный коридор и двери, двери, двери... Комнатки, комнатки, комнатки. Как пеналы. Потолки, правда, высокие. А туалет один на всех. И кухня тоже одна. Зато домик

в два-три этажа, всех соседей как родных знаешь. На первом этаже магазины – «Книжный» и «Овощи-фрукты». Лестницы в подъезде – деревянные, полы в комнатах – тоже. Когда расселяли дом в отдельные квартиры по тогдашним окраинам, уезжать хотели не все. А теперь живут вроде неплохо, ведь те окраины считаются теперь центром.

В Ильинском сквере по теплу собирались хиппи. Маленькими стайками, человек семь-десять, не больше. Холщовые сумки. Застиранные джинсы, клешенные от бедра. Футболки. Девушки без лифчиков. Волосы длинные, перевязанные красной ленточкой. У кого-то из ребят гитара. Пробовали они полежать на лужайке, посидеть кружком, что-то там тихо напевая. Куда... Милиция прогоняла стремительно. И тоже без шума. Часто стайка пряталась от милиции или дождя в местном кафе, что в середке проезда Серова, которое так и называлось – «Кафе», брали там стаканы жидкого чая

У бюста Ногина на станции метро «Китай-город» удобно встречаться

из пузатого чайника и сидели на длинных деревянных лавках за большим, тоже деревянным, столом. Сидели тихо, разговаривали вполголоса, но любая уборщица начальственно косилась и старалась прогнать. Кофе в том кафе был отличный. Варили на песке. Но кофе стоил 28 копеек, а стакан чая – 3. Никакого другого убежища-общепита рядом и не было.

Потом столы и лавки убрали, завели типичные круглые столики, за которыми постоять, – и хиппи исчезли. Я случайно обнаруживал их или совсем других, но похожих одеждою и повадками, в новых местах – там, где стояли большие столы и где чай с сахаром можно было взять на всю компанию и сидеть подолгу. Подолгу – это полчасика-час.

С недавних пор тротуары Маросейки стали шире

Славянская площадь, ранее площадь Ногина, до 1924 года – Варварская площадь

Если по Маросейке по правой стороне от метро идти, то первый переулок вниз валится – Большой Спассоглинищевский. А раньше это была улица Архипова. Тут вниз, опять же по правой стороне, чуток не доходя до синагоги, скромное серое здание стоит во дворе, мечта и любовь каждого мужчины СССР и многих женщин и девушек.

Редакция газеты «Советский спорт»!

Старейшее (с 1924 года) и единственное ежедневное спортивное издание большой страны. Четырехмиллионный тираж. Распространение в ста странах! Четыре странички, две копейки в розницу. А поди подпишись – попробуй! Да и в киоск с утра лети-шустри, не зевай, а то закончится, мигом разберут.

Один мой знакомый поступил в редакцию «Совспорта» в начале заветных 80-х годов. Представляю, как завидовали ему сверстники... Конечно, в отдел писем попал – где же еще начинали газетчики?

– Писем, самое скромное, по сто штук в день в редакцию приходо-

дило. Если сборная играет или турнир международный идет – до тысячи в день. Особенно много по понедельникам, после выходных, сыпалось. Несколько сотен. Каждое письмо открыть. Пометить тремя ярлычками. В отдел соответствующий отправить. В архив ли или себе на ответ оставить. По сей день снится: открываешь стол, а он полон писем, на которые не ответил.

– Редакцию вспоминаешь?

– Могу и сейчас всех назвать, по этажам и кабинетам, кто где сидел и кто за какой участок отвечал.

– Не верю. Почти сорок лет прошло...

– Так, смотри, сразу, навскидку. Раввином тогда был Шаевич... Ну это не в тему...

– Зато смешно.

– Первый этаж. Вахтер. Рядом справа от лестницы отдел иллюстрации. Главные фотокоры Борис Светланов и Юрий Моргулис. Завотделом Мелик Шашикашвили. Также на первом – столовка и Олимпийский зал с красными стульями. Там были всякие партсобрания и прочие собирища.

Вход в редакцию газеты «Советский спорт» (улица Архипова, 8) был во дворе

Спасоглинищевский переулок бежит сверху вниз – от Маросейки к Солянке

Второй этаж. Налево от лестницы директор издательства Григорий Берлянд, зам Игорь Малышев, еще кто-то и бухгалтерия. Направо – секретариат и редакторат. Главредом в 80-м был Николай Киселев, замами – Борис Чернышев и Борис Базунов. Там же чертили макеты, собирались материалы, гранки и пр. Третий этаж. Направо отдел футбола. Зав Виктор Понедельник,

зам Олег Кучеренко плюс Юлий Сегеневич, Геннадий Ларчиков, Алексей Леонтьев, Александр Владыкин. Отдел спортивгир. Зав Дмитрий Рыжков плюс Владимир Леонов, Олег Ханин (хоккей), Елена Перих (гандбол, баскетбол) и еще кто-то. Также там отделы корсети, машбюро, стенбюро, кадров. Налево отдел проверки и еженедельник «Футбол». Главред Лев Филатов, зам Генна-

Московская хоральная синагога – старейшая синагога Москвы. Открыта 1 июня 1906 года. При советской власти синагога никогда не закрывалась

дий Радчук плюс Валерий Винокуров, Виктор Асаулов, Юрий Цыбанев. Четвертый этаж. Направо – отдел пропаганды. Налево отдел ФИЗ (физкультура и здоровье) – зав Ирина Декартова, отдел писем – зав Нина Соколова плюс Иван Тимошкин и т.д. Дальше... Отдел МВС (массовые виды спорта) – Лев Николов, Владимир Кучмий, Анатолий Шелухин, Владимир Голубев, отдел ИНО (иностранный) – зав Семен Близнюк плюс Михаил Дмитриев, Владимир Гескин, Борис Тосунян. Как-то так вот.

...История «Советского спорта» в новые времена слишком запутанна и фантастична, чтобы теперь подробно на ней останавливаться. Скажу лишь, что здание №8, по соседству с синагогой, было продано в годы 2000-е.

Горжусь, что несколько заметок успел опубликовать на улице Архипова. Заметки я приносил сюда в папочке, потому что печатались они на машинке, а компьютеров в наших редакциях еще не было.

«Историчка»! Скромное с виду трехэтажное кирпичное здание в Старосадском переулке. Дом 9. Пропуск в Историческую библиотеку – как пропуск в иной мир, мир даже не истории – исторической науки. Невозможно забыть аромат первого этажа, запах кислых щей из буфета, перемешанный с табачным дымком всегда забитой

Знаменитая «Историчка» – Государственная историческая библиотека. Вход в старое здание в Старосадском переулке

курилки. Тут можно поспорить о прочитанном и не только об этом... Зато на втором этаже, где справочный отдел, где каталоги, карточки с книгами и ковры – совсем тихо. И в главном зале, на третьем, под сводчатыми огромными окнами за большими, длинными, дубовыми столами под настольными зелеными лампами – книги, тетради, ручки и склоненные головы. Историческая тишина. Старинные портреты на стенах тоже молчаливы и сосредоточенны. Вон, девушка справа встает, отодвигает тяжелый стул, гасит персональную лампочку, достает из маленькой сумочки яблоко и тихонько следует к двери. Там, в холле, можно перекусить, посидеть в удобном кресле, поговорить с подругой...

В эту историческую тишину мы окунулись в конце 70-х годов. Мы чувствовали избранность и удачу – даже филологам или журналистам сюда хода нет, надо получать специальное разрешение, что-то там объяснять, настаивать, собирать справки. А вот нас, студентов-историков, принимают как своих. Читательский билет в «Историчку» – второй по важности документ после билета студенческого... С паспортом по Москве тогда мало кто ходил. Зачем нам паспорт?

Пять лет в твоем кармане три главных документа: две «корочки» – студенческий билет и билет в «Историчку». Символы свободы и счастья. Ну и конечно – единый билет на месяц, на все виды транспорта города, без всякого лимита-счетчика, сколько раз и куда ты там едешь... Цена – 6 рублей. Одна поездка в метро или в автобусе, можно напомнить, стоила 5 копеек.

В «Историчке» мы бывали полдня, частенько сидели тут дольше, чем в институте. К этому нас подталкивала вежливо, невзначай вся система преподавания на истфаке МГПИ: лекция – семинар – библиотека – архив – семинар – лекция...

Кое-кто с третьего курса записался и в «Ленинку», до третьего курса в «Ленинку» студентов почти не записывали. Но большинство сохраняло привязанность именно к Исторической библиотеке в Старосадском, и после занятий на Пироговке мы шли по Хользунову переулку к метро «Фрунзенская» и катили до «Площади Ногина». 45 минут – и ты уже заказываешь нужные для завтрашнего семинара книги.

По выходным дням сюда надо было приезжать пораньше. Часов с двенадцати в гардеробе уже стояла очередь на вход. Мест не было в главном зале, таком, казалось бы, большом, поместительном. Вот кто-то начитался, взял куртку, сдал номерок... Есть свободное место, первый пошел...

А закрывалась библиотека в 22 часа. Мы частенько покидали библиотеку с закрытием. Ноги легко бежали под гору и направо вниз, мимо монастыря, на который мы тогда и внимания не обращали. Вернее, любовались красотой стен, башен,

Солянка:
милая сердцу
двухэтажная
застройка еще
сохраняется
в центре Москвы

маковок... А чей он там монастырь, кто там служит... Какая разница? У нас-то теперь проблемы Реформации, это куда интереснее... Семнадцать странниц законспектировал сегодня вечером на эту тему. Ого-го! Есть о чем выступить, о чем спорить завтра на семинаре! Классовую сущность раскрыть сумею, факт...

* * *
Аромат чебуреков здесь – неистребим.
Он витает над этим четырехугольником.
Про «Саклю» я вам уже рассказывал. Но мы чаще ходили за чебуреками на Маросейку, в кафе, которое сами назвали «Под сводами» – таким неожиданным в нем был бело-серый потолок.

Памятник Осипу
Мандельштаму
в сквере
на улице
Забелина

Потолок создавал уют, оказывается, так тоже бывает. В кафе два зала, все те же круглые столики «на постоять», а чебурек стоил 16 копеек. Наполненный горячим бульончиком, мясом, лучком, перцем, он обжигал руки... После ста страничек о каком-нибудь Уоте Тайлере или Эразме Роттердамском, не говоря уж о Мартине Лютере, шли

эти чебуреки необыкновенно. Я всегда брал пять штук, а на двадцать – стакан черного кофе с сахаром. Рупь без сдачи! Казалось, что вкуснее не бывает. Лишь бы хватило, а то ведь очередь, как всегда...

Не забыта чебуречная традиция и сегодня. На самом хвостике Солянки, почти у метро, неподалеку от церкви, где я

Столичные голуби. Чего только они не видали в своей птичьей жизни!

Зайти – не зайти?

стою и вспоминаю, есть чебуречная. И даже, на мой взгляд, неплохая. Чебуреки разных сортов – 80 рублей штучка, сок, кофе, полтинник водки, если есть настроение... Ажиотажа, к счастью, не наблюдается.

Однажды – в какой уж раз – на венчали с женой эти места. Обнаружили новый для нас памятник, на Забелина, справа, если от «Исторички» спускаться... Подошли. Оказывается, памятник Осипу Мандельштаму. Почему здесь? А вот, напротив на доме дощечка имеется, мол, проживал тут поэт некоторое время, у брата...

Местные бомжи у памятника спокойно закусывали. Почему нет? Удобно – скверик вдали от дороги, чужих глаз и милиции. И лавочка есть. Поэт не возражает. Бомжи Солянки разливали водку в пластиковый стаканчик и передавали друг другу еще теплый чебурек. Мероприятие называлось – «собраться у Головы».

Мы с женой не стали мешать. Мы пошли вниз, к метро. На улице в тот день было морозно.

БАБУШКА И ЕЕ «ДОБРЫЙ ФУРГОН»

автор

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

фото

АНДРЕЯ СЕМАШКО

80-ЛЕТНЯЯ ГАЛИНА ИВАНОВНА ЯКОВЛЕВА РАБОТАЕТ ПОЧТИ БЕЗ ВЫХОДНЫХ. В ПОНЕДЕЛЬНИК ОНА ДИСПЕТЧЕР – ОБЗВАНИВАЕТ БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ И ПОДОПЕЧНЫХ, СОСТАВЛЯЕТ ПЛАН ПОЕЗДОК НА НЕДЕЛЮ. ОСТАЛЬНЫЕ ШЕСТЬ ДНЕЙ ОНА ВОДИТЕЛЬ, ГРУЗЧИК И ВОЛОНТЕР – ЕЗДИТ ПО АДРЕСАМ НА СВОЕМ ФУРГОНЕ С НАДПИСЬЮ «ДОБРОТА», ВОЗВРАЩАЯСЬ ДОМОЙ ОКОЛО ПОЛНОЧИ. ОНА ОХОТНО ПРИГЛАШАЕТ ЖУРНАЛИСТОВ ПОЕЗДИТЬ С НЕЙ ВМЕСТЕ, НО НЕ КАЖДЫЙ СМОЖЕТ С ЛЕГКОСТЬЮ ВЫДЕРЖАТЬ ЕЕ ТЕМП.

Б

ЕЛЫЙ ФУРГОН ВСТРЕЧАЕТ нас утром на выходе из станции метро «Проспект Ветеранов» – одного из крупных спальных районов Петербурга. Он пестрит надписями: «Благотворительный фонд поддержки инвалидов», «Доброта», «Улыбнитесь!», «Жизнь дается один раз, спешите делать добро!» Такой фургон – единственный в Петербурге. И хотя многим горожанам он уже знаком, все же утренние прохожие с удивлением разглядывают надписи и пожилую женщину за рулем.

С Галиной Ивановной мы договорились о встрече по телефону, видим ее в первый раз в жизни, но она встречает нас как родных: тут же сажает на переднее сиденье и предлагает бутерброды с колбасой и сыром.

– У меня неприятность: из-за мороза с утра не смогла открыть боковую дверцу фургона, – жалуется Галина Ивановна. –

Какими бы тяжелыми ни были продуктовые пакеты, Галина Ивановна несет их подопечным сама

А там ведь продукты хранятся, вещи... Очень неудобно!

К счастью, общими усилиями дверцу удается победить, и мы отправляемся по первому сегодняшнему адресу – в соседний спальный район Купчино, к некой Татьяне – давней подопечной Галины Ивановны. Для Татьяны уже готов продовольственный набор из конфет, яблок и мандаринов, а еще парикмахерские принадлежности – профессиональный лак для волос, заколки.

– Татьяна – парикмахер первой категории, – объясняет Галина Ивановна. – Но сейчас она на пенсии, и у нее инвалидность. Но сложа руки Таня не сидит: устроила у себя дома салон, делает прически всем соседкам и знакомым пенсионеркам – для души. Она – автор моей прически, сегодня, наверное, скажет, что пора подправлять. Через две недели у меня юбилей – 80 лет, опять к ней поеду за новой укладкой.

«ЕЗЖАЙТЕ С БОГОМ, БАБУШКА»

Пока едем к Татьяне, Галина Ивановна рассказывает о других своих подопечных – всего их примерно 400 человек: 250 взрослых и 150 детей.

– На самом деле помочь распространяется гораздо дальше, – уточняет Галина Ивановна. – Пенсионерки подкармливают своих детей и внуков, многие из «моих» подопечных имеют своих собственных подопечных – раздают вещи или продукты по соседям – тем, кому эта помощь будет не лишней.

Под крылом фонда «Доброта» не только люди, но и интернаты, специализированные школы, социальные дома. Куда-то Галина Ивановна уже несколько лет подряд возит туалетную бумагу, получая ее от производителя в качестве благотворительности. А, к примеру, детей-инвалидов из школы-интерната регулярно обеспечивала бесплатными билетами в дельфинарий.

– Был еще период, когда я им регулярно возила свежий финский хлеб. Но сейчас в школе сменилась директор, и она наотрез отказывается от помощи, – сокрушаясь Галина Ивановна. – Обычно я со всеми могу найти общий язык – и с благотворителями, и с бюджетными организациями. Но тут не получилось.

Разговаривая с нами и отвечая периодически на телефонные звонки – а у Галины Ивановны два мобильных! – женщина уверенно рулит большим фургоном. Едет аккуратно, не торопится, перестраивается из ряда в ряд, только точно убедившись, что ее пропускают. Такая размеренная манера вождения нравится далеко не всем: нетерпеливые водители могут и посигналить, и подрезать «добрый фургон». К чести Галины Ивановны, реакция у нее мгновенная – тут же дает по тормозам.

– А вы знаете, что 80 процентов аварий можно было бы предотвратить? – спрашивает она. – Молодые люди водят очень

безалаберно, иногда ни за что не пропустят вперед! Неужели сложно подождать несколько секунд? Я всегда с большим удовольствием пропускаю другие автомобили: они проезжают и подмигивают мне – благодарят. У меня на душе сразу так хорошо становится!

Галина Ивановна гордится своим безаварийным вождением, а права, между прочим, она получила 57 лет назад! Когда была молодой, то работала водителем троллейбуса, после раннего выхода на пенсию много лет была водителем в благотворительном фонде «Вера, Надежда, Любовь», ездила с поручениями, отвозила помочь старикам и инвалидам. А когда основатель фонда переехала в другую страну, то Галина Ивановна не захотела бросать уже ставших родными подопечных и налаженные связи с городскими предприятиями. И основала собственный фонд – «Доброта». Сначала ездила на легковушке, потом накопила денег – «Пенсия у меня неплохая – блокадная», – объясняет Галина Ивановна, – и купила в кредит свой первый фургон. Нынешний, четырехлетний «фиат» – уже второй по счету. Сейчас Галина Ивановна всерьез раздумывает об «обновлении» своего «автопарка». Собственный солидный возраст женщину совсем не смущает – зрение у нее по-прежнему хорошее, реакция как у молодой, сил хватает.

– В прошлом году срок действия водительских прав кончился, я пришла на медкомиссию – за справкой для новых, – вспоминает она. – В психоневрологическом диспансере меня долго «экзаменивали»: давали решать арифметические примеры, просили нарисовать часы... В итоге признали, что все у меня нормально. А сотрудник ГИБДД, выдававший мне новое водительское удостоверение, наоборот, сказал: «Надеюсь с вами встретиться через десять лет по этому же поводу!» Я его слова восприняла как наказ – буду водить машину как минимум до 88 лет! Вообще, гаишники на дороге ко мне хорошо относятся: «Езжайте с богом, бабушка».

В этот приезд
Галина Ивановна
привезла
мандини,
бутерброды
и бутылку
подсолнечного
масла

НЕ ВСЕ УМЕЮТ БЫТЬ БЛАГОДАРНЫМИ

За разговорами приезжаем к Татьяне. Галина Ивановна достает продуктовый набор и несет к подъезду. От нашей помощи отказывается: «Вы меня разбалуете сейчас, а кто все носить станет, когда вас рядом не будет?» Татьяна встречает нас на пороге и тут же торопится усадить Галину Ивановну «поправить прическу». Благодарит за фрукты и конфеты, а особенно – за парикмахерские при надлежности, которые тут же и пускает в дело.

– Галка такая молодец, спасибо ей, – рассказывает Татьяна. – Это удивительный человек! Столько нужных продуктов привозит – и колбасу, и сосиски, и селедку, и хлеб, и сладкое. А еще шапки, кофты, куртки! И все подходит, как будто на меня шили. Как-то Галина при

шла сама в новой кофте. Я имела неосторожность похвалить – какая, мол, красивая обновка у тебя! Так она тут же ее сняла и мне отдала. Вот какая она!

Пока Галине Ивановне поправляют прическу, она рассказывает о том, что далеко не все люди умеют быть благодарными.

– Хладокомбинат выдал мне как-то сразу 60 коробок мороженого, – вспоминает Галина Ивановна. – Я привезла их в социальный дом, прикатила на тележке первую партию – 20 коробок. Люди тут же бросились разбирать. Я пошла за второй партией – по лестнице вверх пришлось нагруженную тележку втаскивать. Ее опять разобрали. И никто даже не предложил мне помочь дотащить тележку в третий раз. Боялись, видимо, что пока тележку везут, то мороженое другие разберут. Так мне обидно стало!

Татьяна – парикмахер, поэтому сразу усаживает подругу перед зеркалом – поправлять прическу

«НЕ БОЛЕЮ. ПРИНЦИПИАЛЬНО»

Едем в Никольский собор – в местную благотворительную столовую Галина Ивановна привозит шесть литров подсолнечного масла и несколько пачек салфеток. «Спаси Господи, матушка», – кланяются ей сотрудники благотворительной столовой и зовут пообедать. Галина Ивановна отказывается – некогда, полно дел.

Следующая наша цель – опять в Купчино. Женщина позвонила Галине Ивановне и предложила забрать у нее мешок качественной, но ношеной одежды. Мешок кладется в кузов фургона, вечером Галина Ивановна его внимательно разберет и решит, что из вещей кому можно отдать. В знак благодарности за пожертвование женщине достается ваза-оригами – такие сувениры Галина Ивановна делает

для всех благотворителей в свободное от работы время. Хотя свободного времени у женщины совсем мало – она работает практически без выходных.

– На Новый год четыре дня отдыхала, как раз несколько вазочек из бумаги сделала, – говорит Галина Ивановна. – Проблема в том, что не хватает цветной бумаги, поэтому навострилась использовать для оригами цветные ценники. У меня есть помощницы из числа моих подопечных – они делают бумажные заготовки, которые я потом собираю в полноценное изделие – вазочку или карандашницу.

Отдыхать и ничего не делать – это то, что удается Галине Ивановне, пожалуй, хуже всего. Даже когда ей, как блокаднице, дают путевку в загородный пансионат, она везет с собой несколько мешков с одеждой:

в ее номер со всего пансионата приходят отдыхающие (такие же блокадники-пенсионеры) и выбирают себе то, что им подходит.

Едем дальше – заезжаем еще к одной подруге-подопечной. Ей Галина Ивановна отдает целую коробку бутербродов с колбасой (дар от мясокомбината), чтобы та распространила их среди своих знакомых. Уходим, нагруженные «ответным даром» – пачками макулатуры: для Галины Ивановны сдача макулатуры, жестяных банок и пластика – немалая статья дохода, из которой пенсионерка оплачивает свои траты на бензин и на коммунальные платежи. В квартире у Галины Ивановны – три больших промышленных холодильника, где хранятся продукты для подопечных, которые не удается распределить сразу.

– Так что электроэнергии уходит много, – говорит женщина. – Но зато на еду и одежду я не трачу – беру себе из того, что мне отдают. Но беру самый минимум.

Серьезная статья расходов для любого пенсионера – лекарства. Но Галина Ивановна не болеет. Принципиально. От вопросов подруг-ровесниц о том, какое у нее давление, лишь отмахивается.

– Я не меряю давление и температуру, – улыбается она. – Как начнешь мерить, так сразу все болезни и накинутся! Я и подробные рассказы о перенесенных инфарктах и инсультах не приветствую – чем больше негатива слышишь, тем больше на себя его примеряешь.

Свою философию здоровья Галина Ивановна транслирует и на свое окружение. Для многих она годами работает «телефонным психологом»:

– Одна знакомая старушка, как только чувствовала себя плохо, тут же звонила мне. И я ей внушила: «Тетя Даша, повторяйте за мной: у меня ничего не болит. У меня ничегошеньки не болит! У меня на самом деле ничего не болит!» Тетя Даша повторяет и потом мне говорит: «Гalia, а у меня и правда уже не болит!» Дожила до 93 лет. В последний раз тоже мне звонила, да меня дома не было...

СЛАВА ПРИШЛА НЕОЖИДАННО

О своих подопечных Галина Ивановна может рассказывать часами. Едем по следующему адресу, по пути пенсионерка то и дело показывает дома, где живут те, кому она регулярно везет продукты, устраивает бесплатные походы на концерты, помогает с переездами или с оформлением инвалидности. Отдельная забота Галины Ива-

новны – помочь родным с организацией похорон, когда кто-то из ее пожилых подопечных уходит из жизни.

– Меня на всех кладбищах и в моргах Петербурга знают, – то ли с гордостью, то ли с грустью говорит Галина Ивановна. – Организую все так, чтобы родным не пришлось переплачивать, ведь известное дело: официальный ценник один, а родственникам усопшего озвучивают совсем другой...

Сама Галина Ивановна от смерти была буквально в одном шаге – в детстве, во время блокады. Во время воздушной тревоги их, гуляющих детсадовцев, спрятали в чугунных трубах, лежащих во дворе дома. Снаряд разорвался совсем рядом с трубой, всех детей контузило. Кто-то потерял слух и голос, Галина Ивановна – только голос. До средней школы была практически немой, объяснялась записочками. Помог

На первый взгляд в фургоне хаос, но Галина Ивановна знает: слева – неразобранные вещи, справа – то, что уже распределено по подопечным

логопед – объяснил ей, что нужно петь песни – «про себя». Так, с мысленными песнями, голос к девочке постепенно вернулся. Но некоторое косноязычие сохранилось на всю жизнь.

До последнего времени Галина Ивановна и ее «Доброта» были тихими – о существовании такого человека-фонда знали лишь те, кого касалась бурная деятельность пенсионерки. Но осенью про Галину Ивановну впервые сделали репортаж журналисты. «Я прославилась!» – называет она тот информационный бум, который начался после этого. О Галине Ивановне и ее добрых делах захотели рассказать все – и газеты, и телевидение, и интернет-издания. В конце ноября она даже по приглашению телевизионщиков вместе со своей названной дочерью ездила в Москву – на программу «Модный приговор». «Я просто в молодо-

сти хотела работать моделью в ателье, даже подумывала уйти из троллейбусного парка ради этого, – по секрету признается она нам. – Но так и не решилась. А тут удалось исполнить мечту! Хотя стилисты этой передачи много нервов мне потрепали – хотели мне мои волосы обрезать. Но я не далась! Оставьте мне мою шевелюру, говорю, она меня зимой от морозов защищает!»

А вообще, признается пенсионерка, от ее «славы» добрым делам большая польза. Услышав или прочитав о «добром фургоне», многие горожане теперь сами звонят, спрашивают номер карточки, присыпают деньги или предлагают отдать вещи. Одна топливная компания пообещала ежемесячно дарить 300 литров бензина. С учетом роста цен на топливо это для Галины Ивановны серьезное подспорье.

Приехали в Никольский морской собор – с местной благотворительной столовой у Галины Ивановны давно налажено взаимовыгодное сотрудничество

«ГЛАВНОЕ ЛЕКАРСТВО – РАБОТА И МАШИНА»

Всех желающих журналистов Галина Ивановна берет с собой «в рейсы», все рассказывает и показывает, обязательно угощает тем, что есть, и дарит оригами собственного изготовления. К тому, что у Галины Ивановны теперь часто есть «свита», ее подопечные уже привыкли. Приезжаем к подруге Галины Ивановны по имени Любовь – та тоже блокадница, занимается организацией льготных туристических поездок блокадников и ветеранов в страны СНГ. Она усаживает нас всех за стол и с ходу обрушивается на Галину Ивановну с упреками:

– Галя! Уже вечер! Ты хоть ела сегодня нормально? Как можно так себя не щадить? И журналистов замучила своими разъездами! Они же не привыкли к твоему темпу! Все, отменяй все свои поездки, будешь отдыхать! Пообещай, что никуда больше не пойдешь сегодня, а то чаю не налью! Это серьезная угроза – Галина Ивановна обожает чаевничать и признается, что чай для нее – такое же топливо, как дизель для ее «фиата». Поэтому обещает, что на сегодня – точно все, только чай, разговоры и отдых. Любовь рассказывает нам, что именно так и познакомилась с Галиной Ивановной – та пришла к ней по каким-то делам фонда и просто прикорнула у нее на диване. «С тех пор мы дружим. И я слежу, чтобы Галя ела正常но и успевала отдыхать. Она же просто ненормальная – 80 лет человеку, а она о себе не заботится! Все о других, о других...».

Галина Ивановна говорит, что в этом и есть ее секрет:

– Мое главное лекарство – это моя работа и моя машина. Пока я за рулем, пока я делаю добро людям – я продлеваю себе здоровье и жизнь! Кстати, обещание свое Галина Ивановна не сдержала: отдохнув у подруги, поехала дальше – ведь столько еще людей нуждается в поддержке и в ее «Доброте».

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГИПЕРБОРЕЮ

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

ФОТО

ЛЕОНИДА АРОНЧИКОВА

ЛЮБИТЕЛИ РУССКОГО СЕВЕРА ПРЕДПОЧИТАЮТ КЕНОЗЕРЬЕ,
КАРГОПОЛЬ, МЕЗЕНЬ. ТЕПЕРЬ ЗДЕСЬ ЕСТЬ УСЛОВИЯ,
ЧТОБЫ ПРОВЕСТИ ВРЕМЯ С ПОЛЬЗОЙ И ДАЖЕ КОМФОРТОМ: ГОСТЕВЫЕ
ИЗБЫ, ЭКСКУРСИОННЫЕ МАРШРУТЫ, В ТОМ ЧИСЛЕ И ВОДНЫЕ.
А ВОТ ВЕРХНЕТОЕМСКИЙ РАЙОН АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ
ПОКА ЕЩЕ НЕ ПОПУЛЯРЕН У ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ.

Красный песок
характерен для берегов
Мезени и других рек
Мезенского района.
Это хрестоматийный,
любимый художниками
и фотографами вид
на деревню Кимжа

В ДЕРЕВНЮ ОКУЛОВскую Верхнетоемского района нам предложила приехать местная жительница Светлана Гаврилова. Многие нас отговаривали от этой затеи: мол, туда не добраться. В советское время в Окуловскую летали вертолеты из райцентра Верхняя Тойма. Теперь доехать можно по зимнику, то есть зимой, когда все замерзает.

А мы отправились туда в августе. За нами в село Карпогоры на «буханке» приехал житель Окуловской Сергей Дунаев. И вот началось наше путешествие по бездорожью: лесными просеками, по грязи, ямам и ухабам. По этим просекам на мощных лесовозах вывозили когда-то лес. Деревянные мосты через речки, которые встречались по пути, выглядели так, будто мы попали в Средневековье. В конце утомительной поездки, длившейся девять часов, мы поняли, что такое «дорога, которой нет на карте».

Никаких гостевых домов в Окуловской нет, нам предложили остановиться в местной школе-интернате: благо летом она пустует – дети живут у родителей. Это типичная северная история. Школы теперь есть не в каждой деревне, и, чтобы детям не приходилось каждый день добираться на занятия издалека, при школе в Окуловской построен интер-

Деревня Луда
Приморского района.
За деревней в поле
стоит деревянная
однокупольная
церковь Рождества
Богородицы.
Она в плачевном
состоянии, крыша
скоро рухнет

Снимок сделан
Михаилом
Пришвиным
в 1935 году.
Единственная
фотография, на
которой можно
увидеть оба
храма на Вые.
Ильинская
шатровая цер-
ковь 1600 года
и церковь Афа-
насия и Кирилла
1868 года

нат. Как мы поняли по графику дежурств, висящему при входе, в 2018-м в школе учились восемь мальчиков и девочек. А в самой Окуловской, прежде многолюдной, теперь живет всего 125 человек. Колхоза нет. Дорогу сюда не прокладывают. В администрации области говорят: если построят здесь какой-нибудь комбинат, то о дороге подумают. Но получается замкнутый круг: строительство производства невозможно из-за отсутствия дорог.

ДЕЛО ЖИЗНИ СВЕТЛАНЫ ГАВРИЛОВОЙ

Преподаватель английского из Москвы Светлана Гаврилова в детстве проводила здесь каникулы у своей бабушки, запомнила красоту этих мест и возвращающуюся на холме за Выей, притоком крупной реки Пинеги, разрушенную церковь. Прошли десятилетия, Светлана приехала на Выю и купила избу в деревне Новинки, соседней с Окуловской. «Я смотрю за окно и вижу тот же пейзаж

и те же дома, на которые смотрели мои прадеды за сто лет до меня. С тех пор здесь мало что изменилось. Какие-то старые дома разрушались, но взамен строили точно такие же, без новомодных влияний», — говорит Светлана. Она решила сделать все, чтобы восстановить ту самую разрушенную церковь — деревянный храм Афанасия и Кирилла, патриар-

хов Александрийских. За помощью Светлана обратилась к волонтерам движения «Общее дело». Молодые девушки и юноши из Москвы приезжают сюда уже третью лето. Не сказать, что работа идет быстро. Но, наверное, важно то, что местные жители вдруг почувствовали значимость своего села, красоту деревянной церкви и подключились к ее восстановлению.

Деревянный храм Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских стоит на реке Вые, напротив деревни Окуловской. Восстановлением церкви три года назад стали заниматься волонтеры

Афанасьево-Кирилловский храм в советское время утратил главу и шатровое завершение на звоннице, но, по мнению волонтеров, не выглядел безнадежным. Начали с того, что вынесли битое стекло и мусор. Потом местный предприниматель помог со строительными материалами. Потом открыли счет, на который желающие могли перечислить деньги. Затем к работе подключились пять жителей Окуловской, которым понравилось работать «для мира».

Постепенно храм преображался. Вычистили полы и проемы окон, а также частично стены и потолок. Над алтарем повесили иконки. Аналой с иконой украшен рушником. Светлана Гавrilova получила его от матери, а та — от бабушки, эту семейную ценность Светлана и привезла на Выю. На стене трапезной повесили фотографии, предоставленные Музеем архитектуры имени Щусева. И кто бы мог подумать: на одном из снимков жительница Окуловской Ида Константиновна узнала дом своего деда, Григория Клещина.

Уроженец этих мест Андрей Верещагин давно живет в Северодвинске, работает инженером на заводе. Теперь каждый свой отпуск он проводит здесь. Делает чертежи, буквально летает по лесам в храме, ловко забирается на крышу. Московские архитекторы, которые консультировали волонтеров, отметили профессиональную работу Андрея. «Церковь много лет была заброшена, и у меня появилось желание сделать что-то хорошее, мне дорог этот храм, ведь мои родители из этих мест, – говорит Верещагин. – Мы ведь знаете кто? Мы – чудь белоглазая!»

О мифических местных племенах чуди белоглазой сохранились предания. Когда-то старики показывали место в лесу, где находилась земляная крепость «завоцких» племен на Пинеге. Здесь была последняя битва новгородцев с чудью. Отступая, чудь закапывались в ямы – «ушли под землю». Некоторые исследователи считают, что «чудь белоглазая» – представители народов меря и весь, а в основе легенд лежат истории о христианизации этих мест.

Вид на Одигитриевскую церковь в деревне Кимжа. После реставрации памятник петровского времени выглядит как новенький

Брошенная техника в деревне Погорелец. Названа она так не потому, что горела, а потому, что стоит на горе

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НА ВЫЕ

На Выю и раньше было трудно попасть, места были заповедными, неизученными. До революции относились они к Сольвычегодскому уезду Вологодской губернии. Недавно на масштабной выставке художника Василия Верещагина в Третьяковской галерее были представлены его работы, написанные во время путешествия на Север. В 1894 году художник с женой и малолетней дочерью плыл на барке по Северной Двине. Через год издал свои дневники.

В 1935 году здесь был Михаил Пришвин, искавший девствен-

ный лес под названием «Чаша». «Там трехсотлетний мачтовый лес стоит такой ровный, что стяга не вырубишь, такой частый, что спиленное дерево не может упасть, – пишет Пришвин в «Северном лесу». – А вокруг этих чащ стоят тоже не знающие топора боры-беломошники, в них большими стадами пасутся дикие олени...».

Длина Выи около 200 километров, это небольшая лесная река. Но здесь было построено несколько памятников, вошедших в хрестоматии древнерусского искусства.

Выйский погост возник при Борисе Годунове. В 1600 году здесь, на границе Новгородского и Московского княжеств, возвели монументальную деревянную Ильинскую церковь. Рубленная восьмериком, она стояла посреди поля на высоком берегу Выи. В 1868-м неподалеку возвели зимнюю церковь Афанасия и Кирилла, патриархов Александрийских.

В 1921 году в экспедицию по берегам Пинеги и Выи отправился знаменитый архитектор Петр Барановский. Деньги ничего не стоили в то время, он взял с со-

Старая пожарная машина в деревне Кильца, одной из красивейших на Мезени. На первом плане остатки огромного «взвоза»

бой соль и выменивал ее на продукты, расплачивался ею за перевправы на лодках. Архитектор интересовался шатровыми храмами и отмечал, что в каждой деревне встречает по нескольку деревянных шедевров. Строили северяне на славу, чтобы внуки и правнуки гордились этими храмами – «чудными вельми». Достигнув верховьев Пинеги и Выи, Барановский попал в Окуловскую. Он обмерил и сфотографировал Ильинскую церковь, назвав ее «неповторимым явлением во всем мировом деревянном зодчестве». Шедевру оставалось жить недолго. В 1938 году летнюю Ильинскую церковь раскатали на дрова. Члены экспедиции, прибывшей сюда из Ленинграда в 1940-м, были ошеломлены: они рассчитывали увидеть храм, но обнаружили лишь развалины, а рядом – массивные бревна в штабелях и остатки иконостаса. Местные рассказали, как с большим трудом, привязав тросы к шатру, повалили церковь. Пришлось звать даже жителей соседних сел, чтобы справиться. К счастью, остались фотографии главной достопримечательности Выйского погоста.

Главный храм Выйского погоста был разрушен, но уже нет сомнений, что второй храм, зимний, Афанасьево-Кирилловский, будет восстановлен. Прошлым летом на крышу водрузили главку, привезенную из Москвы.

ИКОНЫ ВЫЙСКОГО ПОГОСТА

Верещагин, вернувшись из путешествия, написал картину «Икона Святого Николы с верховьев реки Пинеги». Художник узнал об особо чтимой иконе, которая находилась в Ильинской церкви на Вые, и отправился с проводником по дебрям, чтобы увидеть ее и запечатлеть. Чудотворная икона была резной, Николай Угодник изображен на ней в полный рост. В левой руке святой держит модель спасенного им города Можайска, в правой –

Редкая икона «Чудо Георгия о змие» находилась в одном из храмов на Вые, сейчас украшает постоянную экспозицию Британского музея

меч. В начале 1990-х, по словам местных жителей, лесная часовня, где находилась икона, сгорела от свечки.

В альбоме Савелия Ямщикова «Древнерусская живопись. Новые открытия», изданном в 1965 году, воспроизведена икона XV века «Чудо Георгия о змие». Там же указано, что икона хранится в частном собрании в Москве, владелец не назван. Этот образ также раньше находился в одном из храмов Выйского погоста, а затем был спрятан кем-то из местных. Святой Георгий с разевающимся алым плащом изображен на черном коне. Совершенная композиция и колорит говорят о том, что иконописец был великим мастером, скорее всего, из Москвы или Ростова. Сейчас икона находится в собрании Британского музея, куда она была продана искусствоведом Марией Розановой и писателем Андреем Синявским. Мы позвонили Марии Розановой в Париж, и она рассказала о том, что, путешествуя по Северу, приобретала иконы у местных жителей, а затем сама реставрировала. По ее словам, святой Георгий на черном коне был ею лично выкуплен и очищен от поздних наслоений. О том, как и почему диссидентам Синявскому и Розановой разрешили в 1973 году вывезти их коллекцию на Запад, написано немало. Увы, наше национальное достояние сейчас находится в постоянной экспозиции Британского музея. В 1950–1960-х годах на Русский Север хлынули и настоящие исследователи – это были многочисленные экспедиции из музеев и научных институтов. Сотрудники Пушкинского Дома во главе с Владимиром Малышевым ездили на Мезень за старообрядческими книгами. Искусствоведы Третьяковской галереи и Русского музея собирали древнерусскую живопись и шедевры прикладного искусства. Приезжали и записывали былины и песни этнографы. Художники писали эти удивительные

места и северных крестьян. Но, к сожалению, на Север устремлялись и спекулянты, порой за бесценок скупавшие иконы, прялки, сарафаны.

Правда, были и просвещенные коллекционеры, такие как, к примеру, художник Илья Глазунов. Часть собранной им коллекции можно увидеть в Москве в его галерее, некоторые народные костюмы представляя на выставках его сын Иван. Светлана Гаврилова мечтает, чтобы хотя бы копия иконы Святого Георгия вернулась на Вью. Интересно, что сделать список образа взялся именно Иван Глазунов.

Великое наследие

Летом 2018 года в Кондопоге сгорела деревянная Успенская церковь XVIII века.

Деревянная архитектура Русского Севера не имеет аналогов. Это наше национальное достояние, такое же, как иконопись или древнерусская литература. Деревянное зодчество – часть наследия, которая дошла до нас в изначальном виде, без каких-либо заимствований и влияний.

Беда в том, что традиция прервалась. Такие церкви и избы уже никто не возводит. Нам осталось только хранить то, что мы получили от предков.

Архангельская область по величине равна Франции.

Сколько церквей здесь было уничтожено в советские времена – сказать сложно.

С 1960 года статус памятника государственного значения на Русском Севере получили 99 церквей, 20 колоколен и 30 часовен. За эти годы мы утратили 31 церковь (вместе со сгоревшей Успенской), две часовни и пять колоколен.

Путешествуешь по Архангельской области и с болью видишь повсюду церкви с протекающей крышей или совсем руинированные. Нужно сохранить наше великое наследие.

Деревня Луда,
ряжевый мост
через речку Луду

ПУРНЕМА И КИМЖА

Деревня Пурнема расположена на онежском берегу Белого моря. Мы приехали сюда на машине на полдня. Дорога оказалась на удивление неплохой.

Пурнему разделяет на две части огромный овраг, через который перекинут интересный подвесной мост – такой же конструкции, как мост в Окуловской. За деревней находятся две церкви. Никольская шатровая считается самым древним храмом на побережье Белого моря, она была освящена в 1618 году. На ее стене – табличка, сообщающая о том, что памятник охраняется государством. Однако состояние церкви сложно назвать удовлетворительным. Зимняя Рождественская церковь XVIII

веком состояния. Вокруг храма – остатки деревянных лесов: реставрационные работы начаты, но брошены. Такое ощущение, что к двум этим церквям давно даже туристы не подходили. Пурнема лежит в стороне от туристических троп, остановиться здесь негде, а местное население, как и положено поморам, к приезжим относится настороженно...

Когда-то в деревню Кимжа Мезенского района можно было добраться только по воде или на вертолете. После того как десять лет назад сюда проложили дорогу, Кимжа стала привлекать все больше туристов. Она вошла в число «самых красивых деревень» страны. Несколько гостевых домов, столовая, да и местные жители готовы пре-

До сих пор на Русском Севере не запирают двери. Если дверь подпирает метла, это знак, что хозяев нет дома

доставить ночлег. Профессиональные экскурсоводы, продуманные пешие маршруты. Даже осенью каждый день здесь можно встретить группу любителей старины, осматривающих достопримечательности. Ветряных мельниц, которые здесь называют столбовками, было 10, теперь остались две, обе восстановлены. Поражает целая улица старинных изб, которая идет, как и полагается, вдоль реки. Есть поклонные кресты, а также типичные северные амбары на ножках. Но главный памятник этих мест, который вошел во все хрестоматии по изучению национального достояния – Одигитриевская церковь петровского времени. Я полагала, что храм этот – темный, почти черный от северных ветров и дождей. По крайней мере, таким он предстает на многочисленных картинах художников, таким выглядит в фильме «Михаило Ломоносов», который снимали здесь в 1986 году. Но...

Храм стоит на деревенской площади и виден издалека. Отличительная черта северных хра-

мов – их местоположение, связь с ландшафтом. Исследователь Михаил Мильчик, путешествовавший по Северу в 1960-х, писал: «Церковь стоит как раз у излучины реки так, что порядки домов, повторяющие изгибы берега, с обеих сторон упираются в церковную площадь. Значит, маковки были видны почти из любой избы. А для всех подплывающих к селу церковь возвы

Столбовка – ветряная мельница в Кимже

деревню
Пурнема на две части разделяет огромный овраг. Через него ведет подвесной мост, построенный в 1928 году

шалась впереди, как цель, как маяк». Мильчик отмечал, что уже полвека назад храм находился в плачевном состоянии, гнил. А от интерьера не сохранилось ничего. Сейчас картина иная: церковь светлая, почти белая. Годом постройки значится 1709-й. Сразу видно: храм изменился, старый сруб обшил сверху новыми досками. Видимо, иначе памятник было бы не спасти... Однако и сейчас местные волнуются. «Здесь ведь была еще одна церковь, старообрядческая, – рассказывает коренной местный житель Павел Крупцов. – Но в ней курятник устроили, и она сгорела как свечка. Вот там она была. Раньше сюда летом приезжали художники и писали нашу Одигитриевскую. Однажды, я тогда был еще мальчиком, насчитал вокруг храма 17 человек с этюдниками. Сколько себя помню, Одигитриевскую реставрируют, все не закончат. А надо бы здесь начинать службы, надо уже... Да и охраны нет». Хорошо, что установлен на крыше громоотвод – значит, храм защищен от удара молнии.

КИЛЬЦА И ПОГОРЕЛЕЦ

Из районного центра Мезень мы решили отправиться в деревню Кильца, ее тоже недавно назвали самой красивой деревней. Эту поездку мы будем помнить долго. Три часа по бездорожью, по ухабам и ямам с водой. Шофер очень не хотел ехать в ту сторону, и его можно понять. Туристы здесь в принципе не бывают, настолько это удаленное и по-настоящему глухое место. Как и Кимжа, Кильца больше других сохранила старину: эти села были основаны старообрядцами, бежавшими в глухие леса Севера. Кильца произвела на нас невероятное впечатление.

Интересно, что в северных деревнях дома строят окнами к реке или озеру. В Кильце, напротив, дома смотрят в сторону полей. На юг. От Мезени село отделено луговым островом, мы ехали как раз с этой стороны, и нам открылся крутой, поросший зеленой травой берег, на котором выселились домов великаны. Государством здесь охраняется лишь один памятник — амбар, хотя здесь много изб XVIII века. Можно увидеть

Елена Поршнева переехала из Архангельска в деревню Лампожня, чтобы стать конезаводчиком. Она надеется привлекать сюда туристов, устраивая экологические тропы и конные прогулки

и «балкончики» на втором этаже, и сохранившиеся, пожалуй, только здесь огромные «взвозы». Это своеобразный пандус, по которому лошадь везет телегу на поветь — хозяйственную часть дома.

Библиотекарь Елена Бунакова, окончившая Институт культуры в Ленинграде и получившая распределение на работу в Кильцу, показала нам стоявшую посередине деревни ржавую пожарную машину. Когда-то в Кильце была пожарная часть!

Но все это в прошлом. Недавно здесь сгорела изба, тушила ее вся деревня. Хорошо, что огонь не перекинулся на соседние дома. В случае пожара нужно звонить по телефону в Мезень. Пожарный расчет будет ехать оттуда примерно полтора часа... Зато в деревне Погорельце церковь восстановили сами жители. Стройматериалы предоставил земляк — бизнесмен из Архангельска. Теперь здесь идут службы, а жители соседних домов наблюдают за ее сохранностью. А вот три ветряные мельницы-столбовки полуразрушены. Они только на первый взгляд похожи на мезенские. В Погорельце столбовки высокие, стройные, стоят прямо посреди поля. Здесь дуют сильные ветры, столбовка должна быть устойчива.

Как грустно видеть вокруг огромное количество полуразрушенных изб! В некоторых окнах выбиты стекла, но еще колышутся кружевные занавески — как напоминание о прежней жизни хозяев. Некоторые дома заколочены, другие вскрыты и разграблены. Мож-

Дорога через Выю на грузовике в том месте, где река неглубока

но заглянуть в окно и увидеть перевернутую мебель и утварь. До сих пор по таким избам лазают мародеры. И вокруг каждой такой заброшенной избы цветет иван-чай, его розовые соцветия ярко горят на солнце. В деревнях говорят, что иван-чай тянется к жилью человека. Особенно грустно видеть, как розовые цветы окружают несколько полусгнивших венцов избы.

ЛАМПОЖНЯ

Мы давно хотели добраться до Лампожни. Деревня стоит на реке Мезени, ниже по течению от Кильцы. Фактически село – это островок, омываемый рекой с двух сторон. Название происходит то ли от имени ее образователя – купца Лампея, то ли от слова «пожня», то есть сенокос. Уже в XVI веке Лампожню посещают заморские купцы, ведь здесь находилась известная ярмарка.

Жители каждого села или городка имеют прозвища. Обитателей Мезени называют «кофейниками»: они пьют кофе, как городские. Жители Кимжи – чернотропы, потомки староверов. Лампоженцев до сих пор называют кибасниками. Кибас – грузило для рыболовной сети в виде круга из обожженной красноватой глины.

Лампожня очень красива и выглядит вполне процветающей.

Вечером возвращаются в свои хлева коровы, прямо по деревенским улицам проходят табуны лошадей. Избы высокие, крепкие. Неплохая дорога из райцентра Мезень, высокие, мощные дома... Видимо, поэтому режиссер Пырьев решил снимать здесь одну из своих известных картин, «Свиарка и пастух».

Теперь в Лампожне есть культурный центр с комнатами для туристов и музей, посвященный выдающемуся земляку – олимпийскому чемпиону лыжнику Владимиру Кузину. Деревню разделяет на две части большой лог, в котором установлены мощные сваи: они препятствуют паданию сюда льдин во время ледохода на Мезени...

Вид на деревню Окуловскую на реке Вые. Сюда сейчас так же трудно добраться, как и раньше. В свое время в эти места приехал художник Василий Верещагин в надежде увидеть знаменитую икону Николая Угодника

Сын Елены Поршневой Елисей держит в руках кибасы – грузила для рыболовных сетей

Заливные луга Лампожни идеально подходят для разведения лошадок мезенской породы. В соседнем селе Дорогорском живет конезаводчик Алексей Сахаров. Из Архангельска в Лампожню полтора года назад приехала зоотехник Елена Поршнева – она тоже намерена разводить мезенок. Лена, ее мужу Андрею и сыну Елисею выделили большую избу, где из всех щелей дует. Фактически дом разваливается на части, но другого здания у сельсовета нет. Есть и другие проблемы. Школы в Лампожне нет, Елисею приходится пять дней в неделю жить в интернате в Дорогорском. Конюшни у начинающих конезаводчиков тоже пока нет, двух лошадей и двух жеребят держат в деннике, на первом этаже избы. Тем не менее Лена полна планов. Разводить лошадей, придумать экологические тропы для туристов, помогать больным детям. Мезенки, кстати, для этого идеально подходят. Они невысокие, выносливые, послушные.

«Это первозданный северный край. Гиперборея... Хотелось бы проложить поморскую тропу, – мечтает Лена Поршнева. – Чтобы с высоты седла каждый мог видеть красоту эту. У нас в каждой деревне есть на что посмотреть! Первый наш маршрут будет для новичков. Из Лампожни – в Кимжу». Ⓜ

МЕЧТА О СЕВЕРНОМ ОЛЕНЕ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЧЕТВЕРЫЙ ГОД ЗАПОВЕДНИК «КЕРЖЕНСКИЙ»
ВОССТАНАВЛИВАЕТ ПОПУЛЯЦИЮ ЛЕСНОГО
СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ НА ТЕРРИТОРИИ
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ.

ПОСЕЛОК РУСТАЙ давно остался позади, а Сергей Суров и Дмитрий Карпухин все еще спорят об этимологии его названия. В тесном салоне уазика нас бросает из стороны в сторону, кажется, думать можно лишь о том, когда мы наконец доберемся до места назначения... А они – все о своем! Сергей настаивает, что «Рустай» расшифровывается как «Русская тайга». Дмитрий находит в названии марийские корни. Но тут очередной ухаб заставляет пассажиров, вновь протестировавших головами твердость потолка, дружно проклинать бездорожье. На самом деле уазик едет не по дороге, а по насыпи старой узколейки. От нее кое-где еще шпалы остались. Прав-

да, сейчас их под снегом не разглядишь.

Эта насыпь делит Государственный природный биосферный заповедник «Керженский» на северную и южную стороны. Узколейку прокладывали еще в 1940-е годы. После создания заповедника в 1993 году остатки рельсов, понятно, убрали. А вот столбы пришлось оставить, иначе сколько леса пришлось бы вырубить вокруг!

Электричество на кордоны заповедника не подведено. Так что приходится сотрудникам пользоваться керосиновыми лампами и бензиновыми генераторами. Но в прошлом году на кордоне Черноречье поставили шесть больших солнечных батарей: электричество здесь необходимо из-за содер-

жающихся в большом вольере лесных северных оленей. Батареи устанавливал электрик Дмитрий Карпухин. Тогда он и увидел впервые только что завезенных молодых оленей. А сейчас ему не терпится посмотреть, как они выросли.

Видимо, решив отвлечь нас от «прелестей» дороги, Дмитрий со знанием дела расспрашивает Сергея о последних данных фотоловушек. Тот говорит, что медведь подкапывался под оленей. Рысь часто ходит рядом с вольером – охотится за зайцем. Он пролезает туда, а она не может. «А олени что?» – «Олени бедного зайца гоняют по всему вольеру, как футбольный мяч, пока тот не сбежит!»

О лесном северном олене в Нижегородской области в последние годы говорят очень много. Как-никак в керженских лесах возрождают популяцию животного, украшающего герб губернии! Сергей с гордостью сообщает электрику, что уже есть две самки, которые приносят приплод, недавно появилась еще одна. А скоро привезут двух новых «невест».

ЯГЕЛЬ И РОГА

Но вот и кордон Черноречье. На месте бывшего когда-то тут пристанционного поселка узкоколейной железной дороги сотрудники заповедника сорудили вольер. Рядом с ним еще можно увидеть старые сараи, погреба и домики, в которых поселились колонии летучих мышей.

В вольере оленевод Михаил Сойма загружает кормушки... арбузными корками. И, только приблизившись, мы понимаем, что это вовсе не арбузы, а зеленый полосатый ягель – основной корм оленей. Олени окружили Михаила, толкают его, пытаются выхватить ягель прямо у него из рук. Дмитрий не отрываясь наблюдает за процессом – наконец-то он увидел оленей, с которыми познакомился год назад!

Нам повезло: в феврале–марте взрослые олени сбросят рога, а пока можно любоваться их ветвистыми «коронами». «Красавцами стали!» – восторженно шепчет Дмитрий и вздыхает. Надвигаются сумерки, так что ему пора идти проверять солнечные батареи. Да и Михаил Сойма его поторапливает. Он смотрит на электрика с надеждой: только от Дмитрия зависит, удастся ли оленеводу дочитать толстый роман Золя, в котором уже много дней закладка остается на одной и той же странице. Своей очереди дожидаются книги Аксакова и Паустовского. Михаилу хотелось бы и их осилить. Но днем, пока светло, он ухаживает за оленями, а вечером электричества от солнечных батарей хватает лишь на пару часов. Батареи в зимние дни так плохо заряжаются, что пришлось Михаилу уговаривать Сергея Сурова привезти электрика. Вдруг починка требуется?

Дмитрий проверил батареи и расстроил Михаила: никакого ремонта не требуется, с панелями все в порядке, просто солнца для зарядки действительно не хватает. Но можно запускать

Журнал наблюдений, который заполняет

Михаил Сойма, таит много интересного о жизни северных оленей в керженских лесах

Панели солнечных батарей часто засыпают снегом

бензиновый генератор, утешает оленевода электрик.

За окном совсем темнело. Дмитрий торопится: нужно возвращаться в Рустай. Мы выходим его проводить и смеемся: если бы рядом с крыльцом стояли длинные нарты, то вполне можно было бы поверить, что мы находимся где-нибудь на Таймыре. Олени, ягель, дрова, печка с выбитым на дверце изображением солнца с лучами...

ИГРЫ С ЗАЙЦАМИ

Михаил набивает дровами чугунную печь, спешит растопить ее, потому что надо сушить принесенные с улицы мешки с ягелем. В заповеднике ягель есть, но для оленей, которые живут на кордоне в вольере, он закупается в Ярославской области. Перед тем как засыпать ягель в кормушки, приходится его отогревать, в противном случае куски льда могут поранить оленям губы. А где эти мешки отогреешь? Только в домике оленевода. Вместе с ягелем рядом с печкой сушатся ржаные сухари. Каждый раз, посещая кордон Черноречье, Сергей Суров привозит это лакомство для оленей. Сухари – единственное угощение, которое можно им давать помимо перечня утвержденных кормов. За рационом оленей тут следят очень строго.

В 2014 году заповедник «Керженский» приступил к реализации государственного задания Министерства природных ресурсов и экологии РФ по восстановлению лесного северного оленя на территории Нижегородской области. Сергей

Суров – руководитель этого проекта. Греясь у печи, он расспрашивает меня о первых впечатлениях от оленей.

– Вот обратили внимание: один самец в вольере отдельно держится? – спрашивает Сергей. – Это – Малыш, особо доминантный самец. Весной ему исполнится 4 года, еще молодой. А вот другому самцу, Захару, 5 лет. У него проплешина на боку, видели? Это ссадина. Появилась недавно, после гона. А вот Керженка, молодая оленуха, у нее поломан рог. Ей имя выбирали в Интернете. Нет-нет, никто ей рог не ломал. Сама виновата. Резвилась слишком, когда рожки были молодые. Так что теперь голова примет аккуратный вид только весной, когда рога отпадут. Цвет шкуры у оленей сейчас соответствует сезону: светлая шея, светлый бок, более темная спина, темные ноги, белое подхвостье. Такая «расцветка» позволяет им маскироваться. Ведь стволы сосен внизу такого же цвета.

– Точно! Бывает, пересчитываешь оленей и не досчитаешься. Так они сливаются с деревьями! – подтверждает Михаил.

Оленеводы регулярно пересчитывают оленей, ведь хищники в заповеднике не дремлют. Волки часто подходят с северной стороны вольера. Нередко появляется медведь, как-то раз оленеводы обнаружили, что бурый пытался подкопаться под изгородь. В опасной близости от оленей однажды оказалась рысь: взобралась на крышу ветхого строения неподалеку от вольера и пыталась перепрыгнуть через изгородь.

А с зайцами олени действительно играют в «догонялки». Уже несколько раз косой, спасаясь от рыси, забегал в вольер и превращался в игрушку для быстрононогих оленей. Бедный заяц мечется по вольеру, уверчиваясь от копыт, и в конце концов выбирается сквозь сетку вольера. Однако по-настоящему оленеводы перепугались, когда обнаружили, что в куче объеденных оленями веников поселились

гадюки. Одна из них даже успела укусить самца Захара. Хорошо, что Михаил Сойма вовремя разглядел опухоль на ноге и вызвал специалистов.

Замечательно то, объясняет Сергей, что олени вписались в эко-

систему. Мышки и другие мелкие животные используют их шерсть для обустройства своих нор. А рядом с вольером Сергей уже находил птичьи гнезда, свитые в том числе и из оленей шерсти.

Об оленях Сергей говорит с нежностью. Становится ясно, что на эту тему он может рассуждать бесконечно. Но вдруг он прикладывает палец к губам:

– Тсс! Если мы помолчим и не будем шуметь, то услышим с улицы равномерное сухое постукивание. Это при ходьбе стучат суставы в ногах оленей. Этот звук можно услышать только при абсолютной тишине.

Мы замираем. Из темноты за окном доносятся короткие щелчки. Ровно столетие их не было тут слышно. Истребляемый человеком лесной северный олень покинул свой исконный ареал обитания между реками Керженец и Ветлуга и поднялся на тысячу километров к северу. И вот, спустя век, стук суставов шагающего лесного северного оленя вновь раздается в керженских лесах.

По глубокому снегу к оленям Сергей Суров только на снегоходе и добирается

ТОЛЬКО СВОЙ

Мечты увидеть лесного северного оленя свободно гуляющим по нижегородским лесам у местных энтузиастов зрели давно. В 1960-е годы в Михайловский охотничий заказник завезли полсотни тундровых домашних оленей. Передержали их в вольерах и выпустили. Они, конечно, пошли к людям в деревни, а их там перестреляли. Идея восстановить популяцию лесного северного оленя привлекала и энтузиаста сельского туризма предпринимателя Александра Пирогова. Он завез сюда около 20 особей домашнего северного оленя, но из-за болезней все стадо погибло.

Программа по восстановлению северных оленей сдвинулась с мертвой точки при директоре и создателе заповедника «Керженский» Елене Николаевне Коршуновой. Уроженка Нижнего Новгорода, она еще студенткой, в 1973–1974 годах, проводила в этих лесах зимний маршрутный учет для охотничьей инспекции.

И уже тогда задумывалась о том, как было бы замечательно вернуть в эти места лесного северного оленя. Разговоры об этом шли еще до войны, когда разрабатывались планы по созданию заповедника.

А в 2012 году в заповеднике побывал высокопоставленный чиновник Министерства природных

Олененок маленький, но рога у него большие...

ресурсов и экологии РФ, до того работавший заместителем губернатора Нижегородской области. Он говорил Коршуновой, что лучше разводить белохвостого оленя, от него приплод дважды в год. А от северного – один раз. Коршунова возражала против оления с американского континента. Свой же есть! И вообще, это вопрос долга – восстановить лесного северного оленя в нижегородских лесах. Чиновников удалось убедить. И в декабре 2014 года на территорию заповедника завезли потомство лесных северных оленей, появившихся на свет в зоопитомнике Московского зоопарка: двух самцов и трех самок.

Коршунова же и уговорила Сергея Сурова возглавить проект. Она знала его еще студентом, когда он – активный участник студенческой «Дружины охраны природы» – часто бывал в заповеднике. Сейчас Елена Николаевна на пенсии, живет в поселке Рустай. В лесу на кордоне Черноречье она побывала, когда сюда привезли оленей. Сергей не раз предлагал бывшему директору тоже подключиться к проекту, но Елена Николаевна отказалась. Однако, по словам Михаила Соймы, когда бывший директор встречает в поселке оленевода, то обязательно расспрашивает о том, как поживают лесные северные олены.

Весной такие украшения пополняют эту кучу в углу

НЕ ЗИНКА, А ТОША

...Утром, взясь у печки, Михаил Сойма спрашивает у Сергея: – А что это за странное выражение бывает у оленя на морде, когда он верхнюю губу поднимает? Это что значит?

– Это он свое недовольство показывает, – объясняет Сергей. Михаил задумывается: чем он мог обидеть оленей? И объясняет, что вопрос этот задали ему внуки, которые часто расспрашивают деда об оленях. Между прочим, у Михаила практически вся семья в заповеднике трудится. Дочь и жена работают в экоцентре: одна – сторожем, другая – пропуска выписывает. Жена иногда приезжает на кордон, помогает мужу заготавливать сено для оленей.

Супруга Сергея Сурова Дарья, которая переселилась из города в поселок, тоже часто бывает на кордоне. Конечно, вместе с мужем, который всегда готов помочь Михаилу. Вот и сейчас он вместо Соймы собирается на утренний обход вольера. Хорошо, что последние три дня снег не шел – можно обойтись без лыж.

Обход достаточно делать раз в сутки. Правда, если поднимается сильный ветер, оленеводам приходится чаще навещать своих питомцев: вдруг порыв ветра повалит дерево, которое повредит вольер? К примеру, на Черном хуторе, где три олена были выпущены в «свободное плавание», бобры свалили осину прямо на ограду. «Свободным плаванием» оленеводы называют пребывание оленей в адаптационном вольере площадью 123 гектара. Если на кордоне Черноречье животных кормят, то на Черном хуторе олени сами добывают себе еду. Сергей Суров навещает их раза два в неделю. Переместили животных туда в мае прошлого года, и за это время олени успели научиться осторожности. «Если мы придем на Черный хутор, то близко олени нас к себе не подпустят. Можно провести там несколько суток и все равно не увидеть их, – рассказыва-

ет Сергей. – Старшие самцы, Степан и Зиновий, совсем одичали. Но самый молодой, Тоша, еще может подпустить к себе». Кстати, с Тошей вышел конфуз. В июле 2017 года у молодой пары Люси и Захара на кордоне Черноречье родился первенец. Олененка назвали Зинкой и очень обрадовались: в заповеднике давно ждали, когда наконец родится самочка. Двух предыдущих оленят, кстати, тоже сначала называли Зинками, но в итоге их пришлось переименовывать, поскольку оказалось, что родились самцы. Но, как выяснилось, и в третий раз оленеводы поторопились. Через две

Среди леса
оленых рогов!

Сидя у печки,
Михаил Сойма
порой завидует
способностям
своих подопеч-
ных переносить
льготные морозы

недели стало ясно, что Зинка – вовсе не она, а он. Сначала решили назвать нового олененка Зенон, поскольку предыдущие Зинки стали Захаром и Зиновием. Но имя Зенон не прижилось, и олененок был снова переименован – на сей раз в Тошу. Тоша оказался очень активным и умным. Однажды сумел так спрятаться, что Михаил Сойма пришлось сильно попотеть, разыскивая его...

И между прочим, зря оленеводы расстраивались. Через год у той же Люси родилась самочка – та самая Керженка, которая пока бегает без одного рога. Но к весне, когда в заповеднике будет проводиться научный семинар по лесному северному оленю, у Керженки отрастут новые рожки. Так что гости увидят ее во всей красе. В том числе и Лейф Блумквист, приезда которого из Финляндии с нетерпением ждет Сергей Суров. Ведь этот человек – хранитель племенной книги по северному оленю, которую он ведет несколько десятилетий. Племенная книга – это сайт в Интернете, обновляемый каждый год. Сергей переписывается с Блумквистом и регулярно отправляет ему информацию о керженских оленях. И очень хочет, чтобы Лейф наконец познакомился с ними. ●

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

**Во всех почтовых
отделениях России:**
по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

**В почтовых отделениях
стран СНГ:**
по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:
электронный каталог агентства
«ИНФОРМАУКА» на сайте
www.informnauka.com

**Корпоративная подписька
по Москве (доставка курьером):**
электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru